

ЕЖЕГОДНИК

**финно-угорских
исследований**

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 1

Ижевск

2011

Редакционный совет:

В.Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д.В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А.Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н.Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А.С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В.М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В.И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю.А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
М.В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Турку)
К. Салламаа (Финляндия, Оулу)
С. Тот (Эстония, Таллинский университет)
И.Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е.П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж)
В.А. Юрченков (Саранск, НИИГН)

Редколлегия:

В.М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т.Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В.Н. Денисов (Санкт-Петербург)
М.Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А.С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А.В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р.В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н.И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р.Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г.А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А.Н. Прокопьев (Ижевск, УдГУ)
Ю.В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И.В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н.А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г.Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 1

Ижевск

2011

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н.И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор,
проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А.В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д.И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 1 / Науч. ред.
Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова;
отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,
2011. – 168 с.

Сборник содержит материалы докладов Международной научной конференции, посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Гангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича.

Освещаются вопросы этнографии, археологии, антропологии, языкознания, литературоведения и религиоведения.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам культурных учреждений.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Удмуртский государственный университет, 2011

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

М.Г. Атаманов	7
<i>Мерзлякова Г.В.</i> Вступительное слово	9
<i>Гришкина М.В.</i> М. Г. Атаманов – выдающийся просветитель удмуртского народа, ученый и писатель-публицист	13
Я З Ы К О З Н А Н И Е	27
<i>Атаманов М.Г.</i> Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем	27
<i>Пяль, П.</i> О некоторых параллелях между удмуртскими и эстонскими топонимами	62
<i>Кириллова Л.Е.</i> М.Г. Атаманов и удмуртская топонимика	67
Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е	75
<i>Вяношев В.М.</i> «Тангыра» Михаила Атаманова как авторский вариант удмуртского эпоса	75
<i>Шкляев А.Г.</i> «Тангыра» в контексте удмуртских эпических сказаний: параллели и отличия	87
<i>Крестьянинова И.М.</i> Образ малой родины – <i>Эгра</i> – в творчестве М.Г. Атаманова-Эграпи	93
И С Т О Р И Я , А Р Х Е О Л О Г И Я , Э Т Н О Г Р А Ф И Я	98
<i>Иванова М.Г.</i> Иднакарский комплекс памятников в контексте этногенеза удмуртов	98
<i>Харин Г.С.</i> Апотольские труды отца Михаила	106
<i>Останина Т.И.</i> Арские удмурты по археологическим данным	117
Д И С К У С С И И , Г И П О Т Е З Ы	130
<i>Кельмаков В.К.</i> Михаил Атаманов и удмуртская народная песня. Штрихи к творческому портрету юбиляра	130

РЕЗОЛЮЦИЯ Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича (25–27 ноября 2010 г., г. Ижевск)	136
О Т З Ы В	138
Отзывы о конференции	138
Список публикаций Михаила Гавриловича Атаманова	141

М.Г. АТАМАНОВ

Михаил Гаврилович Атаманов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ, протоиерей Русской Православной церкви, член Союза писателей России.

М.Г. Атаманов родился 19 сентября 1945 г. в д. Старая Игра (Вуж Эгра) Граховского района Удмуртии в крестьянской семье.

Окончив 8 классов в 1961 г., поступил учиться в Асановский совхоз-техникум, после окончания которого с 1966 по 1968 годы служил в рядах Советской Армии в Забайкальском военном округе. С 1968 по 1970 гг. Михаил Атаманов работал зоотехником в родном колхозе. В 1970 г. он поступил на удмуртское отделение филологического факультета Удмуртского государственного университета.

В 1970–1975 гг. – учеба на удмуртском отделении филфака УдГУ.

После успешного ее завершения направлен в целевую аспирантуру на финно-угорскую кафедру Тартуского университета (Эстония), где начал свою научную деятельность под руководством Пауля Аристэ — выдающегося лингвиста с мировым именем.

Досрочно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Этнонимы удмуртов в топонимии» в 1978 г., М. Г. Атаманов вернулся в Ижевск и в течение 12 лет (1978–1990 гг.) работал в секторе языка НИИ при СМ УАССР (ныне — УИИЯЛ УрО РАН).

С конца 1989 г. служит в Русской Православной Церкви. 21 января 1990 года посвящен в сан диакона. Будучи священнослужителем, диакон Михаил Атаманов в 1996 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Топонимические пласты

Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов» (Йошкар-Ола, 1996).

Более 300 научных и научно-популярных статей, рецензий М.Г. Атаманова посвящено вопросам исторической ономастики, этнической истории удмуртского народа, диалектологии, фольклору, этнографии.

В числе научных работ М.Г. Атамановым издано 7 монографий: «Удмуртская ономастика. Этнонимика; топонимика; антропонимика» (1988), «Удмурт нимбугор. Словарь личных имён удмуртов» (1990), «История Удмуртии в географических названиях» (1997), «По следам удмуртских воршудов» (2001), «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов» (2005), «Песни и сказы ушедших эпох: Эгра кырза, Эгра вера» (2005), «Происхождение удмуртского народа» (2010).

М.Г. Атаманов участвовал в работе трех Международных конгрессов финно-угроведов, выступал с докладами на всероссийских, региональных и республиканских конференциях, симпозиумах. В уралистике он известен прежде всего как автор многочисленных статей по удмуртской ономастике и как переводчик Библии на удмуртский язык.

М. Атаманов не столько классический лингвист, сколько топонимист, известный специалист в области ономастики, квалифицированный диалектолог, талантливый фольклорист, сделавший богатейшие записи, а также вполне сложившийся этнограф, внесший существенный вклад в разработку проблем этногенеза и этнической истории удмуртов. Его труды, посвященные уникальному по своей сохранности в Поволжско-Приуральском регионе институту воршуда удмуртов, стали классикой удмуртоведения.

На основе эпических песен-сказаний М. Атаманов создал эпос «Гангыра», который был издан в 2008 году. В эпосе автор обращается к осмыслению наиболее драматических, переломных моментов истории удмуртского народа в форме мифологического повествования, в него вкраплены тексты подлинных удмуртских песен, сказаний и молитв.

М. Атаманов побывал в Иерусалиме, и, описав на родном языке свое путешествие, открыл «землю обетованную» для многих удмуртов.

Он член Союза писателей России; опубликовал несколько книг религиозно-духовного и нравственного содержания. Сборник его эссе «Мон – удмурт. Малы мыным вось?» (Я – удмурт. Отчего мне больно?) отмечен литературной премией «Программы родственных народов Эстонии» (2009). Избран членом Финно-угорского общества Финляндии (Хельсинки).

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II работает над переводом Библии, богослужебной и духовной литературы на удмуртский язык. Изданы большим тиражом Евангелия, Новый Завет, Псалтирь, Книги Царств; Молитвослов, Часослов, Каноник, чин Литургии и др.

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, 2 орденами и медалью РПЦ (МП).

Г.В. Мерзлякова

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Многоуважаемые коллеги, участники конференции, наши дорогие гости и все здесь присутствующие! Международную научную конференцию «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященную 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России, протоиерея Михаила Гавриловича Атаманова, священнослужителя Русской Православной Церкви, объявляю открытой.

Начало нашей конференции по желанию юбиляра и по доброй, древней российской традиции начнем с духовной песни «Царю Небесный – Инмысь Эксэй» на церковно-славянском и удмуртском языках.

Дорогие участники конференции и все здесь присутствующие! Певчие Свято-Троицкого Собора и церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии прихода Свято-Михайловского Собора г. Ижевска приветствуют вас песней, сочиненной отцом Михаилом – протоиереем Михаилом Гавриловичем Атамановым «Югдыты милемыз, Инмаре» (Просвети нас, Боже).

Многоуважаемые участники Международной научной конференции!

Проблема изучения этногенеза любого народа принадлежит к числу важнейших, актуальных, но и самых сложных. Не случайно, как писал отец российской этнографии ушедшего XX века Сергей Александрович Токарев, «проблема этногенеза не разрешена до конца до сих пор ни для одного народа».

Под *этногенезом* понимается совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа. Само слово это образовалось от слияния двух греческих слов: этнос 'народ' + генезис 'происхождение'; оно может быть передано по-русски как «происхождение народа».

Следует сказать, что интерес к вопросам происхождения, этнической истории народов возник не сегодня и не вчера, а сотни и тысячи лет тому назад. Если взять книгу книг Библию, в первую очередь – Ветхий Завет, то она наполнена сведениями по истории формирования всех 12 колен израильских, отдельных

семейств выдающихся личностей Израиля, но и всего еврейского народа, а также их соседей – народов Ближнего Востока, Северной Африки.

В эпоху существования Киевской Руси ученый монах, преподобный Нестор летописец (1065–1114 гг.) задался вопросом «Откуда есть пошла Земля Русская?». Такой вопрос могут задать и задают себе все народы мира, ибо познание своего происхождения, своей самобытной истории, языка и культуры – естественная потребность каждого мыслящего человека. Каждый народ хочет знать, кто его предки, откуда они появились, с какими народами он связан своим происхождением, какова была материальная и духовная культура предков в далеком прошлом, что обозначает его – эндоэтноним – самоназвание, например, *удмурт, русский, татарин* и др., или экзоэтноним – название народа, данное другими этносами (например, *одо, ар, вотин* – для удмуртов, *рашин, роч, руотси, урус* – для русских, *бигер* – название, данное татарам удмуртами и т.д.). Для человека любой нации, если он не зомбирован, не стал манкуртом, не превратился в «Ивана, не помнящего родства», все эти вопросы теснейшим образом связаны с его национальным самосознанием, с бытующими представлениями о собственном этносе, о собственной нации, заботами о будущем родного народа в глобализирующемся мире.

Проблема изучения этногенеза требует комплексного, то есть совместного и согласованного исследования рядом научных дисциплин, в первую очередь – археологией, лингвистикой, этнографией, антропологией, а также генетикой, этнопсихологией, палеоботаникой, палеогеографией и др. Комплексность изучения сложной и важной темы, касающейся истории формирования любого этноса, требует объективной оценки культурных достижений всех народов, на каком бы уровне общественного развития они ни находились. «С точки зрения Л.Н. Гумилева, каждый народ (этнос) Земли, без исключения, обладает оригинальной этнической историей, к которой не применимы определения “хуже” или “лучше”, “культурный” или “бескультурный”, так как любой этнос в своем развитии подчиняется одним и тем же универсальным закономерностям этногенеза. В этом я вижу высокий гуманизм его концепции», – писал академик Д.С. Лихачев.

Фундаментальные этногенетические проблемы впервые были поставлены и комплексно решались на первой специальной научной сессии, проведенной в 1951 г. в Москве. Вслед за этим совместным совещанием ученых языковедов, археологов, этнографов, антропологов, имевшим огромный резонанс во всех национальных регионах СССР и за рубежом, начали проводить специальные научные сессии, конференции, совещания о происхождении отдельных народов – балкарского и карачаевского (1959, 2004), мордовского (1964), марийского (1965, 2000), осетинского (1965), башкирского (1969, 2009), коренных народов Сибири (1969, 1973), тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (1998), балтов (1985), славян (1983, 2007, 1996), татар-кряшен (2005), ойротов и калмыков (2009), чуваш (2010) и др. В 2010 г. в Москве прошла научно-практическая конференция под названием: «Этногенез и ранняя история народов Евразии».

С сожалением приходится констатировать: по удмуртам – древнейшем и многочисленном финно-угорском этносе нашей страны – подобные мероприятия не проводились ни в советское время, ни в постперестроечные годы.

Наша сегодняшняя научная конференция, ставящая проблему этногенеза и этнической истории удмуртского народа, посвящена 65-летию доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ, священнослужителя Русской Православной Церкви, переводчика Библии, богослужебной и духовной литературы на удмуртский язык, члена Союза писателей России, автора эпоса «Тангыра», лауреата международной литературной премии «Программа родственных народов Эстонии» (2009) Михаила Гавриловича Атаманова-Эграпи. Смело можно сказать, что вся его жизнь посвящена всестороннему и глубокому изучению и развитию языка, истории, культуры, религии родного народа, много лет трудится он над решением проблемы этногенеза удмуртского народа. Не случайно все эти темы, в знак уважения и признательности научной, духовно-просветительской, проповеднической, литературно-творческой деятельности Михаила Гавриловича Атаманова стоят как заглавные в работе секций нашей конференции: «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия».

Несмотря на обилие заявок на участие в конференции, выступлений по основной теме (этнография, антропология) будет не так много, как бы этого хотелось. Но эта лакуна, думаю, с достоинством будет заполнена на сегодняшней презентации только что вышедшей монографией М. Г. Атаманова-Эграпи «Происхождение удмуртского народа» (Ижевск, 2010) – фундаментальным трудом по этногенезу и этнической истории удмуртского народа. Все четыре раздела этногенетической науки – этнография, лингвистика, археология, антропология – представлены здесь полно, объемно. Работа изобилует в научном отношении ценным иллюстративным материалом в черно-белом и цветном исполнении.

Считаю, что эта замечательная книга – лучший подарок к нашей конференции – станет настольной книгой не только ученых, но и каждого удмурта, кому небезразличны история, язык, культура родного народа, его прошлое и сегодняшний день.

Дорогие коллеги, участники конференции, наши гости!

Каждый живой, развивающийся этнос живет не только своей самобытной историей, культурой. Чрезвычайно важно на современном уровне развитие родного языка, национальной культуры, – будь то литература и эпос, театр, живопись, профессиональное и самодеятельное искусство. На сценах театров должны звучать симфонические произведения, оперы, ставиться балеты национальных композиторов, а фольклорные ансамбли должны в чистоте хранить и исполнять народное искусство, созданное тысячелетиями. Все виды искусства и литературы должны развиваться гармонично, чтобы каждый этнос мог внести в сокровищницу мировой культуры свою лепту, а не прозябать на задворках истории. С глубоким удовлетворением могу сообщить, что поступила масса заявок на выступления в секциях языка, литературы, эпоса, религии и культуры.

Этнос может считаться высокоразвитым, достигшим высокого уровня цивилизации, если на его языке существуют разножанровая художественная литература, эпос, национальный театр; если переведена Библия – для христиан, Коран – для мусульман, а еще лучше, если обе священные книги переведены для знакомства и обогащения культурой и религией соседних народов.

С благодарностью могу отметить: одна из секций посвящена переводу Библии на финно-угорские языки, и сегодня нашими желанными гостями являются руководители Институтов перевода Библии Бранислав Кальчевич из Стокгольма (Швеция) и Анита Лааксо из Хельсинки (Финляндия), а также представители религиозных организаций США и России.

Дорогие друзья, коллеги! Следует подчеркнуть, что задача подобных конференций заключается в том, чтобы продвинуть разработку тех или иных аспектов рассматриваемой проблемы и, что немаловажно, – выявить белые пятна в ее изучении, наметить основные направления дальнейших исследований, наконец, активизировать эти исследования. Такими представляются общие задачи и сегодняшней научной конференции.

Мерзлякова Галина Витальевна,
доктор исторических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

УДК 811.511.131(092)

М.В. Гришкина

**М.Г. АТАМАНОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬ
УДМУРТСКОГО НАРОДА, УЧЕНЫЙ
И ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ**

В статье дан творческий портрет М.Г. Атаманова, раскрыта его деятельность как просветителя, ученого, писателя-публициста, переводчика Библии на удмуртский язык.

Ключевые слова: жизненный подвиг, выдающийся просветитель удмуртского народа, кандидатская диссертация, проблема этнотопонимии – удмуртская воршудная система, расселение воршудных территорий-вылов, картографирование, удмуртская ономастика (этнонимика, топонимика, антропонимика), докторская диссертация, проблемы прародины и этногенеза удмуртского народа, исповедальная публицистика, эпос «Тангыра», уникальное явление финно-угорского мира.

В 1868 г. председатель Вятского уездного училищного комитета Игнатий Фармаковский принял участие в дискуссии о возможности начального обучения детей инородцев: удмуртов, марийцев, чуваш – на их родном языке. «Истины, которые будут сообщены инородцам на их родном языке, никогда не забудутся, – писал он, призывая «не терпеть в инородческих школах учителей, не понимающих языка своих учеников и не владеющих им». Он был совершенно уверен: «опасение, что обучение Закону Божию может сохранить, утвердить и развить такие народности, которые должны **исчезнуть**, в отношении к вотнякам, черемисам и чувашам... нам кажутся вовсе не имеющими практического основания. Народности... могли бы упрочиться и, может быть, **приобрести самостоятельность**... если бы для них постепенно переведена была Библия, литература Святых Отцов и учителей Церкви. Но о таком подвиге в пользу черемис, вотяков и подобных им инородцев никто не думает», стало быть, «опасаться сохранения и развития означенных народностей нет основания» [1] – рассуждал профессор.

Жизнь подтвердила худшие опасения противников обучения инородцев на их родном языке. Правда, от первых попыток обучения основам грамотности до появления человека, способного **на подвиг** перевода Библии и творений Святых Отцов Церкви на удмуртский язык, прошло почти полтора столетия. Необходимы были для этого написание первой грамматики удмуртского языка, создание целой

серии словарей, открытие Карлыганской центрально-вотской школы и Казанской учительской семинарии, в которых прошла обучение первая плеяда удмуртских просветителей. Она пробудила к сознательной духовной жизни следующие поколения удмуртов, приобщившихся к высотам мировой и русской культуры, осознавших необходимость сохранения и развития всего лучшего, что создал в течение многих тысячелетий удмуртский народ. Через огонь и кровь гражданской войны была пронесена и осуществлена идея автономии удмуртского народа. Культурная революция, нацеленная на ликвидацию безграмотности, принесла свет знания тысячам и тысячам мужчин и женщин, дала возможность учиться в школе, несмотря на все трудности, голод и небывалое напряжение, всем удмуртским детям. Удмуртский язык стал действительно языком, через который они познавали большой мир. Наиболее способным и целеустремленным отыскалась возможность получить образование в разных вузах страны. Постепенно формировались профессиональная культура, национальная интеллигенция, понесшая, увы, невосполнимые потери в годы сталинских репрессий. В памяти удмуртского народа навсегда остались имена Кузубая Герда, Кедре Митрея, Трофима Борисова, Максима Прокопьева, Ивана Михеева, Ивана Яковлева, Ашальчи Оки и многих других, принявших свой мученический крест.

Эстафета просветительства, зародившаяся в Казанской учительской семинарии и в Карлыганской центральной удмуртской школе, созданной стараниями и трудами Кузьмы Андреевича Андреева, не прерывалась несколько десятилетий. Правда, в годы войны и особенно в 1950-е гг., когда были ликвидированы национальные школы, удмуртский язык начал терять свое значение языка государственного и становился лишь языком домашнего общения. Но задел, заложенный в предыдущий период, создал запас прочности. Кузницей удмуртских кадров продолжали оставаться Можгинское педучилище, удмуртское отделение филологического факультета Удмуртского государственного пединститута, преобразованного в госуниверситет, выпускником которого стал Михаил Гаврилович Атаманов.

Сейчас, когда М.Г. Атаманову исполняется 65 лет, я с полной уверенностью могу сказать, что его имя можно поставить в один ряд с именами самых выдающихся удмуртских просветителей. Именно он стал тем героем, который дал удмуртскому народу возможность приобщиться к Библии на родном языке, показав возможности языка для выражения самых высоких, священных истин.

К этому главному жизненному подвигу – переводу на удмуртский язык Библии, богослужебной и духовной литературы, житий святых отец Михаил, в миру Михаил Гаврилович Атаманов, шел долго и совсем не простым путем. Наверное, решающим для определения его жизненного пути и мировоззрения была обстановка в семье, в которой ему посчастливилось родиться. Его родители – Гавриил Иванович и Вера Филипповна были людьми незаурядными. Через все испытания жизни они смогли пронести чувство собственного достоинства, сохранить важнейшие человеческие ценности, такие как неиссякаемое трудолюбие, кристальная честность, любовь к своему народу, зерна истинной духовности и веры. Все это они смогли передать своим сыновьям.

Не сразу нашел свой истинный путь и призвание Михаил Атаманов. В дни учебы в Асановском сельскохозяйственном техникуме случай свел его

с участниками этнографической экспедиции, которую возглавляла профессор МГУ К.И. Козлова и в составе которой был студент Володя Владыкин, в будущем известный этнограф. Очевидно, это была закономерная случайность или Божий промысел, который открыл перед молодым человеком совсем другой мир. Став студентом удмуртского отделения, он обратил на себя внимание не только преподавателей, но и удмуртской общественности. Уже тогда на него смотрели как на надежду удмуртской филологии. Огромную роль в том, что М.Г. Атаманов выбрал научное поприще, сыграл Н.П. Павлов, заместитель директора по науке Удмуртского научно-исследовательского института (УдНИИ), уделявший пристальное внимание подбору кадров и вовлечению в науку талантливой молодежи. Он разыскал молодого колхозного зоотехника и, поразившись его познаниям, позаботился об организации его дальнейшей учебы. Высшее образование Михаила не ограничивалось разделами удмуртской филологии, с неодолимой силой влекли его история и этнография удмуртов, фольклор. Уже в студенчестве он начал работать в архивах и рукописных фондах, стал непременным участником этнографических и фольклорно-диалектологических экспедиций в различные районы Удмуртии, в Татарию, Башкирию, Марий Эл, Кировскую и Пермскую области, в далекий Красноярский край и Томскую область, к сибирским удмуртам.

Божий промысел сказался и в том, что в аспирантуре он учился при Тартуском университете – крупнейшем мировом центре финно-угроведения. Не было случайностью и то, что его научным руководителем стал выдающийся лингвист, академик Эстонской академии наук Пауль Аристэ, который, наряду с огромным кругозором, знанием 80 европейских и других языков, гуманностью и другими великолепными качествами научного руководителя и человека, был глубоко верующим, и это тоже было счастливым совпадением.

Диссертационное исследование молодого ученого «Этнотопонимы удмуртов в топонимии», защищенное в 1978 г. в Тарту, было высоко оценено членами Совета и рецензентами, отметившими, что работа «является ценным вкладом в удмуртское и финно-угорское языкознание и этнографию».

Работая затем в УдНИИ, М.Г. Атаманов по материалам своей диссертации издал книгу [2], ставшую своего рода идейной предтечей и фундаментом многих будущих исследований. Великолепный старт, взятый в Тарту, получил закономерное продолжение: ученый не утратил ни творческого горения, ни стремления брать на себя решение сложных задач. Комплексный подход к интереснейшей с позиций многих наук, длительное время не находившей решения проблеме удмуртской воршудной системы дал великолепные результаты. На конкретном материале М.Г. Атаманов реконструировал воршудно-родовой состав более тысячи удмуртских населенных пунктов. Ему удалось решить одну из самых запутанных проблем удмуртской этнографии и лингвистики: он расшифровал этимологию половины воршудных имен, хотя до него считалось, что на материалах удмуртского языка сделать это невозможно, ибо они заимствованы якобы из других языков. В многочисленных статьях и монографии «По следам удмуртских воршудов» [3] ученый доказал, что в основе воршудных имен лежат названия птиц, зверей, насекомых, рыб – древних тотемов рода: *Какся*: *какся* 'цапля'; *Бия*: *биё* 'улитка' *Докъя*: *дукъя* 'глухарь'; *Дурга*: *дурга-дарга*, *даргали* 'майский

жук'; *Ѕанка*: *ѕаны* 'водяной паук' + *-ка* – аффикс; *Ѕезья*: *ѕоз*, *ѕозы* 'кузнечик' + *-я* – аффикс; *Коньга*: *коньы* 'белка' + *-га* – аффикс; *Куака*: *куака* 'ворона'; *Кушья* > *куч* – 'хищная птица (орел)' + *-я* – аффикс; *Сюра*: *сёр* 'куница' + *-а* – аффикс; *Сянья*: *сян* ~ *чан* – 'норка' + *-я* – аффикс; *Уля*: *уля* 'пескарь'; *Юбера*: (сев.) *юбер* – 'скворец'; южн. *юбер* 'дрозд' + *-а* – аффикс; *Юсь*: *юська* 'лебедь' и др. Некоторые воршуды ведут свое происхождение от этнонимов других родственных народов, очевидно, принимавших участие в этногенезе удмуртов: от обских угров: *Эгра*: **Егра* < *Югра*, ср. коми *йӧгра* – обские угры; *Пурга* < **Порга* < *пор* – одна из фратрий обских угров + *-га* – аффикс, возникший по образцу других воршудных имен (*Пельга*, *Омга*, *Дурга*, *Пудга*); от прибалтийско-финских групп: *Чудья*, *Чудна* < *чудь* – вепсы, карелы, иногда эстонцы и финны. В основе нескольких воршудных имен лежат термины родства по женской линии: *мень* (*ичи+мень*) – сноха; *Мӧнья*~*Менья*; *Нылга*: *ныл* – 'девочка, девушка' + *-га* – аффикс; *Узя*: *узыы* 'золовка'.

В честь своего воршуда – семейно-родового божества-покровителя – каждая родовая группа строила *быдӓым куа* – великое родовое святилище, где хранились святыни рода: очаг с подвешенным котлом для варки жертвенного животного или птицы, на полке стоял *воршуд куды* – лукошко или маленький короб с воршудными атрибутами. Это могла быть сушеная рыба, серебряные монеты, кусочки шерсти, ткани и *дэндор* – круглая металлическая бляшка с загадочными изображениями. По сообщениям многих миссионеров и ученых, на этой же священной полке стоял *идол* – образ воршуда в виде птицы, животного или человека, изготовленный из дерева, керамики и металлов: серебра или бронзы. В XIX в. все они были уничтожены по инициативе миссионеров и повелению епархиального начальства.

Кроме того, есть сообщения, что на полке стоял *айшон* – женский головной убор, еще одно, по мнению ученого, доказательство, что воршуд был божеством женским. О матрилокальности воршуда свидетельствует и то, что девушка при замужестве теряла свое личное имя, в новой семье ее начинали называть по имени воршуда, из которого она происходила. Этот факт вслед за Н.Г. Первухиным, П.М. Богаевским, Г.Е. Верещагиным, М.Г. Худяковым, М.О. Косвенном был в 70-х гг. XX в. зафиксирован М.Г. Атамановым в Красногорском, Глазовском, Базинском, Кезском, Игринском, Слободском, Зуевском, Унинском, Малопургинском, Граховском и Алнашском районах, а также в Красноярском крае.

Объединив вокруг себя коллектив разнообразных специалистов (археологов, антропологов, лингвистов, историков, фольклористов), М.Г. Атаманов подготовил серию сборников, создавших надежные подступы к разрешению еще одной сложной и достаточно запутанной проблемы – этногенеза удмуртов [4]. Особенно велик вклад в решение проблемы самого М.Г. Атаманова. Детальное изучение и картографирование распространения воршудных групп помогли ему поставить многие этногенетические вопросы. Так, на основе почти полного совпадения воршудно-родового состава крайних северных (слободско-глазовской) и крайних южных (арской) групп удмуртов он пришел к убеждению, что весь бассейн Вятки в древности был заселен племенным объединением Ватка. Близость

воршудно-родового состава племенного объединения Калмез и южных удмуртов дала ученому основание говорить о том, что до великого переселения народов калмезы заселяли бассейн р. Белой, то есть центральные и северо-западные районы Башкирии. Будучи топонимистом, М.Г. Атаманов в качестве аргумента своей гипотезы опирается и на распространенность в указанных районах этнопонима *Калмаиш* (башкиризированной формы удмуртского *калмез*). Предки удмуртов этого объединения оставили такие богатые археологические культуры, как карабызская (IV в. до н.э. – III в. н.э.) и чегандинская (III в. до н.э. – III в. н.э.), осинско-красноярская (III в. до н.э. – III в. н.э.). С началом великого переселения кочевые орды угорского, тюркского и иранского происхождения оттеснили калмезов с древней пратерритории в бассейн Вятки, на ее притоки Кильмезь и Валу, вплоть до Илети, Пижмы и Ветлуги, где они столкнулись с марийцами. Калмезы разорвали единую территорию *Ватка* на южную (балтасинско-карлыганскую) и северную (слободско-глазовскую) группы.

Изучение территорий расселения воршудных групп-вылов дало возможность Атаманову выяснить, что есть воршуды, встречающиеся только среди *Ватка* (включая и арских удмуртов), но полностью отсутствующие среди калмезов. Если бы такая картина сохранилась до наших дней, то, по предположениям ученого, сформировались бы два народа – *ватка* и *калмез*, со своим языком и культурой, подобно эрзе и мокше у мордвы, горным и луговым марийцам. Однако такие воршудно-родовые группы, как *Какся*, *Зумья*, *Эгра*, *Поска*, *Салья*, *Уча*, *Мёнья*, *Жикья*, *Бигра*, *Докья*, *Пурга*, расселились на территории преобладания и *Ватки*, и *Калмезов*, таким образом, приведя к смешению этих дуальных этнолингвистических групп и формированию единого удмуртского этноса с субэтническими северной и южной группами. Процессу смешения помогла интенсивная тюркская и русская колонизация Волго-Камского бассейна.

Затем с небольшими временными интервалами последовали два серьезных исследования М.Г. Атаманова, которые могли бы сделать честь коллективу ученых. В монографии «Удмуртская ономастика» (Ижевск, 1988. – 167 с.) автору удалось объединить три крупных раздела ономастики. Первый («Этнонимика») посвящен изучению самоназвания (эндоэтнонима) и названий удмуртов в языках других соседних с ним народов (экзоэтнонимов). В нем рассматриваются происхождение и бытование племенных названий удмуртов и с завидной основательностью реконструируется воршудно-родовая организация удмуртов. Во втором разделе («Топонимика») внимание читателя концентрируется на огромном комплексе названий физико-географических объектов Удмуртии. Особая его ценность заключается в возможности проникновения в процесс формирования исторической картины расселения этносов на территории, которая была колыбелью удмуртского народа. Автор убедительно демонстрирует читателю, как в исторических пластах топонимов нашли отражение сложнейшие процессы этногенеза удмуртов и широкие их контакты с другими этническими образованиями: индоиранцами, уграми, тюркским и славянским миром. Своеобразным приложением, конкретизирующим теоретические положения этого раздела, стала вторая книга [5]. Работая в архивах Казани, Уфы, Перми, Кирова, Москвы,

Ижевска, расшифровав материалы ландратской переписи 1716–1717 гг., выезжая в экспедиции, ученый собрал огромный антропонимический материал: личные имена удмуртов, языческие и христианские. В книгу вошло около 7 тыс. личных имен удмуртов, при том что более половины собранного материала осталось в рукописи. Ученый выделил имена общепермского, собственно удмуртского происхождения, а также пласты заимствований из иранских, тюркских (включая имена арабского, персидского, монгольского происхождения, проникшие через тюрков, исповедующих ислам), русского, еврейского, греческого, латинского языков. Нет необходимости пространно говорить о значении этого труда, выполненного чрезвычайно кропотливо и тщательно. Еще раз обратим внимание на практическое значение этой книги для писателей, работников загсов и чадолубивых родителей-удмуртов, озабоченных подыскиванием благозвучного имени для любимого дитя.

Уже в 1980-е гг. имя М.Г. Атаманова – высококвалифицированного лингвиста и знатока многих сторон жизни и обычаев своего народа, да и просто очень контактного человека, чистосердечного и искреннего, было широко известно в финно-угорском мире. Его работы знали и ценили ученые не только России, но и Венгрии, Финляндии. Но, несмотря на все атрибуты успеха, он никогда не был склонен к самодовольству. Душа его металась и искала, очевидно, главное, ради чего он пришел в удмуртский мир, было еще впереди. Сама обстановка, сложившаяся к этому времени в стране и в институте, толкала его к новому повороту творческого пути и судьбы.

В конце 1990 г. он совершает еще один крутой вираж, вплотную приблизивший его к свершению главного подвига, предначертанного Божьим промыслом. М.Г. Атаманов пришел в храм. Не чураясь будничной, повседневной работы в роли референта и диакона, он устроил себе великое испытание, получив высочайшее благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на перевод Священного Писания на удмуртский язык. К слову, попытки перевода христианских текстов на удмуртский язык неоднократно предпринимались еще с конца XVIII в., но ориентировались они на отдельные диалекты и были довольно беспомощными. К тому же сейчас они стали раритетами, так что М.Г. Атаманову пришлось начинать почти с нуля. Этот многотрудный праздник души и ума состоялся! Счастливо сочетая в своей личности искреннюю веру и знание глубин удмуртского языка, ученый осуществил квалифицированный перевод на современный удмуртский литературный язык всех четырех Евангелий, всего Нового завета, Книги пророков, Книги царств, Псалтири, Молитвослова, Акафистника, Каноника, Часослова, Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста и др. Огромным событием стало издание на удмуртском языке самой главной книги христианства – Нового Завета на современном литературном языке, которая чаще всего читается верующими и используется в богослужениях. Трудом отца Михаила – переводчика и богословского редактора Марии Картанович готовится к изданию и Ветхий Завет. Нельзя не возрадоваться, что через Библию с удмуртским народом на его языке говорит Сам Господь, открывая каждому путь спасения. Счастливым сочетанием обстоятельств: совпадение сердечных устремлений М.Г. Атаманова с

планами Института перевода Библии в Финляндии, прекрасные специалисты которого трудятся в Финно-угорском филиале института в Хельсинки, сделало возможным это великое событие. Несомненной удачей стало и то, что помощницей отца Михаила – богословским редактором текстов стала Мария Картано, высокообразованный человек, во всех смыслах отмеченный Божьей Печатью, волей которого проникнувшаяся искренней и самоотверженной любовью к удмуртскому народу. В скандинавских странах, где по долгу службы не раз бывал отец Михаил, его воспринимали «как генерального посла Удмуртии, как символ удмуртского народа, большая любовь которого к Богу и к своему народу вызывают отклик везде, где бы он ни находился». В многочисленных публикациях финских и шведских газет отмечался самоотверженный труд по приближению к своему народу Слова Божия М.Г. Атаманова и Марии Картано [6].

Еще одна блестящая грань таланта отца Михаила проявилась в серии христианской публицистики [7]. Книгам предшествовала и сопутствовала огромная просветительская деятельность через средства массовой информации. Пока сохранялось полномасштабное вещание на удмуртском языке, редкий день проходил без мягкого и добросердечного слова отца Михаила, демонстрирующего великолепные возможности удмуртского языка в передаче сложнейших библейских понятий. У него была своя постоянная слушательская аудитория, которую привлекало не только то, что он повествовал о горнем, но и форма, в которой эта истина преподносилась. В газете «Удмурт дунне» он вел ежемесячную страницу, подготовка которой тоже требовала огромных усилий. Здесь же нельзя не сказать о его борьбе (другое слово трудно подобрать, ибо несть числа противостоящим) за произнесение из церковного амвона проповедей на удмуртском языке и, наконец, за открытие удмуртской православной церкви, в которой вся служба велась бы на удмуртском языке.

Публицистически-исповедальную серию открывает книга «Ньыль зарезь пыр – Иерусалиме» (За четыре моря – в Иерусалим), переведенная на русский и финский языки. Значительный раздел ее составляет описание путешествия по святым местам христианского Востока, которое отцу Михаилу посчастливилось совершить в августе 1994 г. Вряд ли кого-либо может оставить равнодушным взволнованный, высокохудожественный стиль изложения, исповедальные слова, идущие от сердца автора к сердцу читателя, выразительность, создающая буквально эффект присутствия. Особенно сильна исповедальная струя в следующих книгах серии, в которых перед читателем во весь рост встает образ зрелого человека с твердыми христианскими убеждениями и взглядами на многие вопросы бытия, сознания, духовной жизни. Благодаря этим книгам, написанным в форме диалога с представителями удмуртской общественности и народа, мы имеем возможность проследить, как формировался М.Г. Атаманов, какие обстоятельства были решающими в становлении его личности. Во всех этих и других книгах он предстает перед нами как истинный и бескомпромиссный поборник Справедливости, это и есть главный стержень его личности.

Поэтика и лиризм, характерные для его повествования о детстве, отчете доме, о людях, окружавших его в детстве и юности, сменяются гневом и публи-

цистическим пафосом, когда он говорит о положении трудящегося человека в современном постперестроечном обществе, об «архитекторах и прорабах» перестройки, затеявших преобразования с единственной целью личного обогащения. «Их злые, богопротивные дела зывают к Небу на суд справедливости», – пишет он, с болью отмечая, что в стране «не осталось истинных борцов со злом – молчат деятели науки и культуры, писатели, работники СМИ, рядовые труженики». Особую боль автора вызывает равнодушие к проблемам родной страны и деградация молодежи – «наркотики, алкоголизм, порноиндустрия, ночные клубы, игорные дома, азартные игры, интернет (я бы добавила – телевидение. – М.Г.), тоталитарные секты разрушают души миллионов молодых людей» [8]. Огромной и совершенно естественной с точки зрения Атаманова любовью к своему народу, стремлением защитить его честь и достоинство пропитаны разделы его книг: «Я считаю, что мой удмуртский народ не хуже и не лучше других народов, он такой же, как и все, со своими достоинствами и недостатками. Когда люди с сатанинским духом начинают оскорблять, унижать мой народ, в это время моя любовь к нему удесятерится», – пишет он. В то же время важно подчеркнуть, что в душе он всегда был и остается подлинным христианином-интернационалистом: «для меня все народы равны, нет ни великих, ни малых, ни инородцев, ни иноверцев, каждый народ интересен своим происхождением, историей, языком, культурой» [9], – с горячей убежденностью отмечает он.

Думается, что именно любовь к истории, языку и культуре своего народа не дала ему сосредоточиться только на роли христианского проповедника и просветителя, он снова, теперь уже с новых высот, обратился к науке. С благословения своих учителей и правящего Архиерея, митрополита Ижевского и Удмуртского Николая он подготовил докторскую диссертацию [10], которую успешно защитил в 1996 г. В ней М.Г. Атаманов одним из первых взялся за решение проблемы прародины удмуртского народа. Опираясь на палеолингвистические данные, по названиям растений, в первую очередь, дуба (*тыты*) и орешника (*пашту*), а также дикой пчелы (*муш*) и др., исследователь пришел к выводу о том, что местом формирования праудмуртских племен были бассейны рек Белой, Нижней Камы и Вятки, где растут дуб и орешник, водятся дикие пчелы. Граница произрастания дуба, по данным палеоботаников, проходила по линии Екатеринбург–Ижевск–Вологда–Санкт-Петербург. На восточной стороне Уральских гор в естественных условиях дуб не рос и дикие пчелы не водились. Бассейн Чепцы также не входил в пратерриторию удмуртских воршудно-родовых групп. На основе анализа этнотопонимов – географических объектов, образованных от этнонимов *Одо* (*одо*, *одо-мари* – так удмуртов называют марийцы), *Ар* (*арлар*, *аркешесе*), как называют удмуртов тюркские народы), *Вотяк* (*отяк*, *отин*, *вотин*, *вотяк*), как называли удмуртов русские и исходя из закономерности, согласно которой этнотопонимы образуются только в пограничной с другими народами зоне расселения народа (племени), ученый пришел к выводу, что западная граница расселения удмуртов проходила от слияния р. Юг с Сухоной, затем, спускаясь к р. Ветлуге, переходила к р. Свияге и шла к среднему течению Белой. Южную границу расселения ученый проводит южнее линии Чебоксары–Казань–Уфа.

От среднего течения р. Белой восточная линия удмуртской территории, по его мнению, поднимается к северу – к г. Осе и истокам Чепцы и Камы. В восточной и северной частях пратерритории этнотопонимы *Вотьяк*, *Ар* и *Одо* возникли относительно поздно – в конце XVI в.

Можно не соглашаться с тем, что предки удмуртов в древности жили гораздо южнее и западнее, чем теперь (кстати, об этом говорил и М.Г. Худяков), но противоположную точку зрения нужно будет доказывать с не меньшим, чем у Атаманова, числом аргументов и фактов. На картах, которые сопровождают исследования ученого, мы имеем возможность наглядно видеть границы важнейших для удмуртов марийско-удмуртских, удмуртско-тюркских, русско-удмуртских контактов. Первые, как можно убедиться, распространялись восточнее Ветлуги, вторые – приближались к Волге и даже переходили на ее правый берег, а на востоке заполнили пространство левобережья Камы, вплоть до впадения в нее р. Белой, третьи – достигали р. Сухоны на севере и шли по правобережью Вятки на западе.

В 1997 г. М.Г. Атаманов выпустил в свет монографию «История Удмуртии в географических названиях», не имеющую аналогов ни в научной, ни в научно-популярной литературе. Ее жанр невозможно определить, ибо он не укладывается ни в какие строго очерченные рамки. Написанная на стыке лингвистики, истории, географии, фольклористики, книга содержит богатейший материал исторических, топонимических и этнонимических преданий и легенд, бытовавших и отчасти продолжающих бытовать на территории Удмуртии и за ее пределами, на территориях теперешнего и бывшего расселения удмуртов. Особое место в книге уделено проблеме Арского княжества, в котором правили арские (удмуртские князья). Мысль об этом феномене удмуртской истории глубоко запала в его душу еще в юности. Исподволь, шаг за шагом, занимаясь совсем другими сюжетами, набирал он материал по этой проблеме из самых разных источников и в 1998 г. опубликовал свои размышления в молодежном журнале «Инвожо». Выступление на эту тему на II Международном конгрессе историков финно-угорских народов в Таллинне вызвало большой интерес. В Удмуртии гипотезы ученого и его единомышленников находят признание далеко не у всех. Что же, возможно, время либо подтвердит их, либо опровергнет. Сомневающийся да убедится!

Знания и материалы, накопленные в процессе многолетней научной работы дали возможность М.Г. Атаманову создать еще одну книгу: поэтическое и в то же время научно выверенное сказание о своей малой родине – деревне Старая Игра (Вуж Эгра). Подобно тому как в капле росы отражается солнце и изумительная красота мира, через родную деревню автор славит родной удмуртский народ, наглядно, через язык и фольклор, через этнографические сюжеты рассказывает о психологии, мировоззрении, духовной жизни народа, демонстрирует его отношение к окружающему миру, к земле, к людям родственного круга, к другим народам и труду. Не нужно высокопарных слов, все до предела наглядно и убедительно! В этой книге во всей полноте проявился, наряду с другими, еще один неординарный – музыкальный – дар Михаила Гавриловича: он не только мастерски воспроизводит собранные им народные песни, но и сам сочиняет музыку, прежде всего духовную, и сам исполняет ее.

Всего того, что совершено М.Г. Атамановым в науке и на ниве просветительства, хватило бы не на одну, а на несколько средних человеческих жизней. Можно бы, казалось, безмятежно почивать на лаврах, впитывая фимиам из уст благодарных слушателей и читателей, далеких, закордонных и близких. Но не таков отец Михаил! Фантастическая одаренность и трудолюбие сподвигли его на освоение еще одного жанра творчества: он стал основоположником жанра жития святых в удмуртской литературе. Первоначально в журнале «Кенеш», а затем и отдельной книгой увидели свет повествования о благочестивых христианских подвижниках-удмуртах, принявших крест за веру и понесших его каждый на свою Голгофу [11]. Затем последовала серия художественных очерков, выражавших накопленную в душе повествователя боль, порожденную отношением современного человека к природе, ее богатствам и к окружающим людям [12]. За сборник эссе «Мон удмурт. Малы мыным вöсь» (Я удмурт. Отчего мне больно?) Михаилу Атаманову = Эграпи присуждена литературная премия «Программы родственных народов Эстонии» (2009).

Несомненной вершиной творчества, впитавшей и выразившей все накопленное М.Г. Атамановым на научном и просветительском поприщах, стал эпос «Тангыра». Символично, что автор посвятил его Матери – Атамановой Вере Филипповне, Отцу – Атаманову Гаврилу Ивановичу и удмуртскому народу, чьи образы неизменным рефреном проходят через все его творчество.

Венок из 12 эпических песен-сказаний (мадь), заключенный в эпосе Эграпи Гавир Микаля, объединен образом древнего удмуртского инструмента тангыра, который звучал «во дни торжеств и бед народных», созывая удмуртов на кровопролитные сражения и большие празднества. Сейчас, в эпоху глобализации, когда снова и снова со всей силой встает вопрос о будущем народа, о его физическом существовании, о судьбе удмуртского языка и культуры, автор бьет в тангыра с горячим призывом: *«Валче уломе! Кема уломе! Огмылэсь огмы ум люкиське! Шудо мед луоз удмурт калык!»* (Будем жить в согласии! Будем жить долго! Не расстанемся вовеки! Да будет счастлив удмуртский народ!). ***Набатный звон тангыры и предводитель народа Горд Ошпи связывают воедино все 12 глав эпоса.***

Эпоха «Тангыры» охватывает огромный, более чем двухтысячелетний период истории развития одной из самых древних, крупных и сплоченных этнических общностей финно-угорского, точнее уральского, происхождения – удмуртов, сформировавшихся из многочисленных родо-племенных групп, населявших Волго-Уралье с эпохи камня и бронзы. Историческая судьба расселила удмуртов на стыке Европы и Азии, тайги и лесостепи, в контактной зоне христианского, мусульманского и языческого миров.

Михаил Атаманов обращается к осмыслению наиболее драматических, переломных моментов истории народа в непривычной для современного уха и восприятия форме эпического, мифопоэтического повествования, в которое обильно и органично вкраплены тексты подлинных обрядовых, эпических, лирических легенд, преданий, песен, сказаний, языческих молитв-куриськонов, детских игр, свадебных, гостевых, обрядов инициации и разнообразных ритуалов. От умиротворяющих образов мирной жизни с повседневным трудом и яркими

празднествами и увеселениями читатель переносится к батальным сценам многочисленных кровавых столкновений с врагом.

Великолепное знание глубин и всех перипетий удмуртской истории и фольклора, огромная любовь к своему народу гудит в сердце автора, горячими толчками гонит кровь в его сосудах и с его языка срываются полновесные строки, посвященные удмуртским батырам, их прекрасным супругам, рождающим героев, готовых сразиться и сражающихся с врагом за свой народ. Невозможно без волнения читать песнь вторую, посвященную сражению у *Ваткакара*, подвигам его защитников и падению в огне страшного пожарища этого древнего удмуртского центра расселения удмуртов *Ватка*. Мифический предводитель удмуртского племени *Ватка* – **Горд Ош (Красный Бык) под напором врагов ведет свой народ в более безопасные места**. Будучи историком и имея лишь косвенные данные для рассказа об этом событии, я ощущаю, какими мощными средствами располагает автор, включающий поэтическое воображение и рисующий яркие, образные картины, воздействующие не только на сознание, но и, прежде всего, на чувства читателей.

В мифологической форме осмыслен и процесс этногенеза народа. Постепенная диффузия в его составе родственных этнических групп показана на примере переселения угров – потомков *Югра батыра* к удмуртам *Ватка*. Процесс постепенного соседского расселения, смешения бывших удмуртов *Калмез* и *Ватка* читатель также имеет возможность представить через повествование автора об уходе *Ватка* из своего разгромленного, захваченного врагом центра и расселении членов племени среди калмезов, арских удмуртов, о появлении на севере арских князей (бигеров), бесермян, о соседском расселении мари (поров) и т.д. Как и в жизни, трагическое соседствует в эпосе с радостным и даже комическим. Так, невозможно не прийти в восторг, читая красочное повествование о свадьбе сына *Донды – Гурьи*, проникнутое непередаваемым народным юмором, с удачным вкраплением (или имитацией) народной свадебной песни, плясовых мотивов, шуток.

Особая роль в эпосе отводится вождям – главам родов и племен, участвовавших в этногенезе удмуртов. Это *Донды батыр*, *Идна батыр*, *Эштэрэк батыр*, *Янтамыр батыр*, *Мардан батыр*, *Ожмег батыр*, *Гондыра (Кондрат) батыр*, *Бия батыр*, *Сьёлта бакатыр*, *Бурсин бакатыр*, широко известные по историческим преданиям и легендам. Автор воспел и героические образы женщин: *Узя батыр*, *Тукля мемей*, – восходящие к эпохе матриархата, когда формировалась воршудная организация; с глубоким уважением прославляются племенные вожди: *Калмез батыр*, которого соплеменники с любовью называют *буба 'отец'*; *Ватка батыр* и *Югра батыр*, носящие титул *эльйыр* (хан или царь).

Как христианский писатель, отец Михаил Атаманов использует и библейские сюжеты, особенно касающиеся сотворения мира и первых людей *Адыми* (Адама) и *Улон* (Ева), всемирного потопа и последующего развития человечества. Представляется вполне уместным введение в сюжет повествования образа христианского проповедника Самсона, прибывшего к прикамским удмуртам ок. XII–XIII вв. из Кийабы (древнего Киева). Хотя языческие жрецы и родовые старейшины изгоняют его и последователи из числа удмуртов уходят со своим учителем, но

добрые семена христианского вероучения были посеяны на удмуртской земле. Об этом читатель узнает из рассказа удмуртского гуслира *Дадйка* и двух его песен, состоящих из псалмов, восхваляющих великие дела Господа Бога.

Можно очень многое говорить о художественных достоинствах текста, созданного смелым эпическим пером и талантом поэта и ученого, но как историку, мне хочется обратить внимание на еще одну особенность этого эпохального издания. Последняя песнь эпоса создана по мотивам подлинного исторического документа – «одинашной записи», заключенной в 1670 г. северными удмуртами и бесермянами на общинном совете в д. Солдырь (Иднакар) – древнейшем центре северных удмуртов, на котором общинники поклялись быть едиными в борьбе против утесняющих их каринских богатеев и приказных людей, отстаивать сообща везде, во всех инстанциях, земли и права удмуртов и бесермян, помогать во всем общинным лидерам. Символично, что авторское повествование, главной мыслью и рефреном которого является призыв: «Будем едины!» («*Валче уломе!*»), – венчает приподнятый художественный образ единения двух народов.

Для внимательного читателя самостоятельную ценность представляют и комментарии (валэктонъёс) к текстам эпоса, рисующие грандиозную, поражающую воображение и в то же время исторически достоверную панораму древней и средневековой истории удмуртов. Будучи во всем финно-угорском мире уникальным разносторонним ученым, сочетающим глубокие познания в археологии, этнографии, истории, фольклористике, музыкознании, в самых разных разделах лингвистики с незаурядным музыкальным и поэтическим даром, глубокой верой и христианскими нравственными ценностями, Михаил Атаманов, как никто другой, смог осмыслить нашу историю, ее величие и трагизм, ее высоты и падения, ее глубину и локальные особенности, пути и перепутья формирования и бытия народа. Важно подчеркнуть, что в лице автора перед нами предстает не только ученый и писатель, собиратель и составитель эпоса, но и творец и оригинальный исполнитель фольклорных жанров, включенных в эпос «Тангыра». Столь же большую ценность представляет второе приложение – небольшой словарь, возвращающий нам многие забытые слова и понятия, обогащающий не только речь, но и наши исторические представления.

«Тангыра» – не просто вклад в сокровищницу удмуртской культуры, это ответ на вызовы современности, чреватой забвением многих ценностей, смешением добра и зла, равнодушием к судьбам народов и отдельных людей. Это горячий призыв к ныне живущим и к их потомкам помнить, что каждый народ и каждый человек уникальны в своих поисках смысла жизни, правды и справедливости! Каждый неравнодушный человек, ощущающий в себе корни, живущий на удмуртской земле не только заботами о пропитании, пожелает прочитать эту Книгу, а, прочитав, передать ее своим детям, чтобы не прерывалась связь времен. Гордость и боль автора за свой народ, за его судьбу не могут не задеть за живое, не вызвать ответного чувства.

Не успели отзвучать эпические песни «Тангыра», как перед читателем предстала новая книга М.Г. Атаманова-Эграпи, дерзнувшего замахнуться на проблему этногенеза удмуртского народа. При внимательном рассмотрении научного творчества исследователя можно убедиться, что оно развивается концен-

трическими кругами, поднимаясь по спирали. Как мы уже отмечали, подступы к этой проблеме были предприняты им еще в начале научного пути, в первые годы работы в УдНИИ. И вот, достигнув личностной и творческой зрелости, он возвращается к этой теме и пытается ее решить с высоты набранного опыта и данных, накопленных современной наукой и им самим. Проанализировав огромный археологический, антропологический, этнографический, лингвистический материал практически по всем разделам, составляющим проблему этногенеза народа, автор пришел к выводу, что древняя и современная история удмуртов самым тесным образом связана с Волго-Уральским регионом и живущими и жившими в древности здесь народами финно-угорской, тюркской, славянской, индоиранской этноязыковых семей. Ученый проследил историю заселения этого уникального региона практически с периода палеолита, выявил последовательную смену археологических культур, возникавших и сменявших друг друга по мере развития производительных сил общества и движения населения, вызванного сменой климатических условий, столкновениями огромных масс людей и культур и другими факторами. При всем разнообразии собранных и осмысленных в книге сведений разных наук для Атаманова-лингвиста все же самым мощным прожектором для освещения проблем становления, развития, территориальной пульсации, разнообразных контактов и взаимодействия с другими этническими образованиями остается язык. Через живую ткань языка, восстанавливая его исторические пласты, изучая, подобно геологу, иноязычные вкрапления в основной фундамент, находящийся, в свою очередь, в непрерывном движении, ученый рисует пред читателем процесс этногенеза удмуртов [13]. Сейчас, когда после выхода книги в свет прошло всего несколько дней, невозможно во всей полноте осмыслить ее содержание, оценить ее вклад в науку. Это дело будущего! Я хочу лишь подчеркнуть, что и в, казалось бы, сугубо научной книге автор остается писателем – публицистом, влюбленным в свой народ, воспринимающим все, что с ним происходило и происходит, как собственную радость, гордость и боль!

Я не знаю, чем, каким творением горячего неравнодушного сердца и бьющегося в непрерывных исканиях ума, удивит еще мир Михаил Гаврилович, я не сомневаюсь, что это произойдет, ибо «есть еще порох в пороховницах»! Не напрасна была жизнь удмуртского народа в веках и тысячелетиях, если смог он породить таких батыров духа и творческого гения, как Трофим Борисов, Кузубай Герд, Кедр Митрей, Михаил Петров, Никифор Павлов, Геннадий Корепанов-Камский, Эграпи Гавир Микаль. Главные качества, которые передал М.Г. Атаманову удмуртский народ, пронеся и отфильтровав их через глубины веков, – это необычайное, неистребимое трудолюбие, умение организовать себя в сочетании с неиссякаемой любознательностью, интуицией, безошибочным чувством справедливости, чести и красоты. Народ наделил его тонко и глубоко чувствующей, поющей душой, горячим сердцем, пытливым умом, чувством собственного достоинства. Оно дает ему идти через испытания, которых немало было на пути, не сгибаясь, веруя в Божественную правду и справедливость. Без всяких преувеличений я могу заявить, что М.Г. Атаманов – уникальное явление не только в удмуртском, но и во всем финно-угорском мире!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вятские епархиальные ведомости. – Вятка, 1868. – № 23. – С. 429; № 24. – С. 438–441.
2. Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – 158 с.
3. *Атаманов, М.Г.* По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – 215 с.
4. Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – 175 с.; Проблемы этногенеза удмуртов. – Ижевск, 1987. – 190 с.
5. *Атаманов, М.Г.* Удмурт кылбугор. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 396 с.
6. С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 22–41.
7. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – 162 с.; С верой, надеждой, любовью. Ижевск, 2005. – 178 с.; К источнику жизни. Улонлэн ошмесэз доры. – Ижевск, 2008. – 230 с.
8. К источнику жизни. – С. 80–83, 113–120 и др.
9. Там же. С. 40–43.
10. *Атаманов, М.Г.* Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов. Научный доклад, представленный на соиск. уч. степ. докт. фил. наук. – Йошкар-Ола, 1996.
11. Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 3. – С. 73–77; № 4. – С. 94–98; № 7. – С. 82–89; № 9–10. – С. 89–98; № 11–12. – С. 89–95; 2003. – № 1. – С. 76–82; № 2. – С. 72–85; № 3. – С. 91–96; № 4. – С. 75–81; № 7. – С. 82–89; № 8. – С. 73–78; № 9. – С. 58–70; Кылэ тодэм калыккёс. О благочестивых христианах Удмуртии. – Ижкар, 2004. – 148 с.
12. Мыным вӧсь. Тятя // Кенеш. – Ижевск, 2004. – № 9. – С. 61–68; Мыным вӧсь. Пеньки // Кенеш. – Ижевск, 2004. – № 11–12. – С. 78–84;
13. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 536 с.

Поступила в редакцию 22.09.2010

M.V. Grishkina

M.G. Atamanov is a remarkable enlightener of the Udmurt people, scientist and publicistic writer

There is a creative portrait of M.G. Atamanov in the article. His work as an enlightener, scientist, publicistic writer, translator of the Bible to the Udmurt language is revealed.

Key words: deed of life, problem of ethno-toponymy, Udmurt vorshud system, Udmurt onomastics, problems of ancestral home and ethnogeny of the Udmurt people, confessional publicism, «Tangyra» epos.

Гришкина Маргарита Владимировна,

ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор,

Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: grishkina@ni.udm.ru

Я З Ы К О З Н А Н И Е

УДК 39(=511.131):81(=511.131)

М.Г. Атаманов

**ЭТНОГЕНЕЗ УДМУРТОВ:
РОЛЬ ЛИНГВИСТИКИ
В РЕШЕНИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

Анализируя заимствованную лексику, диалектные различия удмуртского языка, топонимические пласты Волго-Камья, данные лингвистической палеонтологии удмуртского языка, автор статьи приходит к выводу: носители удмуртского языка являются исконными жителями лесной зоны Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: удмурты, этногенез, лингвистика, ватка, калмез, бесермяне, этнография, ананьино, пьяноборье.

В отличие от многих финно-угорских и соседних тюркских народов Волго-Уральского региона, проблема этногенеза и этнической истории древнейшего, этнически сплоченного, многочисленного удмуртского народа, без сомнения, слабо разработана, весьма далека от удовлетворительного решения этой чрезвычайно сложной и важной задачи.

Если взять наших родственников по языку – коми, марийцев, мордву, а из тюркских народов – татар, башкир, чуваш, то по происхождению этих этносов, уже начиная с 40-х годов XX в., были проведены научные конференции, сессии, выпущены монографические труды, изданы многие сборники статей, касающиеся данной проблемы [1].

К сожалению, специальные научные конференции, совещания, симпозиумы, посвященные этногенезу и этнической истории удмуртского народа, никто и никогда не проводил. Из монографических исследований счастливым исключением являются труды И.А. Смирнова «Вотяки. Историко-этнографический очерк» (Казань, 1890), В.Н. Белицер «Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу» (М., 1951), Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (Ижевск, 1999). Сведения из трудов первых двух авторов явно уже устарели, а работа Р.Д. Голдиной написана в основном на археологическом материале.

В своей классической статье «К постановке проблем этногенеза» глава российской этнографии середины и второй половины XX в. С.А. Токарев

считает, что проблема происхождения отдельных народов принадлежит к числу самых интересных, но и самых сложных и не случайно, «проблема этногенеза не разрешена до конца до сих пор ни для одного народа» [2].

Полное решение этой сложнейшей задачи, считает ученый, невозможно без учета всех сторон этногенетического процесса и без привлечения всех видов источников – археологических, антропологических, лингвистических, этнографических. И, как ведущий специалист в области этнографии, он считает, что только этнография, как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза народа. «Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых наук, а непременно в тесном сотрудничестве с ними» [3].

Археологические источники, он считает, могут дать ясное представление о культурной преемственности на данной территории, о связях культур смежных и даже более отдаленных территорий, но, к сожалению, археологический материал улавливает лишь культуру, но не народ: «ни погребения, ни горшки не могут ничего сказать нам о том, на каком языке разговаривали их обладатели или создатели». Антропологический материал дает гораздо больше: он устанавливает физический состав данной народности, элементы, из которых сложилось само население; обнаруживает и реальные исторические связи между народами, смешение, миграции, кровное родство народов. Но работа антрополога, как считает С.А. Токарев, должна непременно сочетаться с лингвистическим и чисто этнографическим анализом, чтобы привести к сколь-нибудь полным результатам [4].

Язык – важнейший из этнических признаков, языковые материалы более всего способны приблизить нас к решению проблемы этногенеза; но происхождение языка не есть происхождение народа, язык далеко не исчерпывает этнической характеристики народа; зачастую границы языка не совпадают с границами народа [5].

Относительно первенствующей роли этнографии в решении проблемы этногенеза, выдвинутой С.А. Токаревым, свое мнение высказывают лингвисты, археологи, антропологи, этнографы [6]. Так, венгерский академик Антал Барта считает, что в изучении этногенетических процессов язык является наиболее надежным этническим индикатором: можно утверждать, что язык является единственным этническим критерием; история языка отражает генезис и межэтнические контакты того или иного народа [7].

Этнограф К.И. Козлова также утверждает, что для изучения этногенеза финно-угорских народов Поволжья первенствующую роль играют данные языка, сохранившие такие исторические формы и элементы, которые своими корнями уходят в глубочайшую древность. Уральская языковая семья является той наиболее древней и научно доказанной общностью, когда возникли такие понятия, как *лук*, *стрела*, *лыжи*, *нарты*, *долото*, *грести* и т. п., до наших дней сохранились они во многих финно-угорских языках [8].

При решении такого сложнейшего и деликатного вопроса, как происхождение народа, в данном случае – удмуртского, я не отдаю приоритета ни

одному из четырех разделов этногенетической науки. Тем не менее, на первое место ставлю лингвистические данные: язык – это душа, дух народа; на второе место ставлю сведения антропологии – это лицо народа, по внешнему виду нередко узнается национальность человека; на третье место – этнографию, которая служит как бы внешней оболочкой народа; на четвертом месте – археология, которая представляет окаменевший след человека разумного, отпечатавшийся на обломке исторического камня.

Язык – это исторический опыт народа, обобщенный и зафиксированный в словах, понятиях и грамматических категориях. Как считают ученые, язык – самое многогранное из проявлений духовной деятельности человека. Нет такой стороны, нет такого закоулка бытия человека, который так или иначе не запечатлелся бы в его речи. «Каждое слово – понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры» [9].

Один из ведущих специалистов по праистории финно-угорских, самодийских народов и их языков на современном этапе академик Петер Хайду пишет о своем языке: «Венгерский язык может считаться языком с примерно 2,5-тысячелетней длительностью самостоятельного развития». Первыми памятниками венгерского языка являются так называемые «отрывочные памятники», в которых среди иноязычного текста встречается несколько венгерских слов. Немало венгерских слов – племенных названий, антропонимов, топонимов – сохранилось в византийских и других западных источниках X–XIII вв. [10].

Удмуртский, как и другие финно-угорские языки, – один из самых древних, коренных (аборигенных) языков на территории России. С ним могут сравниться только осетинский (язык потомков скифов-сармат-алан) и некоторые языки народов кавказско-иберийской группы, например, абхазский, адыгейский. Восточнославянские, многие тюркские, тунгусо-маньчжурские, самодийские, палеоазиатские и дагестанские языки стали самостоятельными значительно позже языков финно-угорских народов Восточной Европы.

Удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорских языков. Удмурты имеют единый литературный язык.

По численности населения этой ветви на первом месте стоят венгры, за ними – финны, эстонцы, мордва, удмурты; по переписи 1989 г. удмуртов в стране было 747 тыс., по переписи 2002 г. удмуртов осталось 636 тыс. [11].

Удмурты – древнейший этнос в Волго-Уральском регионе, основная часть народа живет на территории Удмуртской Республики. Удмуртские диаспоры с отдельными населенными пунктами имеются на территориях Кировской области, Пермского края, Татарстана, Башкортостана, Марий Эл и Томской области. В настоящее время удмурты живут во всех областях, краях, республиках Российской Федерации и странах СНГ, за последние два десятилетия многие эмигрировали в США, Канаду, Германию, Италию и другие страны; ныне можно встретить удмуртов на всех континентах

мира. К сожалению, число знающих из них родной язык из года в год сокращается.

Первые сведения об удмуртах под экзоэтнонимом **ар** появились в IX–XII вв. в сообщениях арабских, персидских и еврейских авторов; от хазар, болгар и позже – от татар он попал в русские письменные источники. Так, в XVI в. один из участников Казанского похода Ивана Грозного князь Андрей Курбский оставил такую запись об этническом составе Казанского ханства: «Кроме Татарска языка, в том царстве пять различных языков: Мордовский, Чюважский, Черемиский, *Воутецкий*, або *Арский* (то есть удмуртский, курсив наш. – М.А.), пятый Башкирский» [12].

Первые удмуртские слова в составе антропонимов зафиксированы в середине XVI в.: в «Жалованной грамоте удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года...» приводится список 17 семейств удмуртов, пожелавших добровольно принять христианскую веру [13]. Среди иноязычных антропонимов встречаются имена удмуртского происхождения: **Чужек**: *чужег* уст. 'двоюродный брат; двоюродная сестра по материнской линии'; **Чужигов**: *чужег* + *-ов* – отфамильный аффикс; **Ожмек**: *ожманы* 'нанести рану' < *ож* 'война, бой, сражение' + *-ек* ~ *-ег*- антропоформант, восходящий к общепермскому периоду; **Муй** (в тексте ошибочно написано слитно с соединительным союзом «да»): *мый*, диал. *муй* < **муй* 'бобр' (среди слободско-унинских удмуртов фамилия **Муин** встречается до сих пор) и др. К самому концу XVI – началу XVII в. относятся имена и фамилии удмуртского происхождения, образованные от названий птиц, зверей, насекомых, растений: *кайсы* 'клест'; *пислег* 'синица'; *муш* 'пчела'; *кый* 'змея' и др. Это первые памятники удмуртской письменности [14].

В начале XVIII в. немецкий исследователь Д.Г. Мессершмидт составил обширный, обстоятельный по тем временам лексический словарь по разным отраслям духовной жизни, хозяйственной деятельности северных удмуртов. В его же дневнике за 1726 год фиксируется первое предложение на удмуртском языке: JNGMAR-LU WYSHAISCHKINU KULA (*Инмарлы вöсяськыны кулэ*) 'Богу надо (нужно ~ следует) молиться' [15].

Великий труд по созданию удмуртской письменности и просвещению удмуртского народа совершил священнослужитель Православной церкви митрополит Казанский и Свияжский Вениамин Пуцек-Григорович. Под его руководством открывались первые школы в городах Казани, Свияжске, Елабуге и др. для обучения детей нерусских народов Поволжья азам церковно-славянской грамоты. Из этих школ вышли первые грамотные удмурты. Ими были сочинены первые стихотворения-оды в честь приезда императрицы Екатерины в Казань, а в 1775 г. вышла первая грамматика удмуртского языка «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [16].

Вскоре, по благословению митрополита, один из его учеников-удмуртов по фамилии Левандовский приступил к переводу Евангелий на родной удмуртский язык [17]. Минувя множество искушений и преград, в 1847 г. вышли Евангелия от Матфея и Марка на глазовском (северном) наречии и Евангелие от Матфея

на сарапульском наречии (срединные говоры). Это были первые книги на удмуртском языке – священные книги, подготовленные и изданные Православной церковью [18].

В 1904 г. вышел «Удмурт кылын календарь» (Календарь на удмуртском языке); в 1915 г. вышла первая газета на удмуртском языке «Войнаысь ивор» (Вести с фронта). До Октябрьской революции 1917 г. на удмуртском языке опубликовано около 400 статей, стихотворений, рассказов, брошюр и книг самого разного содержания.

В истории удмуртского языкознания всегда будут жить имена немцев Д. Мессершмидта, Г. Миллера, П. Палласа, Ф. Страленберга, украинца (по матери – поляка) Вениамина Пуцек-Григоровича, русских З. Кротова, М. Мышкина, М. Могилина, Н. Рычкова, удмурта Левандовского, эстонца Ф. Видеманна, финнов Т. Аминоффа, Ю. Вихманна, венгра Б. Мункачи и других ученых, внесших свой вклад в становление удмуртской письменности.

С кон. XIX – нач. XX в. вопросами удмуртского языкознания, сбором фольклорного материала и созданием литературных произведений начинают заниматься сами удмурты: Г. Верещагин, И. Михеев, М. Можгин, Т. Борисов, Кедр Митрей, М. Прокопьев, Н. Корнилов, Кузубай Герд, Айво Иви, Ашальчи Оки и др.

В годы советской власти в области удмуртского языкознания, в подготовке учебников, словарей и методических пособий для удмуртских школ много потрудились А. Емельянов, К. Баушев, И. Дмитриев-Кельда, А. Поздеева, А. Конюхова, П. Перевощиков, В. Алатырев и др. Их дело продолжают сегодня ученые, окончившие аспирантуру в ведущих центрах финно-угроведения (Москва, Тарту, Ижевск): И. Тараканов, Т. Тепляшина, В. Вахрушев, В. Кельмаков, Р. Яшина, Р. Насибуллин, С. Бушмакин, Г. Архипов, С. Соколов, М. Атаманов, А. Шутов, Б. Загуляева, Л. Карпова, Л. Кириллова, М. Самарова, Н. Кондратьева и др.

* * *

В решении проблемы этногенеза удмуртского народа самую существенную лингвистическую помощь оказывают материалы исторической лексикологии, диалектологии, ономастики с палеолингвистикой, топонимикой и этнонимикой. Историческая фонетика, морфология и синтаксис также могут содействовать, если усилия направлены на сравнительно-исторический анализ материалов данных разделов.

«По общераспространенному мнению (с историко-географической точки зрения), географическое расположение финно-угорских языков в общем отражает соотношение между языками, среди которых (возможно, и в историческом плане) центральное место занимает удмуртский (пермяцкий) и марийский языки» [19]. Исходя из этого положения, ныне мы не сомневаясь можем говорить о том, что на землях, где жили и живут удмурты, марийцы, отчасти мордва и коми-пермяки, находилась прародина финно-угров. Места их жительства доходили до зоны южной тайги, а местами – до лесостепных районов, где жили индоевропейские народы.

Как считают ученые, с IV тыс. до н.э. финно-угры жили к северу от индоевропейских народов, имели меж собою контакты, об этом свидетельствуют языковые данные: в финно-угорский язык-основу из индоиранской ветви индоевропейских языков попали слова, обозначающие 'сто' (удм. *сю*), 'мёд' (удм. диал. *му*), 'пчела' (удм. *муи*), 'рог' (удм. *сюр*) и др. Пока считается невыясненным, непосредственно ли попали они в финно-угорский язык-основу из индоевропейского языка-основы или, как считают в последнее время, после распада индоевропейского языка-основы, из индоиранской ветви [20].

Индоиранский пласт заимствований

Известный иранист В.И. Абаев считает, что выявленный в финно-угорских языках пласт индоиранской заимствованной лексики указывает на древнейшие связи между этими народами, что является важнейшим, решающим аргументом в пользу восточно-европейской прародины индоиранских народов. Часть лексики по фонетическим и иным признакам возводится еще к общеарийскому периоду, до разделения арийцев на индийскую и иранскую ветви. Некоторые из этих слов могли быть усвоены из **протоиндийского**, то есть из того арийского диалекта, который со временем послужил базой для языка Ригведы и для санскрита. Другие же могли быть заимствованы из общеиранской диалектной речи, а самые поздние заимствования в финно-угорские языки попали из скифо-сарматских наречий [21].

Отличить иранские заимствования в финно-угорских языках от заимствований общеарийского, считает В.И. Абаев, в большинстве случаев нетрудно. Одним из опознавательных признаков служит отражение в финно-угорском арийского (и индоевропейского) *s*: в общеарийском и протоиндийском он удержался, а в иранском, кроме некоторых позиций, переходил в *h*, например: удм. *сузэр* 'мл. сестра' – др. инд. *svazar* 'сестра'; удм. *сур* 'пиво' – др. инд. *surā-*, но авест. *ahura* – название напитка; удм. *узыр* 'богатый; богач' – др. инд. *asura* 'божество; демон', но авест. *ahura-* и др. [22].

Вероятно, сюда же относится североудмуртское *сябась* – заздравное пожелание: будьте богаты, живите во здравии и силе, не имея ни в чем нужды – др. инд. *s'avas* 'мощь, сила; богатство' (у южных удмуртов данный термин был вытеснен тюркско-арабским словом *берекет* – с тем же значением).

К настоящему времени в удмуртском языке выявлено около 110 индоиранских заимствований, проникшие, как считают ученые, еще в периоды существования прафинно-угорской и прапермской языковой общностей [23]. Что очень важно, большинство заимствованных лексем связано с производящим хозяйством [24]. Следует сказать, что словарный состав удмуртского языка, особенно диалектная лексика, изучены крайне слабо; думается, что иранский пласт значительно превышает цифру 110.

Профессор И.В. Тараканов, опираясь на работы В.И. Лыткина, А. Йоки и других ученых, подразделяет индоиранские заимствования в удмуртском языке на следующие лексико-семантические группы:

1) названия металлов: *корт* 'железо'; *андан* 'сталь'; *зарни* 'золото'; 2) названия орудий труда и предметов быта: *амезь* 'сошник'; *дуры* 'уполовник'; *тусьты* 'миска'; *пурт* 'нож'; *урыс* 'плеть'; *бун* 'мочало'; и др.; 3) названия животных и птиц: *парсь* 'свинья'; *пудо* 'скот'; *күрег* 'курица'; *ош* 'бык'; *өрзи* 'орёл'; *муш* 'пчела' и др.; 4) названия продуктов питания, растений: *нянь* 'хлеб'; *сылал* 'соль'; *кенэм* 'конопля'; *сур* 'пиво'; *сезьы* 'овёс'; *беризь* 'липа'; *турын* 'трава; сено' и др.; 5) названия цифр, чисел: *дас* 'десять'; *сизьым* 'семь'; *сю* 'сто'; *сюрс* 'тысяча' и др.; 6) названия природных явлений и объектов: *шаер* 'страна'; местность'; *зарезь* 'море'; *пужмер* 'иной' и др.; 7) названия социальных отношений между людьми: *эксай* 'царь'; князь'; *узыр* 'богатый'; богач'; *мурт* 'человек; чужой человек; чужак' и др. [25].

Самые интенсивные, длительные контакты пермских народов с ираноязычным миром – скифами, сарматами – относятся к ананьинскому времени (VIII-III вв. до н.э.), они продолжались и после разделения пермян на праудмуртов (носителей пьяноборской культуры - III в. до н.э. – V в. н.э.) и на прокоми (носителей гляденовской культуры - III в. до н.э. – IV в. н.э.). В этих языках есть группа иранских заимствований, встречающаяся в одном из пермских языков, но отсутствующая в другом. Например, в коми языке наличны такие иранские заимствования, как *вурун* 'шерсть (овечья)'; *бурьсы* 'грива'; *мегарин*, *мегб* 'барашек'; *меж* 'баран'; *неббг* 'книга; письмо'; *нямбд* 'портянки' [26], но совершенно не имеющие никаких следов в удмуртском языке.

И, наоборот, в удмуртском языке (чаще – в южноудмуртском наречии) имеются слова, отсутствующие в коми языке, например:

осетин. *аккаг* 'достойный' – удм. южн. (детск.) *акак*, *акаке* 'недостойный; грязный, поганый – нельзя в руки брать'; осетин. *акурын* 'попросить, выпросить' – удм. южн. (детск.) *акурын* 'попросить попить воды'; осетин. *губур* 'сгорбленный, согнувшийся' – удм. *губырес* 'тж', *губырскыны* 'согнуться, сгорбиться'; осетин. *гизаг* 'шалость, баловство'; издевательство' – удм. южн. *гизег* 'капризный, шаловливый, псих'; *гизегъясъкыны* 'капризничать; психовать'; осетин. детск. ласк. *дада* 'дедушка'; 'отец' – удм. южн. (грах.) *дадай* 'ст. брат'; (любой мужчина старшего возраста – при обращении)'; осетин. *камари* – женский пояс из серебра с позолотой – удм. южн. (шошминско-кукморский диалект) и бесерм. *камали* – чрепличная перевязь из серебряных монет, амулетов. В.И. Абаев пишет, что фонема *л* была чужда древнеиранскому, уже в арийском индоевропейский *л* перешел *р* («арийский ротацизм»). Одни ученые считают, что этот переход был сплошным, другие полагают, что были исключения [27]; осетин. *кем* 'состояние здоровья; настроение' – удм. *кем* 'сила; мочь' и др.

В отличие от коми и других финно-угорских народов, в удмуртском именнике зафиксировано более 10 антропонимов, имеющих параллели в личных именах скифов, согдийцев, саков, алан и других народов североиранской группы, например: удм. южн. **Артан** < осетин. 1) *ард* 'клятва, присяга'; 2) *арт* 'огонь'+*-ан* – отантропонимический аффикс; ср. **Арта** – имя древнеперсидского божества; южн. **Базак** < осетин. *базуг* 'рука; плечо'; согд. *vāzāk* 'тж'; ср.: **Базук** – имя предводителя алан I-II вв. н.э.; удм. южн. **Дада** < осетин. *дада* 'отец; дедушка';

тадж. *дадо* 'отец' и производный от него антропоним таджиков **Давдо**; удм. южн. **Дадок** < осетин. *дадак* 'дающий', ср. скифское имя **Дадак**; удм. южн. **Занок** < осетин. *занӕк* 'мальчик'; **Зарина** – женское имя южных удмуртов < осетин. *зӕринӕ* 'золото'; ср. **Зарина** – имя сакской царицы и др. [28].

Все приведенные примеры из современных коми и удмуртского языков свидетельствуют о том, что предки пермских народов – праудмурты и пракоми – после разделения их этноязыковой общности в III в. до н.э. сохраняли контакты с ираноязычными племенами на территориях уже их современного проживания. Особенно это касается праудмуртских пьяноборских племен и их потомков, имеющих непрерывные прямые контакты с ираноязычными племенами – сарматами, аланами, бургасами, вплоть до разгрома Волжско-Камской Булгарии таттаро-монголами и ассимиляции бургас в среде тюркских народов Поволжья.

С началом великого переселения народов в IV–V вв. н.э. отдельные группы ираноязычных кочевников были отодвинуты на север Восточной Европы, на территорию проживания древних коми, имеющих курганный тип захоронения. Их особенно много на территории Пермского края; в последние десятилетия курганные могильники выявлены и на территории Коми Республики – на Выми, Вычегде, Сысоле. «Выявление этих памятников позволило констатировать проникновение лесостепного населения далеко на север», – пишет археолог Р.Д. Голдина, со ссылкой на работы коми археологов Э.А. Савельевой, Л.И. Ашихминой, И.О. Васкул [29]. Именно от этого населения древние коми могли заимствовать такие слова, как *вурун* 'овечья шерсть'; *меж* 'баран'; *небӧг* 'книга; письмо' и другие, отсутствующие в удмуртском языке.

* * *

Меня немало волнует такой интереснейший факт: в пермских (удмуртском и коми) языках, венгерском и аланско-осетинском языках инфинитив оформлен одинаковым или близким друг другу аффиксом: коми *-ны*/ удм. лит. *-(ы)ны*: диал. сред. *-ны*, диал. южн. *-ын* – аланско-осетин. *-ын*, ср.:

удм. лит. *кур(ы)ны*, диал. сред. *курны*, диал. южн. *курын* 'просить, попросить'/ коми *корны* 'звать, подозвать'; 'просить; попрошайничать' // венг. *kérni* 'просить; молить' – аланско-осетин. *курын* 'просить; свататься, просить в жены' (удм. южн. *куран-ныл куран* 'сватание; свататься');

удм. лит. *кар(ы)ны*, диал. сред. *карны*, диал. южн. *карын* 'делать; творить; совершить; создать'/ коми диал. *карны* 'делать' – аланско-осетин. *кӕнын* 'делать, творить, создавать; строить; открывать';

удм. лит. *зур(ы)ны*, диал. сред. *зурны*, диал. южн. *зурын* 'ворчать, скулить, скрипеть, проявлять недовольство' / коми *дзерӧдны* 'дразнить, доводить до слёз; раздражать' – аланско-осетин. *дзурын* 'говорить; звать, призывать' (осетинское выражение *сабыр дзур* 'говори тихо ~ спокойно ~ медленно ~ осторожно' совершенно одинаково звучит с южноудмуртским выражением *сабыр зур* 'спокойно, тихо ворчи, проявляй недовольство').

Общность оформления инфинитива одинаковым или близким аффиксом в пермских, венгерском и аланско-осетинском языках можно объяснить дли-

тельными и интенсивными контактами между предками этих народов. Как показывают археологические материалы, наиболее длительные и интенсивные контакты между ними проходили на территории Волго-Уральского региона. Это могло быть задолго до ухода мадьяр-венгров с уральской прародины и до начала великого переселения народов [30].

Проникновению аффиксов в чужие языки не приходится удивляться: вытеснившие ираноязычных алан с Урало-Поволжья тюркские племена заняли их территории для кочёвок и в продолжение 1400–1500 лет оказали огромное влияние на языки своих северных соседей – финно-угорских народов, в первую очередь, на периферийные группы южных удмуртов и марийцев: помимо более 2000 лексических заимствований, в периферийно-южных говорах южноудмуртского наречия употребляется ряд аффиксов тюркского происхождения: *-чи*, *-лык*, *-лы*, *-ла*, *-сыр*, *-сыз*, *-кай* и др. Некоторые из них, например: *-чи*, *-лык*, – широко вошли в удмуртский литературный язык и относятся к продуктивным аффиксам. С ираноязычными же племенами этноконтакты предков удмуртов были раза в два продолжительнее и не менее интенсивны, чем с тюрками.

На языковом и археологическом материале мы можем говорить о том, что пермские народы, прежде всего южная группа, послужившая основой формирования удмуртов, имели тесные контакты с кочевниками Приуралья – сармато-аланами и мадьярами, жившими на территории центральной и северо-западной Башкирии в кон. I тыс. до н.э. – пер. пол. I тыс. н.э.

Тюркский пласт заимствований

С началом великого переселения народов в полиэтническом Волго-Уральском регионе произошли крупные перемещения и смешения всех племен и народов. Первая волна тюркоязычных кочевников проникла в Европу в кон. IV в.: в 375 г. гуннские, преимущественно тюркские, отчасти угорские, иранские орды кочевников с Южного Урала, Сибири и Казахстана переходят через Волгу и обрушиваются на южные районы Восточной и Центральной Европы. Часть наступающих кочевников проникла в лесные районы Волго-Уральского региона и вступила в контакты с местными финно-угорскими племенами [31]. Как пишет А.П. Смирнов, взаимоотношения между местными и пришлыми племенами были далеко не мирными и спокойными: кочевники-скотоводы на данной стадии развития нуждались в рабской силе для обслуживания своего хозяйства. Это обстоятельство, как и обмен товарами в тех условиях, неизбежно носивший грабительский характер, порождали военные столкновения, о которых ясно говорит археологический материал [32].

Профессор И.В. Тараканов выявляет в удмуртском языке 15 древнетюркских заимствований, отсутствующих в местных тюркских – чувашском, татарском, башкирском языках, но наличных в тюркских языках Сибири, Средней и Центральной Азии – уйгурском, чагатайском, киргизском, хакасском, шорском, якутском и др. К ним он относит такие слова: *аксым* 'жадный'; *өчешыны* 'спо-

рить, держать пари, заклад'; *кӧчыны* 'кочевать, переселяться, переходить'; *акшан* 'сумерки' и др. [33].

В кон. VII – нач. VIII вв. н.э. на земли нижекамской группы удмуртов с южнорусских степных районов переселяется большая группа кочевников из болгарского союза племен. К середине X в. волжско-камские болгары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы. Только после падения в 964–965 г. Хазарского каганата болгары смогли создать сильное для своего времени раннефеодальное государство. Булгарское государство, возникшее в X в., было многоплеменным. Наряду с местными финно-угорскими племенами, как пишет А.П. Смирнов, мы видим пришлую болгарскую орду, аланские племена, видим сильное влияние хазар, наконец, встречаемся с представителями многочисленных народов, осевших в Поволжье. Здесь, как и южнее, была сильна славянская струя. Археологический материал дает право говорить, что в Булгарское царство вошли племена, связанные генетически с ананьинской и пьяноборской культурами: древние удмурты, коми, мари [34].

На этом фоне нет удивительного в том, что болгарские (проточувашские) заимствования попали в удмуртский язык и, наоборот, древнеудмуртское влияние выявляется в чувашском (древнебулгарском) языке. Ю. Вихманн, Й. Буденц, Б. Мункачи, Н. Ашмарин, Х. Паасонен, М.Р. Федотов, В.Г. Егоров, К. Редети, А. Рона-Таш, И.В. Тараканов и др. дают разные цифры по болгаро-чувашским заимствованиям: от 12 (Н. Ашмарин, Х. Паасонен) до 438 (М.Р. Федотов) [35].

В данном вопросе я придерживаюсь мнения своего учителя профессора И.В. Тараканова, который в течение нескольких десятков лет занимается проблемой тюркских заимствований в удмуртском языке и по этой теме защитил докторскую диссертацию. По его данным, в удмуртском языке около 200 болгарских заимствований. Фонетический облик их близок к современным чувашским источникам и заметно отличается от древнетюркских (добулгарских) и поздних – татарских (кипчакских). Анализ тематических групп болгаризмов показывает, что в них преобладают слова, связанные с сельскохозяйственным производством, ткачеством, обычаями, обрядами, мифологией, терминами родства и свойства, социальным, общественным положением; слова, обозначающие признаки предметов, признаков действия. Что важно, в отличие от татаризмов, болгарские заимствования встречаются во всех удмуртских диалектах и говорах и подавляющее большинство их вошло в удмуртский литературный язык. Вот некоторые из них: *бусы* 'поле'; *куро* 'солома'; *сукыри* 'каравай (хлеба)'; *юбо* 'столб'; *буртчин* 'шелк'; *сурон* 'выделанная кожа'; *сяська* 'цветок'; *тушмон* 'враг'; *куно* 'гость'; *убир* 'злой дух'; *чебер* 'красивый'; *чагыр* 'голубой'; *бускель* 'сосед'; *кен* 'сноха'; *кырси* 'зять'; *сьӧлык* 'грех' и др. [36].

В 1241 г. Волжско-Камская Булгария была разгромлена монголо-татарской ордой. Многие болгары погибли в боях, были уведены в плен, оставшаяся часть растворилась в среде завоевателей, переняла кипчакский (татарский) язык, отчасти сохранила болгарскую культуру, религию ислам в составе казанских татар. Часть болгар, жившая на правобережье Волги в лесных, таежных районах и оставшаяся в язычестве, участвовала с марийски-

ми, удмуртскими (мордва до недавнего времени чувашей называла удмуртским этнонимом *ветке ~ ветьке*: *ватка* – одно из двух древних племенных объединений удмуртов) родоплеменными группами в сложении современных чувашей. У чувашей сохранился язык болгарского типа; антропологический тип сходен с марийцами, удмуртами.

После разгрома Золотой Орды войсками Тамерлана (Тимура), на ее обломках, с начала XV в. начали складываться Сибирское, Астраханское, Крымское, Казанское ханства, Ногайская орда и прочие государственные объединения кочевых и оседлых тюркских народов Евразии. Южные и центральные группы удмуртов попали под власть Казанского ханства (1438–1552), стали подвластным народом. В то же время казанские правители на даннических условиях сохранили возникшее еще в добулгарскую эпоху Арское (Удмуртское) княжество, со столицей в Арче (Арске) и своим правителем-князем – *эксэй*. Ни одно важнейшее событие в ханстве не проходило без участия арских князей, что особенно ярко проявилось во дни Казанской войны с русскими войсками. По утверждению М.Г. Худякова, местные инородческие князья входили в состав признанной знати Казанского ханства. Самыми значительными из них были князья арские [37].

Конечно же, хан и духовные лидеры государства во главу Удмуртского княжества ставили татар или удмуртов, принявших ислам, которые беспрекословно подчинялись Казанскому престолу. Все население Удмуртского княжества было двуязычно: еще в кон. XIX – нач. XX в. южные удмурты использовали татарский как язык межнационального общения, в этот же период десятки тысяч удмуртоязычников Казанской, Уфимской, Пермской, Вятской губерний переходили в мусульманство и отатаривались.

В таком случае, не приходится удивляться изобилию тюркизмов в удмуртском языке: татарских заимствований в удмуртском языке, действительно, огромное количество – до двух и более тысяч в диалектах; они проникли во все сферы лексического состава удмуртского языка; явное влияние татарского на морфологию, синтаксис удмуртского языка никем не может оспариваться. Как пишет И.В. Тараканов, татаризмы коснулись всей сферы деятельности удмуртского народа, начиная с природных явлений, флоры и фауны, кончая хозяйственно-бытовой, общественно-политической жизнью. «Все это является одним из показателей весьма оживленных связей и контактов удмуртов со своими соседями в бытовой, производственной и торговой сфере. Наряду с этим проникла небольшая часть слов, относящихся к административной, общественно-политической терминологии, а также слова, обозначающие абстрактные понятия, действия и состояния людей» [38].

Влияние татарского (кипчакского) языка на удмуртский имеет и негативное последствие в том плане, что в одни говоры и диалекты, например, в буйско-таныпские, татышлинские (приуральские, закамские) говоры, распространенные на территории Башкирии, юга Пермского края, татаризмов проникло более 2000: здесь все удмуртское население двуязычно – как и родным удмуртским, почти все одинаково хорошо владеют татарским языком; население ряда деревень Бураевского, Калтасинского, Илишевского, Янаульского районов на

глазах отатаривается, поэтому трудно сказать, две или пять тысяч тюркских (башкирских, татарских) заимствований в местных удмуртских говорах. Более 1000 лексем татарско-кипчакского происхождения бытует в языке нижневятских (кукморско-мамадышских, шошминских), а также верхнеикских (бавлинских) удмуртов, живущих на территории Татарии. Более 500 татарских заимствований фиксируется в собственно южноудмуртском диалекте, тогда как в срединных говорах – не более 250, а североудмуртском наречии и того меньше (не более 100), например в косинском и ярско-красногорско-глазовском кустах.

К чему это я говорю? А к тому, что такое абсолютно неравномерное влияние на разные говоры, диалекты и наречия удмуртского языка помешало единению удмуртского народа, созданию единого разговорного и литературного языка. Да, формально мы считаем, что у нас единый литературный язык, но тут есть не одно «но». Как говорят удмурты-ватка Ярского, Глазовского, Юкаменского, Красногорского, Слободского, Зуевского, Унинского районов, наш газетно-журнальный, книжный литературный язык им не очень-то понятен, поэтому редко кто здесь выписывает и читает удмуртские газеты и журналы.

Неравномерность распространения татаризмов в удмуртских диалектах создает большие проблемы и на бытовом уровне, например, если слободская или ярская удмуртка (северная этнозона) встретится со своими сверстницами из Татышлинского, Бавлинского или Кукморского районов (южноудмуртская этнозона), то едва ли они смогут общаться на родном языке: у татышлинской, бавлинской или кукморской удмуртки на языке крутится-вертится тысяча татаризмов, у слободской и ярской – тысяча русизмов.

С началом мощного влияния русского языка, особенно через СМИ – радио, телевидение, кино, газеты, журналы, ныне – через интернет, а также в связи с миграционными процессами многие собственно удмуртские слова, в том числе и тюркизмы начинают заменяться русскими и интернациональными словами, неологизмами. О вытеснении татаризмов из языка удмуртов приведу несколько примеров по говору родной деревни Старая Игра Граховского района (южноудмуртская этнозона): *адаш* 'тезка-сверстница: девушки (женщины) одного возраста, имеющие одинаковое имя'; *алача* 'холст, пестрядь'; *аш* 'вкус'; *бадйга* 'меняла; торговец, занимающийся обменом (коней)'; *башмак* 'годовалый бычок'; *башлык* 'капюшон; башлык'; *булмагыр* 'неуклюжий, ничего не умеющий делать'; *бустырган* 'грязное, страшное существо'; *дышмон* 'враг, неприятель'; *дэмчи* 'сваха: сватовщица, сватуха'; *зин* 'собрание; сход'; *якуал* 'лодырь, тунядец'; *яньчик* 'кошелек, портмоне'; *йыраң* 'межа'; *калямпер* 'тмин; анис'; *кӧзлык* 'очки'; *курок* 'вор-разбойник, беглец'; *кельыт* 'рыжий (о масти лошади)'; *сары* 'буланый, соловый (о масти лошади)'; *тӧри* 'гнедой (о масти лошади)'; *майрак* 'бестолковый, болван'; *мамаля* 'денежные пожертвования на общественные моления'; *ӧды* 'сила, мощь'; *ӧксыз* 'сирота'; *ӧньӧр* 'мастерство; ремесло; ловкость, навык'; *салят* 'мастерство, умение'; *тату:* *т.улын* 'жить в мире, согласии'; *шырлар* 'деверь, младший брат мужа'; *ырлашын* 'ругаться, зубоскалить'; *эльтыр* 'каракуль; мерлушка; смушка'; *энэн-калэн* 'напрасно; не стоило бы'; *эс* 'чувство; глубинное сердечное восхищение' и многие др. Даже такие известные, вошедшие

в литературный язык, термины родства, как *анай* 'мать'; *анаймы* 'свекровка'; *атай* 'отец'; *атаймы* 'свекровь, свекор'; *аби* 'бабушка'; 'теща'; *бабай* 'дед; тесть' и другие ныне заменились русскими терминами: *мама, папа, баба, дед* [39].

Русские заимствования в удмуртском языке

Как повествуют русские летописи, в 1489 г. Вятская земля и живущие на ней народы, в том числе и удмурты, были присоединены к Московскому княжеству с помощью 64-тысячного войска Ивана III под командованием князей Данила Щени, Григория Морозова «и иных воевод со многими силами. Они же шедше города их поимаша, а самех Вятчан к целованью приведоша (то есть к присяге на верность), а Арян (т.е. удмуртов) к роте (то есть к присяге на подданство) приведоша...» [40].

В 1552 г. начался поход 150-тысячного войска Ивана Грозного на Казанское ханство. После захвата Арской крепости и Казани, подавления многократных восстаний, особенно на Арской (удмуртской) и Черемисской (марийской) стороне, в 1557 г. и южная группа удмуртов была присоединена к набирающему силу и мощь Московскому государству.

Если до XV–XVI вв. контакты удмуртского населения с русскими были эпизодическими, то после вхождения всех удмуртских земель в состав Русского государства волею и неволею они стали постоянными. Первые русские поселения на территории современной Удмуртии появились предположительно в самом конце XVI – начале XVIII вв. в прикамской части, в районе современных Сарапула-Камбарки-Каракулино-Воткинска, в гуще чудских (удмуртских) и башкирских поселений. До середины XVIII в. основная масса удмуртов оставалась в язычестве, и по этой причине тоже мало что объединяло два народа – покоренного и покорителя. Отчужденность между ними была естественной. Все это время шло массовое отступление удмуртов с Вятки – с бассейнов рек Молома, Холуница, Быстрица, Пижма, с нижнего течения р. Чепцы. В таких условиях едва ли возможны были массовые русские заимствования.

С усилением русской колонизации края, с постройкой железодельных, медеплавильных заводов на территории Удмуртии, с принятием христианской веры основной частью удмуртского народа, к середине XVIII в. влияние русского языка постепенно все более усиливается. Следует подчеркнуть, что древнерусские заимствования, какие имеются в прибалтийско-финских, мордовских и коми языках, в удмуртском отсутствуют. Как правило, впереди иноязычных проникновений «бежит» самая легко осваивающаяся, легко проникающая часть языка – ономастики – антропонимы (личные имена людей). В «Жалованной грамоте того же князя удмуртам Сырьанской волости Слободского уезда от 25 февраля 1557 года о предоставлении им за принятие христианства трехлетней льготы...», наряду с именами общепермского, собственно, удмуртского, тюркского (включая арабско-персидского) и

иранского происхождения, присутствуют также имена и «фамилии» русского (собственно русского, греческого, древнееврейского) происхождения:

Ожмек **Чернай**: ст.-рус. *черный* 1) название крестьянского сословия: тягловый, податный, из простолюдинов, черни [41]; 2) название цвета: черный, темный, смуглый; 3) нечистый - язычник; Весицат **Петров** < рус. Петр < греч. (-ов – аффикс); Дадук **Сенькин** и его брат Радук **Сенькин** < рус. просторечн. Сенька < Семен < Симеон < др. евр. (-ан – аффикс); Имасьи **Горчанов** < рус. *горчанка* ~ *горчай* – растение: 'стародубка; сокольница; зверобой-крестовый; морские колокольчики' [42]. **Зубарь** Дуин < рус. *зубарь* 1) 'колышек, вытаскиваемый в детской игре зубами из земли; 2) род столярного струга; 3) название рыбы; 4) название растения; 5) 'насмешник, зубан'; 6) 'человек зубрила, кто зубрит, долбит урок наизусть' [43]; **Васюк** Шихалев < рус. просторечн. Васюк, Васютка < Василий < греч.; **Ворона** Чужигов < рус. *ворона*. В русском именнике в XV–XVI вв. все еще встречались такие языческие имена, как *Гагара, Галка, Дрозд, Барсук, Семихвост, Худоба, Найдён, Неждан* и др. [44].

В какие годы, в какую эпоху русские имена начали проникать к удмуртам, пока трудно сказать, так как более ранних письменных документов с удмуртскими именами и отыменными фамилиями, чем этот, составленный в 1557 г., нам неизвестен.

Но судя по большому числу русских дохристианских (языческих) имен, встречающихся в материалах переписи 1615 г. в среде удмуртов Каринского и Лужановского станов Хлыновского уезда (совр. территория Кировской обл.), таких, как *Бажен, Худяк, Коновал, Толмач, Лысый, Третьяк, Мороз, Копейка, Лесник, Золотой, Гончар, Охлопко, Рычко, Поздей, Шестак, Опара* и др. [45], они начали проникать к северным удмуртам еще до XVI в.

Что касается нарицательной лексики, она впервые в такой полноте зафиксирована великим для удмуртоведения человеком, немецким ученым-путешественником Д.Г. Мессершмидтом в 1726 г. в среде северных удмуртов-ватка [46]. Из более чем 300 слов в списке удмуртских лексем мы встречаем только несколько удмуртизированных русизмов, приведенных ученым: *ко́чыш* < рус. диал. *котяш, кочаш* 'кошка'; *штани* < рус. *штаны*; возможно: *тамак* < рус. *табак*; *яр* < рус *яр*; хотя два последних слова могли попасть через татарское посредство. В слове *нылка* 'девочка, девушка' последний слог *-ка*, скорее всего, является аффиксом, заимствованным из русского языка, ср.: *девка, мамка, папка, бабка* и др.; сравни также: *бигерка* (сев. ярск.) 'татарка', где *бигер* 'татарин' + *-ка* – аффикс русского происхождения.

Ныне же значительная часть красивых удмуртских слов, приведенных в дневнике Д.Г. Мессершмидта, заменена русскими заимствованиями, а чаще всего они позабыты, ушли из живой речи их создателей. Особенно это касается этнографизмов.

В первой грамматике удмуртского языка – «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» приводится обширный словарь удмуртских слов по частям речи. Сюда попали следующие заимствования русского происхождения или иноязычные слова, пришедшие через русский язык: *грама* 'грамота';

крестить карисько ~ платисько 'крещу'; винамать карысько 'вино'; тамга ~ пучина 'пошлина'; толмацясько 'толмачу, толкую'; ораськысько 'ругаю, браню'; подрядь карысько 'подражаю'; обеддыр ~ сиськондырь 'обед'; чангь 'чан'; пычал 'ружье' < рус. пицаль – старинная пушка или тяжелое ружье, заряжаемое со ствола; коцишь 'кот, кошка'; немыць курегь 'индейка' (букв. 'немецкая курица'); немыць кежи ~ кыр кежи 'бобы' (букв. 'немецкий' или 'дикий' горох); ярь дурь 'берег'; венцясько 'венчаю'; Роштову визь 'Рождественский пост' [47].

Грамматика и словарь, без сомнения, составлены под руководством митрополита Казанского и Свияжского Вениамина (Пуцек-Григоровича) с помощью учащихся-удмуртов. Диалектную основу словаря определить трудно, но преобладают слова собственно южноудмуртского наречия с употреблением лексем, их фонетических вариантов других наречий. В то же время он намного чище современных словарей, изобилующих чужеродными заимствованиями.

В отличие от татар-мусульман, стремящихся к исламизации и полной татаризации языческих народов Волго-Камья, русские правители стремились к просвещению через христианизацию коренных народов данного региона. Были предприняты радикальные меры для просвещения инородцев без ущемления их права на сохранение родного языка. Так было при высокообразованных правителях – императрица Екатерина II, митрополит Вениамин Пуцек-Григорович. При них составлялись национальные словари, писались грамматики разных языков; начались переводы книг Священного Писания, богослужебной и духовной литературы. Таким путем бывшие язычники, не имеющие письменной культуры, сохраняя, развивая родной язык, приближались к мировой культуре.

В период освоения русских слов, скорее всего начиная с XV–XVI вв. и вплоть до середины XX-го, не знающим русского языка народом подвергались фонетической, морфологической и семантической адаптации, «удмуртизировывались» в первую очередь антропонимы, топонимы, этнонимы, чуть позже – и нарицательная лексика. Вот некоторые примеры: г. Москва > удм. *Муско*; Хлынов > *Кылно*; Пермь > *Перма*; Набережные Челны > *Тупал Чалды*; р. Волга > *Вулго*; личные имена: Алексей > *Очей, Олексей, Очи, Оле, Олёк, Олёш, Эчи, Эчей, Очан* и др.; Анна > *Аннок, Аннйк, Аннй, Аннйика, Аннук, Аннуш, Анныкай, Анка* и др.; нарицательная лексика, церковные праздники: церковь > удм. *черк, черык*; книга > *кинига, киньга*; архиерей > *аркерей*; Петров день > *Петрол*; Покров > *Пукро, Пукрол*; Семенов день > *Семеннал*; жребий > *жеребе*; гренадер > *гырнадёр*; каторга > *катырга*; каретник – сарай (лабаз) для хранения карет и других экипажей > *коротник* – длинный, обширный сарай с хлевом (конюшней) с сеновалом, где хранились сани, телеги и прочий инвентарь; фершел – помощник лекаря; врач, фельдшер > *першал 'врач'; пудо першал 'ветеринарный врач'*; сапоги > *сапег*; гривенка > *гиремка* (вес - фунт); чан > *чаң*; горшок > *гөршок*; конфеты > *камнет*; сахар > *сакыр*; гиря > *гир*; счеты > *чот* и др. (примеры взяты поговору родной деревни: Старая Игра Граховского района).

Молодое поколение удмуртов (кому 40–45 лет и моложе) русские и интернациональные слова осваивает ныне без особых искажений.

* * *

Удмуртский язык, конечно же, не латынь, не древнегреческий и не английский, чтобы проникнуть во все языки мира и оставить там свои следы. Он, как и большинство языков мира, особенно с малой письменной культурой (первая грамматика удмуртского языка издана в 1775 г.), больше всего заимствует из высокоразвитых международных языков, чаще всего – через русский.

Тем не менее, и языки малочисленных народов оказывают определенное влияние на языковую культуру народов мира, в первую очередь, через названия крупных рек, гор, городов, озер и прочих географических объектов, названия народов и племен, государственных образований и др.

Три собственных названия удмуртского происхождения известны ученому миру, особенно географам мира, составителям карт, учащимся школ, студентам вузов, государственным чиновникам, краеведам и др. В первую очередь, это сам этноним *удмурт* и образованное от него название республики; во-вторых, названия крупных рек *Кама* и *Вятка*: в основе названия первой реки лежит термин *кам* 'большая, великая река; разлив; море'; в основе названия реки Вятки – племенное название удмуртов *ватка*.

Сотни названий населенных пунктов, рек, гор и других географических объектов Волго-Камского региона, восходящих к удмуртскому источнику, освоены русским, татарским, марийским, башкирским и чувашским населением.

Усилиями российских и зарубежных ученых за последние 100 лет удмуртские (включая сюда же общепермские) заимствования выявлены в аланско-осетинском, венгерском, болгарско-чувашском, татарско-кипчакском, башкирском и марийском языках. Этой проблеме посвящены обобщающие работы И.В. Тараканова. Чтобы не повторять его выводов и вторично не приводить примеры из его статей и книг, отсылаем к его опубликованным трудам [48].

Диалектное членение удмуртского языка

Диалектология и ее материалы многоценны при решении этногенетических вопросов: они помогают определить место и время формирования единого национального языка, этнические связи, контакты с другими этносами разных языковых семей.

Начиная с кон. 20-х – нач. 30-х гг. XX в., особенно после создания научно-исследовательского и педагогического институтов в Ижевске, организуется систематический сбор языкового, фольклорного материала. В 1955 г. Т.И. Тепляшина защитила первую кандидатскую диссертацию по удмуртской диалектологии – «Тыловый диалект удмуртского языка» [49].

Многие современные удмуртские языковеды вошли в большую науку через монографическое описание разных (чаще – родных) диалектов и говоров: И.В. Тараканов – с родного бавлинского (1958); В.К. Кельмаков – с родного кукморского (1969); С.К. Бушмакин – с родных средневожосточных говоров (1973); Р.Ш. Нассибуллин – с родных буйско-танышских говоров (1973); Б.Ш. Загуляе-

ва – с прикильмезских говоров (1980); Л.Л. Карпова – со среднечепецкого диалекта (1997); Н.М. Люкина – с особенностей языка бalezинских и юкаменских бесермян (2008) [50].

В 1970 г. вышел классический для удмуртской диалектологии труд Т.И. Тепляшиной «Язык бесермян» [51].

С кон. 1960-х гг. по сегодняшний день в решение проблем удмуртской диалектологии свою лепту внесли также ученые: Г.А. Архипов, В.М. Вахрушев, М.Г. Атаманов, А.А. Алашеева, Л.Е. Кириллова и др. Студентами филфака написаны курсовые и дипломные работы по удмуртской диалектологии.

Тем не менее, по сравнению с другими финно-угорскими народами изучение удмуртских диалектов до сего времени не завершено. Самое крупное собственно южноудмуртское наречие не описано, есть только статьи о кырыкмасских и граховских говорах [52], но не определена даже граница его распространения. Слабо изучены срединные, переходные (игринские), шошминский, ташкичинский, татышлинский говоры, нижнечепецкий и верхнечепецкий диалекты. Ведущий диалектолог В.К. Кельмаков вынужден отметить: «Несмотря на более чем вековую историю удмуртской диалектологии, многие ее кардинальные вопросы еще не нашли удовлетворительного решения. В частности, до сих пор является дискуссионным важнейший вопрос о критериях классификации пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка и – как следствие этого – о количестве и территории размещения последних. В результате каждый из исследователей удмуртской диалектной речи пользовался и пользуется в своей научной практике набором единиц собственной классификации, зачастую в количественном и качественном отношении не совпадающими с классификационными единицами других авторов или же с единицами своей же классификации в различных изданиях» [53].

Более точно сказать, наверное, уже невозможно. К сожалению, эти замечания, в первую очередь, относятся к автору тех строк: ученых-диалектологов, занимающихся вопросами классификации, кроме него, у нас и нет.

В том, что каждые десять лет меняется деление удмуртской диалектной речи на разные наречия диалекты и говоры, явно проявляется несовершенство выбора основных лингвистических признаков. Удмуртские диалектологи за основу выделения наречий, диалектов, говоров берут фонетические признаки, но в удмуртских диалектах и вокализм, и консонантизм самое слабое звено – они чаще всего подвергаются изменениям: так, на глазах одного поколения из собственно южноудмуртского диалекта фактически уже исчезли древние прапермские фонемы *ŋ, *ŷ. А там, где хорошо поставлено преподавание удмуртского литературного языка, нивелировка фонетических и даже морфологических несоответствий с литературным языком проходит быстрее в пользу последнего.

Без сомнения, морфологические признаки лучше помогают отделить один диалект от другого, одно наречие от другого наречия, а фонетика и лексика наиболее сильно подвержены чужеродному влиянию и внутренним лингвистическим изменениям. При выделении диалектных единиц удмуртского языка, помимо чисто лингвистических факторов, следует непременно учесть исторический,

присутствующий в их формировании, например, весьма трудно объяснить связь бесермянского диалекта и верхнеикского (бавлинского) говора с южноудмуртским наречием; связь татышлинского, ташкичинского, красноуфимского говоров с нижневятским (арским) диалектом без вхождения в исторические глубины.

В формировании нижнечепецкого и верхнечепецкого говоров североудмуртского наречия участвовали разные внутриэтнические компоненты, они выросли на основе диалектной речи создателей и носителей разных археологических культур и племенных объединений: так, в сложении нижнечепецких говоров (слободской и косинской группы) участвовало привятское племенное объединение *ватка*, создатели пьяноборско-худяковско-азелинского, еманаевского и кочергинского археологических культур. В сложении же верхнечепецкого диалекта участвовало прикамское племенное объединение *калмез*, создатели пьяноборско-осинского и поломского населения. Только в результате мощного наплыва в верхнечепецкий регион привятских удмуртов-ватка в XVI–XVIII вв., связанный с началом колонизации Вятской земли русским населением, говоры игринско-дебесско-кезских (южная часть) удмуртов начинают приобретать североудмуртские черты. Тем не менее, здешние говоры – как и сам диалект – заметно отличаются от говоров глазовско-слободских удмуртов. При чтении кандидатской диссертации Т.И. Тепляшиной создается впечатление, что приитинские говоры – это не североудмуртские, а переходные от срединных говоров к североудмуртскому наречию говоры. Калмезские (срединные) и ватка (северные) черты здесь, мне кажется, имеют соотношение 1:1.

Среднечепецкие говоры создавались носителями полумской (V–IX вв. н.э.) и чепецкой (IX–XIII в. н.э.) археологических культур, с включением привятского древнеудмуртского населения. В XVII – XVIII вв. с Вятки шел настолько мощный поток переселенцев-ватка, что от языка полумско-чепецкого древнекалмезского населения и следов не осталось – победила диалектная речь нижнечепецких удмуртов-ватка. Свою лепту сюда внесли и бесермяне-чуваши.

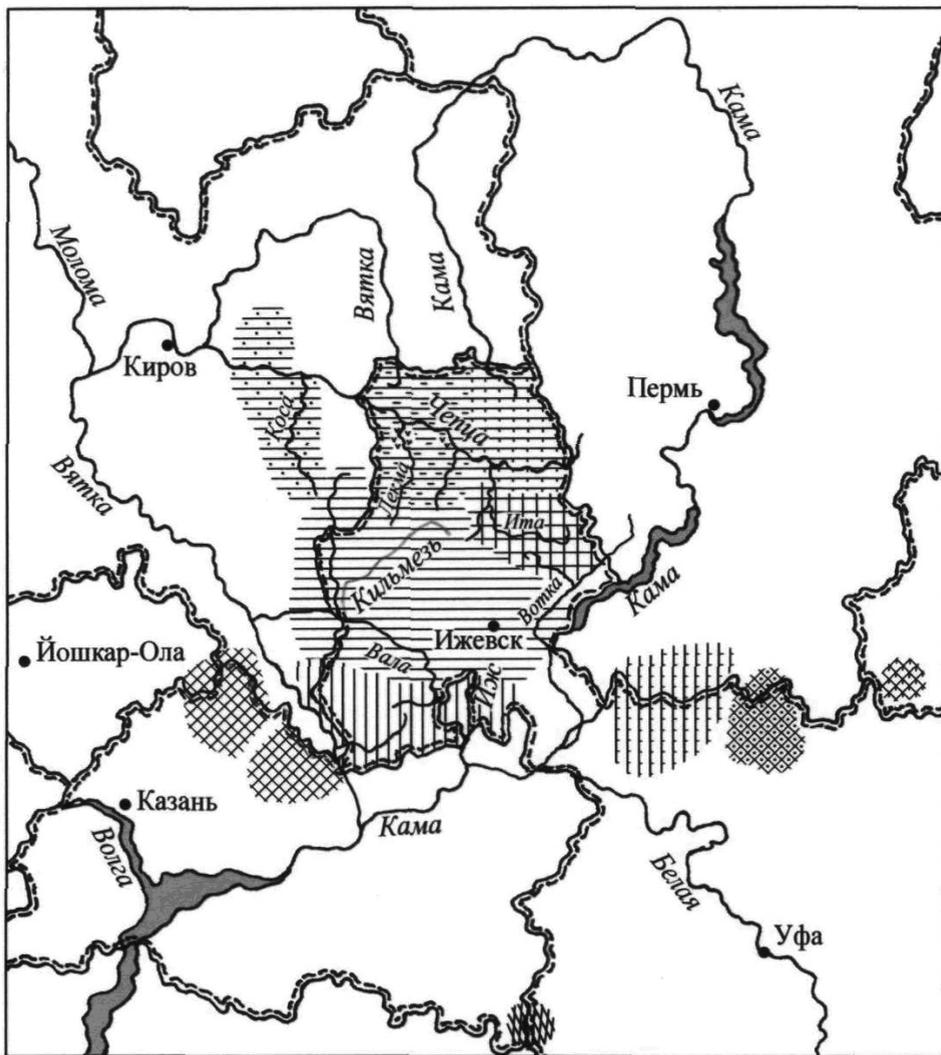
С учетом лингвистических и исторических факторов я предлагаю, конечно же, опираясь на работы своих предшественников, следующую схему: удмуртская диалектная речь состоит из двух больших групп – наречий:

1. **Североудмуртское** (сокращенно – **северное**) **наречие**, внутри которого выделяются *нижнечепецкий, верхнечепецкий диалекты и среднечепецкие говоры*, каждый со своими говорами и подговорами.

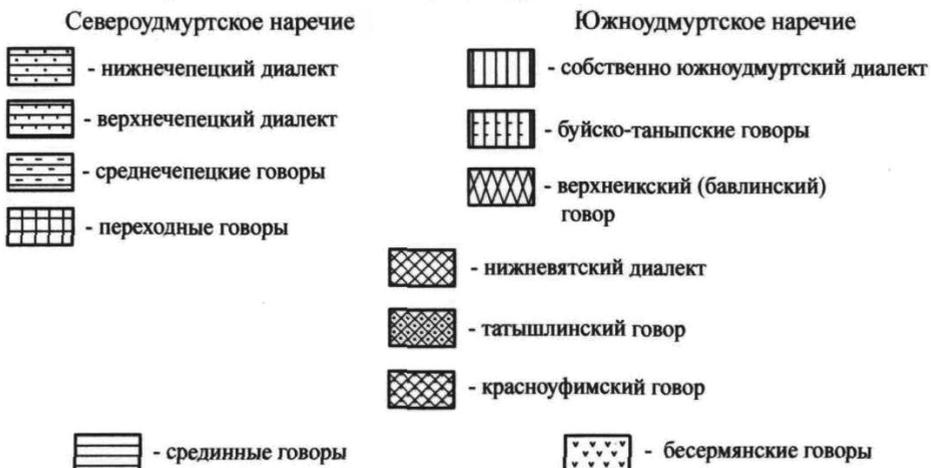
2. **Южноудмуртское** (сокращенно – **южное**) **наречие**, в состав которого входят *собственно южноудмуртский диалект, буйско-танышские и верхнеикский (бавлинский) говоры*.

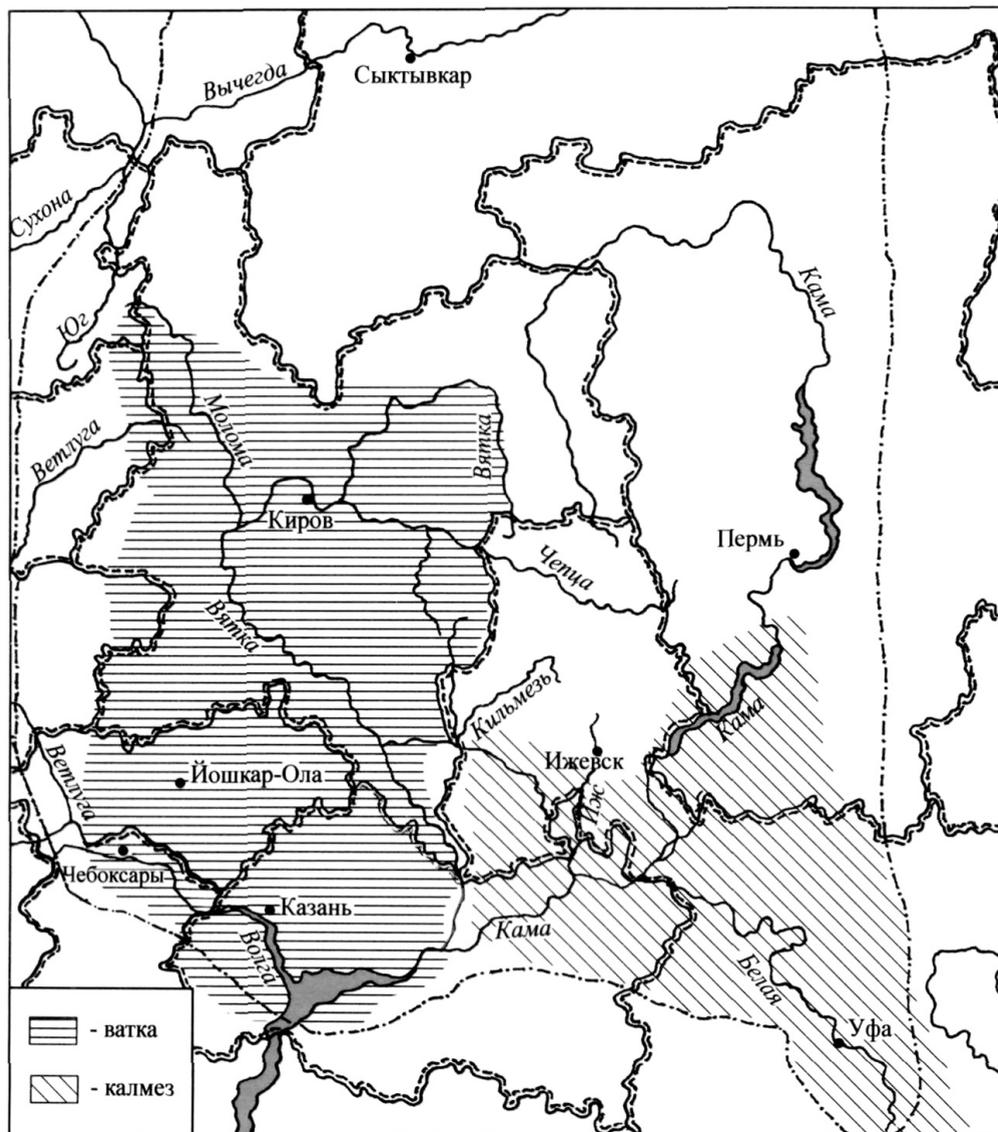
Язык бесермян, особой этнической группы удмуртов, имеющей свою особую историю происхождения и культуру, в исторически обозримое время, судя по зафиксированным письменным памятникам, занимает промежуточное положение между южноудмуртским и североудмуртским наречиями со своими языковыми особенностями. Называть его наречием или особым диалектом – дело времени.

С опорой на языковые материалы и учетом исторических документов нам удалось выяснить место древней прародины бесермян: до ухода (по неведомым

Наречия, диалекты, говоры удмуртского языка

Расселение племенных объединений удмуртов в конце I тыс. до н.э. - в начале I тыс. н.э.

нам причинам) значительной их части на север Удмуртии, в бассейн р. Чепцы, они жили в нижнекамско-нижневятском регионе, на территории Волжской Булгарии, имели прямые связи с носителями кукморско-мамадышского и граховского говоров южноудмуртского наречия. Исторические документы, материалы переписей XVI–XVII, вплоть до начала XVIII в., остатки бесермянского населения под этнонимом *чуваши* фиксируют на право- и левобережных частях нижнего течения р. Вятки, в бассейнах рек Иж, Тойма. Среди граховских удмуртов (с. Старые Ятчи) еще в конце 1970-х годов мне удалось записать воспоминания о бесермянах как о местных жителях-язычниках (бесермянами будто бы называли жителей д. Удмуртский Сарамак соседнего Кизнерского района). Надо

полагать, что значительная часть бесермян-чуваш (в исторических документах «чуваша арская», удм. кукм. *дюаи ар*) отатарилась, частично вошла в состав южных удмуртов [54].

Как выявили лингвисты, фонетика языка бесермян находит прямые аналоги в говорах, диалектах южноудмуртского наречия, а морфология близка к северному наречию. По североудмуртско-бесермянским параллелям мы отсылаем к работам Т.И. Тепляшиной, В.К. Кельмакова и Л.Л. Карповой [55].

Из так называемого **периферийно-южного наречия**, носители которого ни в языковом, ни в историческом плане не имеют единства, я выделил бы особый **нижневятский, арского типа диалект с шошминским (приказанским) и кукморско-мамадышским говорами**. Носители этого оригинального диалекта являются древнейшим населением вятско-камско-поволжского региона, их предки во все времена жили здесь – до появления тюрков (булгар, татар) и русских. Самое интересное то, что, судя по воршудно-родовому составу, они родственны с нижнечепецкой – слободско-унинской, отчасти, глазовской – группой удмуртов-ватка, в первую очередь это касается балтасинско-карлыганско-малмыжской группы: воршудно-родовые группы *Чипъя, Чола, Чабъя, Дурга, Сюра, Лёзя, Пышъя, Туръя* для обеих групп являются общими.

На носителей нижневятского диалекта, в первую очередь, на кукморско-мамадышские говоры существенное влияние оказали носители собственно южноудмуртского и бесермянского диалектов, но особенно – татарский язык. Воршудно-родовые группы кукморско-мамадышских удмуртов *Зумъя, Уча, Нөръя, Кибъя, Куарса, Урга* чаще всего встречаются в среде южных и центральных групп; *Зумъя, Уча, Урга* – еще в среде средне- и верхнечепецких удмуртов, но ни один из вышеперечисленных шести воршудно-родовых групп кукморско-мамадышских удмуртов не встречается в нижнечепецком (слободско-унинском) регионе.

Из среды носителей кукморско-мамадышского, в меньшей степени – шошминского говора, после падения Казанского ханства и Арского (Удмуртского) княжества в сер. XVI в., многочисленными беженцами-переселенцами на территории Башкирии и Западного Приуралья были созданы *татышлинский, ташкичинский, красноуфимский говоры*. Носители *верхнеикского (бавлинского) говора* были выходцами из среды южных удмуртов, лишь члены нескольких семей из воршуда Пышъя в д. Николашкино Бавлинского района являются переселенцами из д. Старый Кушкет Балтасинского района (шошминский говор). Закамье или Западное Приуралье, включая сюда удмуртские населенные пункты Янаульского, Калтасинского, Бураевского, Кушнаренковского, отчасти – Илишевского районов Башкирии и Куединского района Пермского края, были заселены выходцами из всех удмуртских регионов, но здесь победила диалектная речь первопоселенцев данного края – выходцев из Южной Удмуртии.

Для выделения удмуртских наречий, я считаю, следует, в первую очередь, выбрать самые характерные, широко распространенные морфологические признаки, а также учесть диалектную лексику, ударение и синтаксические различия.

Для выделения удмуртских диалектов внутри наречий следует учесть фонетические, а возможно, и морфологические особенности, диалектную лексику говоров, распространенных на большой территории – района(-ов), в бассейнах рек; для одного удмуртского говора достаточно нескольких фонетических и лексических особенностей, а для подговора, может быть достаточным выделение одной фонетической и нескольких лексических особенностей.

Для определения границ расположения срединных говоров от соседних южноудмуртского и североудмуртского наречий следует в первую очередь обратить внимание на такие характернейшие языковые признаки, как отсутствующие или не сохранившиеся в других наречиях и диалектах удмуртского языка:

1. Употребление аффрикат *č*, *š*, *ž* во всех позициях – в начале, середине, конце слова, ср. *šičužyt* // южн., сев. *šičužyt* 'высокий'; *ožy* // южн., сев. *ožy* 'так'; *užič* // южн., сев. *užič* 'работа, труд' и др.

2. Употребление усеченных форм глагола: выпадение в глагольных формах I спряжения инлаутных слогов типа согласный-гласный, согласный-гласный-согласный, гласный-согласный и образование стяженных форм глагола: *totko* ~ *totsko* ~ *tosko* ~ *točko* // южн. *tođičsko* ~ *tošsko*, сев. *tođysko* ~ *totsko* 'я знаю'; *siko* // южн. *sičisko* ~ *sišsko*, сев. *sičysko* 'я ем'; *yoko* // южн. *yučsko* ~ *yučsko*, сев. *yučsko* 'я пью'; *šumpotko* // южн. *šumpođičsko*, сев. *šumpođysko* ~ *šumpotsko* 'я радуюсь' и др.

3. Инфинитив употребляется в усеченной форме с суффиксом *-ны*: *мынны* // южн. *мыныны* ~ *мынын*, сев. *мыныны* 'идти'; *тодны* // южн. *тодыны* ~ *тодын*, сев. *тодыны* 'знать'; *юны* // южн. *юныны* ~ *юнын*, сев. *юныны* 'пить' и др.

Топонимика – один из разделов этногенетической науки

При решении этногенетических проблем любого народа невозможно пройти мимо такой важной, многоинформативной части лингвистической науки, как топонимика, имеющей непосредственные связи с историей, археологией, этнографией, фольклором, палеогеографией, палеоботаникой, особенно же – с антропонимикой, этнонимикой и другими разделами, входящими в состав ономастики.

Каждое название представляет интерес для языка, истории, культуры, в том числе и этногенеза народа, особенно когда испытывается дефицит в древних письменных источниках. Один из ведущих специалистов по ономастике В.А. Никонов пишет: «Названия – слова, – они красноречиво свидетельствуют о языке тех, кто их дал. А так как они прикреплены к месту, то по ним можно восстановить границы распространения его. Для большинства языков названия старше письменных свидетельств» [56].

Каждый топоним – своего рода исторический документ или письменный памятник, имеющий значение первоисточника. Не случайно топонимы именуется «языком Земли», так как несут разностороннюю информацию о языке, истории и культуре народа, о его социально-экономическом уровне развития в

разные исторические периоды; они помогают восстановить зооботанические, климатические, ландшафтные и иные изменения в природе изучаемого региона и т.д. Историко-этимологический анализ географических названий помогает проникнуть в необъятную глубину истории этноса и его языка; раскрыть духовный мир народа – творца названий, восстановить праисторию народа страны начиная с древних веков.

Ввиду ограничения объема статьи, в данном случае приведу лишь конспективную информацию, взятую из своих ранних публикаций [57].

В географических названиях Удмуртии выделяются **прапермский, собственно удмуртский и русский топонимический пласты**, выявляются **угорские, самодийские, тюркские и марийские топонимические элементы**.

Прапермский, или общепермско-угорский, пласт географических названий начал формироваться в период освоения территории современной Удмуртии с эпохи мезолита (VIII–VI тыс. до н.э.). С этого времени она никогда не пустовала и, важно отметить, каких-то крупных этнических перемещений здесь никогда не происходило. Господствующим населением всегда оставались родоплеменные группы финно-угорского происхождения, вошедшие в состав формирующегося удмуртского этноса.

К прапермскому (финно-угорскому) пласту отношу лишь те апеллятивы, которые не встречаются в словарном фонде современного удмуртского языка, но бытуют у коми, или – ни в одном из пермских языков в живой речи не употребляются, но сохранились в географических названиях и их параллели выявляются в других родственных финно-угорских, шире – уральских – языках, например:

люк (в названиях нескольких рек и населенных пунктов Удмуртии), ср. фин. *joki* 'река', данный гидротермин наличен во всех финно-угорских языках (в удмуртском начальный *й- довольно часто заменяется л'-);

ва (в названиях нескольких рек: Ва, Вала, Кыква, Сива), данный апеллятив очень широко распространен в Пермском крае, в коми языке *ва* 'вода' / удм. *ву* 'тж'; апеллятив с тем же значением встречается в большинстве уральских языков;

пуро ~ буро (в названиях нескольких рек в бассейне Камы, Ижа, Валы), деэтимологизированный апеллятив находит параллели в топонимии прибалтийско-финских народов: в карельском *пуро* 'небольшая река, ручей';

ой ~ уй ~ уйо ~ уйы ~ ай – весьма широко распространенный деэтимологизированный апеллятив в удмуртской топонимии, находит прямые параллели в прибалтийско-финских языках: фин., вепс., эст. *oja* 'ручей, протока, канава' и др.

К приведенной группе топонимов по своей деэтимологизированности приближаются восходящие к разным языкам географические названия, оформленные с топоформантами, имеющими терминологическое происхождение. На наш взгляд, топоформанты *-ӓи* (*-си, -чи*) (очень большая группа топонимов Удмуртии оформлена этим формантом), а также *-ма* (*-мо*), *-иж* (*-ыж*), *-ош* (*-оӥ*), *-мыж*, *-мес* (*-мас, -мос, -маз*) этимологически связаны с финно-пермскими языками; *-ур* (*-ыр*), *-ым* (*-им, ум, ом*); *па ~ ба, ар, лет* – с языками народов Западной Сибири, скорее всего – угров и самодийцев; *-ман, -тан* (*-дан*), *-ганда* (*-гында*) –

с индоиранскими языками; *-баиш* – с тюркскими языками. Эта группа топонимов разновозрастная.

Собственно удмуртский пласт – один из древних и самый распространенный на территории Удмуртии. В образовании удмуртских топонимов наиболее часто встречаются аппелятивы *шур* 'река'; *гурт* 'деревня, селение'; *выр* 'холм'; *гурезь* 'гора'; *яг* 'сосновый бор'; *тыло* 'подлесок; подсека'; *луд* 'поле'; *нюк* 'лог, ложбина'; *чытет* 'пруд'; *ошмес* 'родник'; *ты* 'озеро'; *выж* 'мост'; *сюрес* 'дорога'; *кар* 'городище'; *вӧльы* и *сайкос* 'подсека, новина, рощисть' и др.

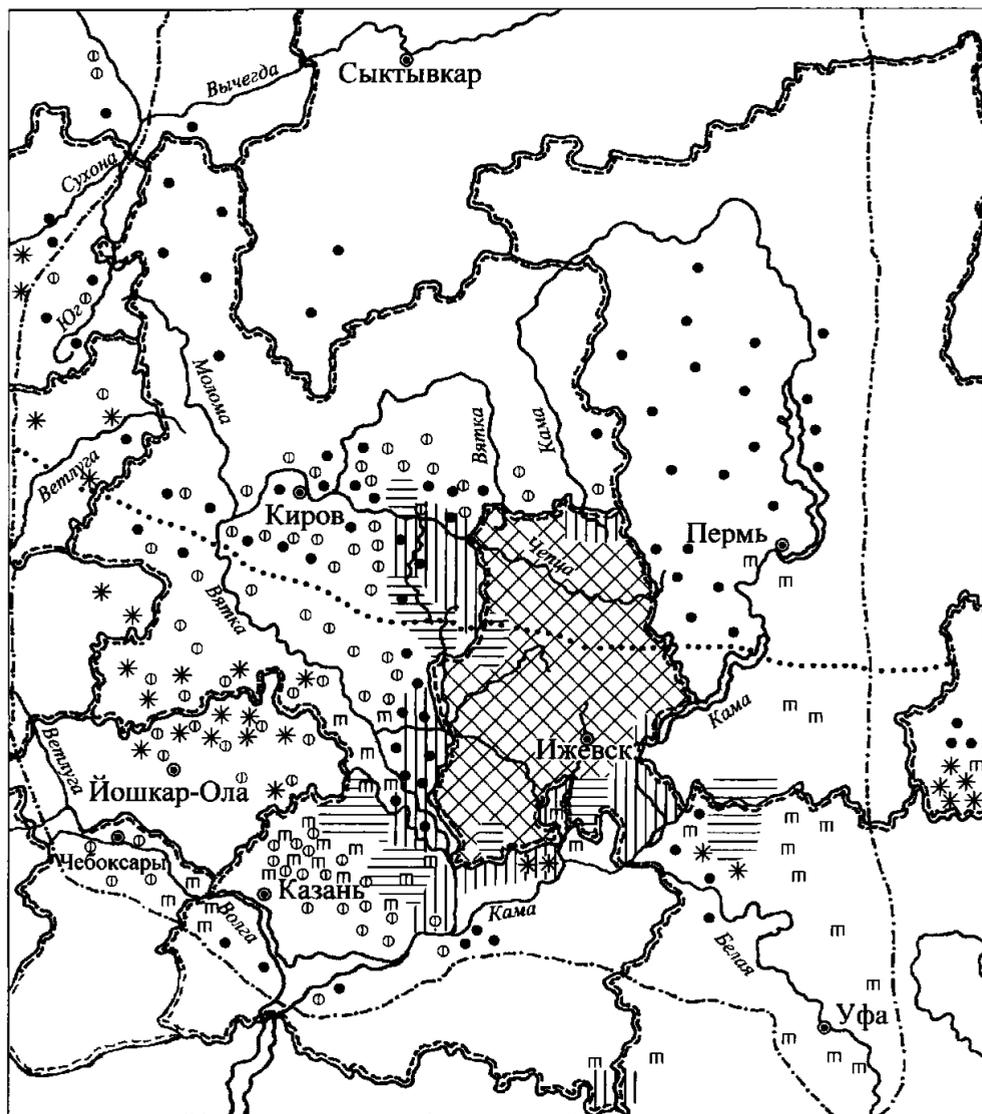
Одну из широко распространенных групп топонимов представляют собой отантропонимические названия. Самую специфичную, наиболее древнюю и довольно внушительную группу в удмуртской топонимии составляют названия населенных пунктов, улиц, лугов, полей, рек, холмов, древних могильников, городищ, мест языческих мольбищ, образованные от воршудно-родовых имен, ведущих свое начало от эпохи тотемизма, матриархата, см.: г. *Можга*, с. Большая *Уча*, д. *Бигра*, родник *Чолоашмес*, городище *Эбгакар*, улица *Сальяурам*, озеро *Лӧзяты*, святилище *Чабыякуала* и др. Около 9 % ойконимов Удмуртии в своем составе содержат те древние воршудно-родовые имена.

В географических названиях Удмуртии отразились названия зверей, птиц, растений, характерных для таежных лесов Восточной Европы, а также народные обычаи, обряды, поверья удмуртского народа, особенно связанные с древней языческой культурой и религией, хозяйственной деятельностью.

В сложении удмуртских топонимов довольно широко участвуют послелого и послеложные слова, например: *йыл* 'верховье; исток, вершина; над, наверху'; *ул* 'низ; нижний; под'; *сьӧр* 'за, позади'; *дӧнь* 'около, возле, рядом с...' и др.

Удмуртский пласт топонимов не ограничивается только территорией Удмуртии: географические названия удмуртского происхождения встречаются во многих частях Волго-Уральского региона, на территории Кировской области, Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Чувашской Республики, Пермского края – в бассейнах рек Вятки, Белой, Камы, вплоть до среднего течения р. Волги. Наиболее плотный ареал удмуртских топонимов встречается в Заказанье, в районе Арска, Балтасей, Кукмора, Мамадыша, где с конца I тыс. н.э. до 1552 г. существовало Удмуртское (Арское) княжество, и в районе городов Хлынова, Слободского: до XIII – нач. XIV вв. на месте современного г. Кирова находился племенной и религиозный центр северных удмуртов-ватка, разрушенный ушкуйниками-первопоселенцами Вятской земли.

Географические названия, образованные от экзоэтнонимов *одо* (марийское название удмуртов), *ар* (тюркское название удмуртов), *вотьяк* (~ *отьяк* ~ *вотин* ~ *отин* ~ *вочь*) (устаревшее русское название удмуртов), помогли выявить ареалы былого расселения удмуртских родоплеменных групп, очертить границы пратерритории древних удмуртов. Судя по этнотопонимам *Одо*, *Ар*, *Вотьяк*, южная граница этнической территории древних удмуртов проходила несколько южнее линии городов Чебоксары – Казань – Уфа; западная – по р. Ветлуге (несколько восточнее), северная – по верховьям рек Камы, Вятки и до слияния рек Юг и Сухона; восточная граница жительства удмуртских родоплеменных групп, ско-

Распространение топонимов удмуртского происхождения:

- более половины топонимов удмуртского происхождения (70-80%);
- около половины (40-60%); - не более 10-20%; - единичные топонимы удмуртского происхождения; - этнотопонимы *Одо*;
- этнотопонимы *Ар*; - этнотопонимы *Вотьяк*; - - - граница ананьинской археологической историко-культурной общности; - северная граница произрастания дуба черешчатого

рее всего, простиралась по линии с. Кулига (у истока р. Камы) – г. Оса – пос. Чернушка (в Пермском крае), по правым притокам – Быстрый Танып, Бирь, Уфа, Сим, Усолка – среднего и нижнего течения р. Белой (в 100 км южнее г. Уфы выявлены карабызские памятники, принадлежащие праудмуртам-калмезам).

Этнотопонимы *Одо*, *Ар*, *Вотьяк* характерны для южной, наиболее густо заселенной части ананьинской археологической культуры (VIII–III вв. до н.э.).

Именно на этой территории к III в. до н.э. на основе ананьино сложился пьяноборский союз племен, который послужил этническим ядром в формировании древнеудмуртской языковой общности; внутри этого круга располагаются топонимы удмуртского происхождения.

Русский топонимический пласт начал складываться только с конца XVI в. Первые русские поселения появились по Каме в районе Сарапула, Каракулино, Воткинска. После основания Ижевского и Воткинского железодельных и медеплавильных заводов в Удмуртии в сер. XVIII в. русское население появилось во всех районах Удмуртии. Топонимы русского происхождения на территории Удмуртии сходны с географическими названиями Русского Севера, в первую очередь – Вятской земли. Основная масса русских переселенцев с “окающими” говорами шла именно с тех территорий.

С конца же XVI в., после падения Казанского ханства, на территории Южной Удмуртии, в бассейнах рек Иж и Тоймы, появились первые поселения татар и марийцев; переписи еще начала XVIII в. здесь фиксируют чуваш, под этим этнонимом фигурировали бесермяне, говорившие на диалекте южноудмуртского наречия, – собственно чувашского происхождения топонимов здесь не выявлено.

Отдельные топонимы марийского происхождения фиксируются в Граховском, Кизнерском, Алнашском, Киясовском и Каракулинском районах – в местах проживания марийцев.

Татарские же географические названия, помимо Южной Удмуртии, встречаются в северо-западных – Юкаменском, Глазовском, Балезинском – районах, в местах компактного проживания татар. Их создатели, выходцы из с. Карино Слободского уезда Вятской губернии, живут здесь с кон. XVII в. Во избежание иллюзорного представления о большом количестве тюркских топонимов в Удмуртии (см.: *Байтуганово, Асаново, Батырево, Шадбегово, Нурузово, Баяран, Тукташ, Кельдыш* и мн. др.), следует подчеркнуть, что основателями тех селений были удмурты, носившие тюркские имена: в удмуртском дохристианском именнике зафиксировано несколько тысяч личных имен тюркского (включая сюда же имена арабского, персидского и монгольского) происхождения.

Из иноязычных топонимов наиболее древними и интересными в научном отношении являются названия угорского и самодийского происхождения. Их не один десяток. **Угорские названия** представлены следующими апеллятивами: манс. *унь* ‘запруда в реке’ (р. Уня – в бассейне Чепцы и Валы; р. Унинка; р. Лумпунь: лумп + унь); манс. *уть* ‘порог в реке; отмель’ (р. Уть – в бассейне Кильмези; р. Омуть – в бассейне Чепцы: ом + уть, ср. р. Омь – пр. р. Иртыша в Западной Сибири); манс. *хоса* ‘длинный; долгий’ (р. Коса – в бассейне нижнего течения р. Вятки и Чепцы); хант. *ёган, ёхан* ‘река’ (р. Яган – в бассейне Ижа и Валы); хант. *уарсэп* ‘кустарник; заросли’: деревни Уарсем, Уварсем, Варсем имеются в Кезском, Балезинском, Глазовском районах и др. Фратриальное название *пор* отразилось в названиях удмуртских деревень на севере Удмуртии (примеры по Южной Удмуртии не приводим, так как этим же этнонимом здесь называют марийцев): Поркар, Порва, Порпи, Порез, Порек, Порин, Порвай, Поршур,

Порово, Поргучин и др.; данная фратриальная группа участвовала в сложении воршудно-родовой группы Порга > Пурга.

Самодийские названия представлены следующими апеллятивами: селькуп. *лымпӓ* 'болото; болотистый' (р. Лумпа, р. Лумпо – в бассейне р. Валы; р. Лумпа, р. Лумпук, р. Лумпачик, р. Лымпашур – в бассейне р. Чепцы; р. Лумпунь: *лумп* + манс. *унь* 'запруда в реке' – в бассейне р. Кильмезь; в Глазовском р-не есть деревня Лумпашур, в Якшур-Бодьинском – Лумпово, в Ярском – Лумпа); селькуп. *кы, ке, гы* 'река, речка' (р. Сюгы, рус. Сюга – 2 реки в бассейне р. Валы; селькуп. *сю* ~ *шю* 'змея', букв. 'змеиная река'); селькуп. *колд, колдэ, колтта, голды* 'большая река' (р. Колтымак – в бассейне р. Тоймы: *колты* + *мак* – топоним); селькуп. *няр, няры, нярре* 'заболоченный лес'; 'болотистое место' (р. Синяр – в бассейне нижнего течения р. Вятки; *си* – гидроформант, ср. Сия, Сияг, Сива, Сишур); селькуп. *йунггы* 'запор для ловли рыбы' (р. Юнга – в бассейне р. Чепцы); селькуп. *тек* 'быстрый' (р. Тек – в бассейне р. Чепцы); ненец. *яха* 'река' (р. Яга – в бассейне нижнего течения р. Вятки; р. Яга – в бассейне среднего течения р. Камы; р. Кордяга и Малая Кордяга – в бассейне р. Чепцы: корд < ненец. *хард* 'селение, поселение'); возможно, сюда же относится *Свияга* – пр. р. Волги; ненец. *сада* 'лужа' (3 реки в бассейне р. Чепцы носят это название); ненец. *саля* 'мыс; полуостров' (р. Саля – в бассейне р. Чепцы; в Игринском р-не есть деревни Саля, Ближняя Саля, Дальняя Саля) и др.

Интересный вопрос: когда, в какие эпохи возникли топонимы угорского и самодийского происхождения на территории Удмуртии? Вопрос не простой. Проблеме проникновения западносибирского населения в Восточную Европу посвящена обширная литература с самыми разными точками зрения. Я придерживаюсь мнения ученых, считающих, что западносибирское проникновение, по существу не прекращавшееся с момента разделения уральской общности, влилось окончательно в широкий процесс великого переселения народов в I тыс. н.э. Угорские и самодийские миграционные волны в Приуралье и Волго-Камскую область на протяжении многих столетий постоянно питали и поддерживали финно-угорскую основу этнокультурной характеристики Волго-Уральского населения [58].

Проникновение небольших групп нижеобско-зауральского населения в бассейн р. Чепцы, на территорию Северной Удмуртии, прослежено на археологическом материале второй половины I тыс. н.э. [59].

Интересна и дальнейшая судьба угорского и самодийского населения, проникшего на территорию Удмуртии. Как она сложилась? Конечно же, часть ассимилировалась в среде древнеудмуртского населения, жившего в бассейнах рек Чепцы, Кильмези (ср. воршудно-родовые группы Эгра, Можга, Пурга), часть населения ушла в другие регионы или же вернулась к своим сородичам. Так, А.Ф. Теплоухов со ссылкой на Усть-Вымскую летопись приводит данные о том, что в середине XV в. около Усть-Выми на Вычегде (территория совр. Коми Республики) жили «вогуличи-вятчане», «вятские вогуличи», «пришедшие от Вятки вогуличи» [60].

В эпоху же великого переселения народов, в середине I тыс. н.э., на территорию жительства древнеудмуртских родоплеменных групп могли, помимо

тюрков, проникнуть части кочевых орд аланского, мадьярского союза племен, и от них в Камско-Вятском междуречье могли остаться географические названия с апеллятивом *тан* ~ *дан* 'река' – в осетинском и других индоиранских языках, ср. Мултан, Лыштан, Матан, Сардан, Гыбдан, Танып и др.; *вар* – в венгерском 'крепость; замо́к', возможно, и 'городище; укрепленное поселение'; ср. топонимы Удмуртии с этим апеллятивом: Варзи, Варни, Варади (Варали), Варага, Варавай, Сивар, Кивар и др. Все перечисленные названия не расшифровываются с помощью удмуртского и других языков Волго-Уральского региона.

Так много ценной информации содержится в географических названиях всех регионов и всех народов.

* * *

Энотерритория праудмуртов по данным палеоботаники и зоогеографии

В решении проблемы прародины народов существуют два пути: 1) путь лингвистических методов исследования; 2) путь методов археологических (археолого-антропологических, исторических и этнографических) [61].

Удмурты и их предки по финно-угорскому языковому родству являются исконными жителями лесной зоны. Весь многовековой их уклад, религиозные верования, мифология, древний и современный фольклор связаны у них с лесом, рекой/водой. Удмуртские названия таких деревьев, как *ель*, *пихта*, *осина*, *черемуха*, восходят к уральскому праязыковому периоду; *сосна*, *береза*, *липа*, *дуб*, *вяз*, *жисмолость*, *ива*, *рябина*, *калина*, *орешник* – к финно-угорскому; *осокорь* – к пермскому. Названия *ольха*, *ветла*, *смородина*, *малина* встречаются в пермских и в одном или в обоих волжско-финских (марийском, мордовском) языках.

Судя по таким названиям, как *дуб* (удм. *тыты*), *липа* (*нинпу*), *орешник* (*паишту*), прародина древнеудмуртских родоплеменных групп находилась несколько южнее верховий Камы и Вятки. Южная граница места их жительства, скорее всего, проходила по стыку тайги и широколиственных лесов, где росли дуб и орешник. По данным палеоботаников, *дуб* произрастал в южном Предуралье, но совершенно отсутствовал к востоку от водораздельной линии Уральского хребта [62]. По этой причине Зауралье исключается из числа предполагаемых районов формирования пермских народов. Северная граница произрастания *дуба* в настоящее время проходит по линии Екатеринбург – Ижевск (чуть севернее) – Киров – Вологда – С.-Петербург.

Одним из важных аргументов в пользу прародины удмуртов в Волго-Камье говорит название пчелы: удм. *муш*, к.-п. *мош*, мар. *мўкиш*, морд. *мекш*, ф. *mehi-läinen*, венг. *méh* < доиндоиранское **mekš* [63]. Как известно, до недавнего времени медоносная пчела не была известна к востоку от Уральского хребта – во всей Сибири, в Средней Азии, Казахстане, Центральной Азии, Монголии пчелы не водились (в Сибирь, например, их переселили только в XVIII в.). С древнейших времен пчелы водятся к западу от Урала, в восточ-

ной части Европы, к югу от северной границы распространения дуба, – 57–58° северной широты [64].

Анализ лингвистических данных геоботаники и зоогеографии – лингвистической палеонтологии удмуртского языка, восходящей к общепермской, финно-угорской или уральской праязыковой эпохе, позволяет утверждать, что носители этого языка являются исконными жителями лесной зоны Восточной Европы. В районах, где жили праудмуртские племена, в географическом ландшафте преобладали холмы, возвышенности, поросшие лесом (ср. удм. *выр* 'холм, возвышенность' ~ коми *вӧр* 'лес'); вдоль рек (*шур*), озер (*ты*), на сырых, болотистых местах (*нюр*, *куд*) росли ива (*бадьпу*), ветла (*уйпу*), ольха (*лулпу*), черемуха (*льӧмпу*), калина (*шупу*), смородина (*сутэру*), жимолость (*ыжноны* ~ к. диал. *ыжнёнь* 'тж'), брусника (*ягмульы*), клюква (*нюрмульы*), черника (*кудымульы*); на лесных полянах (*куш*), на вырубках и подсеках (*сайкос*, *вӧлы*, *тыло*) росли малина (*эмезь*), земляника (*узы*), костяника (*намер*), на солнечной стороне пригорков – клубника (*боры*) и др.

Для фауны местности, где жили праудмурты, а еще шире – финно-пермские народы, были характерны такие звери и птицы, как бобр (*мый*), куница (*сёр*), соболь (*нӱзь*), горноста́й (*чӧжмер*), олень (*пужей*), бурундук (*урдо*), медведь (*гондыр*), норка (*сян*, *чан*, *чайы*), выдра (*вад*), выхухоль (*вучайы*), белка (*коньы*), волк (*кион*), тетерев (*тур*), журавль (*тури*), ронжа (*я́сакы*), рябчик (*сяла*), глухарь (*дукъя*), клест (*кайсы*) и другие, водящиеся в таежных лесах и реках.

У удмуртов существовала богатая терминология для обозначения разновидностей леса в зависимости от растущих в нем пород деревьев и кустарников, по месту их произрастания (ср. *нюлэс*, *тэль*, *сик*, *сурд*, *яг*, *тыло*, *варсэм*, *печкэзь* и др.). В то же время для обозначения растительного и животного мира более южных и северных широт в удмуртском языке нет собственных названий – они заимствованы из русского или из тюркских языков [65].

* * *

Таким образом, языковой материал – заимствованный пласт лексики и морфологии, указывающий на этнолингвистические связи предков удмуртов с носителями индоиранских, тюркских, угорского (мадьярского), марийского языков, – а также анализ топонимической системы Волго-Уральского региона, особенно этнотопонимии, связанной с экзоэтнонимами удмуртов, данные зоо- и геоботанической терминологии (лингвистическая палеонтология) дают возможность определить границы территории, где шло формирование воршудно-родовых, племенных групп, вошедших в состав удмуртского народа. Без сомнения можно сказать, что бассейны рек Вятки, среднего и нижнего течения Белой и Камы, а также лево- и правобережные притоки среднего течения Волги были местом жительства древнеудмуртских родоплеменных групп.

Границы этнической территории праудмуртов проходили по южной половине ананьинской историко-культурной (археологической) общности, где росли дуб, орешник, липа, где водились дикие медоносные пчелы. В результате

распада ананьинской, общепермской этноязыковой общности в III в. до н.э. на две группы (на пьяноборский и гляденовский союзы племен) начали складываться самостоятельные праудмуртский и пракоми языки. На основе языка носителей диалектной речи создателей пьяноборской этнокультурной общности (III в. до н.э. – V в. н.э.) сложились древнеудмуртские племенные языки: *ватка* и *калмез* групп. Мнение о том, что общепермский язык-основа распался лишь в VIII–IX вв. н.э. после появления булгар в Волго-Камье, явно устарело, оно никак не стыкуется с огромным археологическим материалом.

Подобно другим финно-угорским народам, до недавнего времени удмурты делились на две эндогамные, дуальные группы: *ватка* и *калмез*. Издревле, по крайней мере с ананьинско-пьяноборского времени – точно, воршудно-родовые группы племенного объединения *ватка* жили в Вятско-Ветлужско-Поволжском регионе, по Каме от г. Елабуги до г. Тетюш на правом берегу р. Волги, а воршудно-родовые группы, входящие в состав племенного объединения *калмез*, занимали территории нижнего и среднего течения р. Белой – центральные и северо-западные районы Башкирии и прилегающие к ним районы северо-восточной части Татарии, юго-западные районы Пермского края, юго-восточные районы Удмуртии, – по Каме, от г. Осы до г. Елабуги.

На основе пьяноборско-азелинской (худяковской) (III в. до н.э. – V в. н.э.) и последующих за ней еманаевской (V в. н.э. – IX в. н.э.), кочергинской (IX–XI в. н.э.) археологических культур шло формирование диалектной речи удмуртов-ватка, как нижнечепецкого, так и нижне- и верхневятского диалектов современного североудмуртского наречия; верхневятский диалект к концу XVII века исчез: его носители отчасти обрусели, отчасти растворились в среде нижнечепецких удмуртов.

На основе пьяноборско-караабызской (IV в. до н.э. – III в. н.э.), пьяноборско-чегандинской (III в. до н.э. – V в. н.э.), пьяноборско-осинской (среднекамской) (III в. до н.э. – V в. н.э.) и последующих за ними мазунинской (III–V вв. н.э.), бахмутинской (V–VIII вв. н.э.), верхнеутчанской (VI–IX вв. н.э.), чумойтлинской (X–XIV вв. н.э.) археологических культур шло формирование диалектной речи удмуртов-калмез. С началом великого переселения народов калмезы получили самый сильный удар со стороны пришлых кочевых орд Сибири, Казахстана, Приуралья. Под их непрерывным напором значительная часть калмезов вынуждена была отступить на территорию современной Удмуртии, а многие ушли на запад – на Вятку, в Поволжье. При этом они разорвали на две половины единую территорию ватки: на северную (нижнечепецко-слободская) и южную (нижневятско-шошминская-арская) группы. Остававшиеся в бассейне р. Белой калмезы – носители бахмутинской культуры – к VIII в. н.э. окончательно растворились в среде тюркско-угорских предков современных башкир. Их племенное название сохранилось в этнонимии северо-западных башкир и в топонимии Камско-Бельского региона в форме *Калмаи*.

Носители пьяноборско-осинской группы калмезов к V в. н.э. оставили свою территорию: с левобережья Камы и ее притока Тулвы они перебрались на правобережье – территорию современных Воткинского, Шарканского, Завьяловского и Дебесского районов, дошли до верхнего течения р. Чепцы. Создателями богатой полумской (V–IX вв. н.э.) и чепецкой (IX–XIII вв. н.э.) археологических культур были осинцы-калмезы.

С приходом именьковцев (? славяне-готы-балты) в IV в., болгар в VII–VIII в. и татаро-монгол XIII в. в Волго-Камский регион, удмурты-ватка с нижнекамско-поволжского региона начинают отступать на среднее и верхнее течение Вятки и на Чепцу, к своим соплеменникам. На Чепце произошло столкновение ватки и калмезов; на Кильмези – калмезов с марийцами, на Вятке – удмуртов-ватка – с русскими. Об этом говорят удмуртские, марийские, русские легенды и предания. Со временем мощная волна удмуртов-ватка, отступающая с Вятско-Ветлужского междуречья на Чепцу под напором марийской и русской колонизации, поглотила калмезов среднего и верхнего течения Чепцы. Со временем создатели полумской и чепецкой культур стали носителями североудмуртского наречия.

Калмезы современных центральных районов и южные удмурты – родственны: материальная и духовная культура, отчасти – язык и воршудно-родовая система у них едины.

Деление диалектной речи удмуртского языка на две группы: *ватка* (северные удмурты) и *калмез* (центральные и южные удмурты) восходит к пьяноборской и еще более отдаленным эпохам, когда существовала еще дуальная, общеплеменная организация с единой территорией жительства: *ватка* – в Вятско-Поволжско-Ветлужском регионе, *калмезы* – в Бельско-Средне- и Нижнекамском регионе. Этническая история бесермян до конца не выяснена, но, без сомнения, их древнейшие корни связаны с южными удмуртами, по крайней мере, языковые и отдельные исторические и этнографические материалы свидетельствуют об этом.

Такова в лингвистическом плане краткая этническая история древнейшего финно-угорского народа Восточной Европы – удмуртов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Происхождение казанских татар. – Казань, 1948; Этногенез мордовского народа: Материалы научной сессии (8–10 декабря 1964 г.). – Саранск, 1965; Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии (23–25 декабря 1965 г.) – Йошкар-Ола, 1967; Археология и этнография Башкирии: Материалы научной сессии по этногенезу башкир (май 1969 г.). – Уфа, 1971; Проблемы этногенеза народа коми: Труды Института языка, литературы и истории, вып. 36 – Сыктывкар, 1985; Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971; Этногенез народов Севера. – М., 1980; *Лашук, Л.П.* Формирование народности коми. – М., 1972; *Кузеев, Р.Г.* Происхождение башкирского народа. – М., 1974; *Мокишин, Н.Ф.* Этническая история мордвы (XIX–XX века). – Саранск, 1977; *Козлова, К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. – Йошкар-Ола, 1978 и др.

2. Токарев, С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. – М., 1949. – № 3. – С. 12–36.
3. Там же. С. 36.
4. Там же. С. 22; 35.
5. Там же. С. 22; 36
6. Барта, А. Уральские народы и цивилизации Средней Азии II тыс. до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С. 138; Генинг, В.Ф. Этнический процесс в древности. – Свердловск, 1970. – С. 23–25, 30–37; Савельева, Э.А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985. – С. 4; Алексеев, В.П. Этногенез. – М., 1986. – С. 33–34; Козлова, К.И. Очерки этнической истории... – С. 9 и др.
7. Барта, А. Уральские народы... С. 138.
8. Козлова, К.И. Очерки этнической истории... С. 9.
9. Абаев, В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – С. 9.
10. Хайду, П. Уральские языки и народы. – М., 1985. – С. 16–17.
11. Финно-угорские народы России. – Сыктывкар, 2005. – С. 14.
12. Курбский, А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. – СПб., 1914. – Т. 31. – С. 205–206.
13. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П.Н. Луппов. – Ижевск, 1958. – С. 353–354.
14. Атаманов, М.Г. Удмурт кыл удысысь нырысетй синпельмет // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. – Ижевск, 1999. – С. 78–86.
15. Напольских, В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. – Ижевск, 2001. – С. 178.
16. Первая научная грамматика удмуртского языка / Введение и примечания В.И. Алатырева. – Ижевск, 1975.
17. Атаманов, М.Г. Роль Православной церкви в формировании удмуртской печати // Журналистика Удмуртии: история и современность. – Ижевск, 2006. – С. 13–14.
18. Там же. С. 14–15.
19. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 38.
20. Там же. С. 44–45.
21. Абаев, В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. – М.: Изд. МГУ. – 1972. – С. 27–28.
22. Там же. С. 27–28.
23. Лыткин, В.И. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Известия АН СССР (отделение литературы и языка). – М.-Л., 1951. – Т. X. – Вып. 4. – С. 385–392; Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М.: Наука, 1976. – С. 217–218; Joki, A. Uralier und Indogermanen. – Helsinki, 1973 и др.
24. Атаманов, М.Г. Общепермская лексика ананьинского времени, связанная с производящим хозяйством // Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации. – Ижевск, 2010. – С. 227–244.
25. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. – Ижевск, 1982. – С. 3–4.
26. Основы... 1976. – С. 218.
27. Абаев, В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949; его же: Скифо-европейские изоглоссы. – М., 1965; Атаманов, М.Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск, 2010.

28. *Атаманов, М.Г.* Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. – С. 113–115; *его же*: Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – С. 7.
29. *Голдина, Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – С. 260.
30. *Атаманов, М.Г.* Происхождение удмуртского народа. – Ижевск, 2010.
31. *Халиков, А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С. 43–44.
32. *Смирнов, А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М.-Л., 1952. – С. 20.
33. *Тараканов, И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке. – Ижевск, 1982. – С. 16–21.
34. *Смирнов, А.П.* Очерки... С. 22–27.
35. *Ашмарин, Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. – Казань, 1898. – С. 18–19; *Федотов, М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. *Paasonen, H.* Votják török szoegyetzetezek // NyK, XXXVII. – Budapest, 1901. – С. 257–270; *Wichmann, Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFOu, XXI. – Helsingfors, 1903; *Redei, K. – Rona-Tas, A.* A permi nyelvek öspermi kori bolgartörök jövevény-szavai // NyK 74/2. – Budapest, 1972 и др.
36. *Тараканов, И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке. – Ижевск, 1982. – С. 21–49; *его же*: Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь). – Ижевск, 1993. – С. 25.
37. *Худяков, М.Г.* Очерки истории Казанского ханства. – Казань, 1923. – С. 193; *Гришкина, М.В.* Удмурты: этюды из истории IX–XIX вв. – Ижевск, 1994; *Атаманов, М.Г.* По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – С. 202–206.
38. *Тараканов, И.В.* Заимствованная лексика... С. 51.
39. *Атаманов-Эграпи, М.Г.* Песни и сказы ушедших эпох – Эгра кырза. Эгра вера. – Ижевск, 2005. – С. 198–231.
40. ПСРЛ: Софийская вторая летопись. Т. 6. – СПб., 1853. – С. 239; Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1905. – Вып. 1. – С. 11; Хрестоматия по истории Удмуртии. – Ижевск, 1973. – С. 14.
41. *Даль, В.* Толковый словарь живаго великорусского языка. – СПб.-М., 1882. – Т. 4. – С. 594.
42. Там же. С. 384.
43. Там же. С. 695.
44. *Бондалетов, В.Д.* Русская ономастика. – М., 1983. – С. 83–113.
45. Документы по истории Удмуртии... С. 179–193.
46. *Напольских, В.В.* Удмуртские материалы... С. 92–98.
47. Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка // Первая научная грамматика удмуртского языка. – Ижевск, 1975.
48. *Тараканов, И.В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 145–173; *его же*: Заимствованная лексика... С. 78–86.
49. *Тепляшина, Т.И.* Тыловый диалект удмуртского языка // АКД. – М., 1955.
50. *Тараканов, И.В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта: Дис... канд. филол. наук. – Тарту, 1958; *Кельмаков, В.К.* Кукморский диалект удмуртского языка: Дис... канд. филол. наук. – М., 1969; *Бушмакин, С.К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис... канд. филол. наук. – Москва-Ижевск, 1971; *Насибуллин, Р.Ш.* Закамские говоры удмурт-

ского языка: Дис... канд. филол. наук. – М., 1972; *Загуляева, Б.Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: Дис... канд. филол. наук. – Тарту, 1980; *Карпова, Л.Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997; *Люкина, М.М.* Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян: Дис... канд. филол. наук. – Ижевск, 2008 и др.

51. *Тепляшина, Т.И.* Язык бесермян. – М.: Наука, 1970.

52. *Кельмаков, В.К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия // Вопросы удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1977. – С. 26–61; *продолжение см. в сб.: О диалектах и говорах южноудмуртского наречия.* – Ижевск, 1978. – С. 65–85; *Атаманов, М.Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1981. – С. 45–96. *его же:* Говор деревни Старая Игра (Вуж Эгра): фонетические, морфологические, лексические особенности // Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза. Эгра вера. – Ижевск, 2005. – С. 166–231.

53. *Кельмаков, В.К.* К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. – С. 26–51.

54. *Атаманов, М.Г.* Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13. 08. 2000, Tartu. Pars IV. Dissertationis: Linguistica I. – Tartu, 2001. – С. 97–106; *его же:* От Дондыкара до Урсыгурта... С. 192–205.

55. *Тепляшина, Т.И.* Язык бесермян. С. 242; *Кельмаков, В.К.* Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конф. – Устинов, 1987. – С. 114–115; *Карпова, Л.Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997.

56. *Никонов, В.А.* Введение в топонимику. – М., 1965. – С. 11.

57. *Атаманов, М.Г.* Удмуртская ономастика... С. 47–101; *его же:* Удмурт нимбугор... С. 21–389; *его же:* По следам удмуртских воршудов... С. 9–206; *его же:* Песни и сказы... С. 143–165; *его же:* История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997; *его же:* Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад. – Йошкар-Ола, 1996; *его же:* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск, 2005; *его же:* Об угорских названиях в удмуртской топонимии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 133–141; *его же:* Удмуртские топонимы бассейна Вятки // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1983. – № 2. – С. 115–125; *его же:* Еще раз об Арской проблеме в истории удмуртского народа // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008. – С. 185–195 и др.

58. *Кузеев, Р.Г., Гарипов, Т.М., Иванов, В.А., Моисеева, Н.Н.* Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982. – С. 5–6.

59. *Генинг, В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – С. 271–278; *Семенов, В.А.* Этнокультурные компоненты полемской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1989. – С. 20–33.

60. *Теплоухов, А.Ф.* О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1960. – Вып. III. – С. 270–277.

61. Основы финно-угорского языкознания... С. 80.

62. Горчаковский, П.Л. История развития растительности Урала. Изд. 2-е. – Свердловск, 1953. – С. 127.

63. Краткий этимологический словарь коми языка... С. 169.

64. Хайду, П. Уральские языки и народы... С. 146.

65. Атаманов, М.Г. Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. – С. 68–75; *его же*: К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992. – С. 3–17; *его же*: История Удмуртии... С. 9–16 и др.

Поступила в редакцию 20.08.2010

M.G. Atamanov

Ethnogeny of the Udmurts: the role of linguistics in solving ethnogenetic problems

Analyzing adopted vocabulary, dialect differences of the Udmurt language, toponymical layers of Volga-Kama region, linguistic paleontology data of the Udmurt language, the author of the article has come to the conclusion that the native speakers of the Udmurt language are the native inhabitants of the forest zone of Volga-Ural region.

Key words: the Udmurts, ethnogeny, linguistics, vatka, kalmez, besermyans, ethnography, ananiino, piyanoborie.

Атаманов Михаил Гаврилович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

П. Пяль

**О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МЕЖДУ
УДМУРТСКИМИ И ЭСТОНСКИМИ ТОПОНИМАМИ**

В статье представлены варианты сопоставления удмуртских и эстонских топонимов на структурном и семантическом уровнях, что позволило выявить этимологию некоторых эстонских топонимов, входящих в словарь географических названий Эстонии, над составлением которого работают сотрудники Института эстонского языка.

Ключевые слова: удмуртские и эстонские топонимы, простые и сложные топонимы, посложные компоненты в топонимах, словарь географических названий Эстонии.

Когда в 1983 г. я студентом побывал в экспедиции в северной Удмуртии вместе со студентами удмуртской филологии, мы попали в д. Васильево Глазовского района, удмуртское название которой – *Кионбыж*. В эстонском переводе это – *Hundisaba*, что вполне может иметь место где-то в Эстонии. Тогда я впервые задумался над тем, что, может быть, между удмуртскими и эстонскими топонимами есть больше сходств, чем это принято думать.

Теперь есть повод над этим поразмышлять. Больше того, так как сейчас мы в Эстонии приступили к составлению словаря эстонских топонимов, можно этот вопрос поставить так: поможет ли знакомство с удмуртскими топонимами объяснить какую-нибудь этимологию эстонского топонима?

Во-первых, разрешите коротко познакомить с проектом словаря. Планируется издание однотомного словаря географических названий Эстонии, который предназначен для широкого круга потребителей. Прежде всего, словарь намечается как свод состояния исследований по топонимике. Надо сказать, что пока таких обобщающих работ у нас почти нет. Номинально есть исследование Лаури Кеттунена (Kettunen 1955), которое охватывает всю Эстонию. Кроме того, есть региональные труды, которые были созданы в качестве предварительной работы для составления общего Словаря. Особенно первый из них – монография Валдека Палля о топонимах северной части Тартумаа (Pall 1969, 1977) – приводит много параллелей с другими частями Эстонии и в этом смысле частично заполняет пробел. Дополнительно есть исследования Марьи Калласмаа об острове Сааремаа (Kallasmaa 1996, 2000) и толь-

ко что вышедшая монография о топонимах острова Хийумаа (Kallasmaa 2010). Но многие части Эстонии мало изучены, а некоторые совсем не изучены. Чтобы выявить состояние изученности и дать всем интересующимся происхождением топонимов Эстонии хотя бы самые элементарные сведения, был и придуман настоящий словарь. В качестве примера нам служил словарь топонимов Финляндии, изданный в 2007 г. Такие же словари изданы в Швеции (2003) и в других северных странах. В наших соседних балтийских странах издаются многотомные академические словари.

В составлении словаря сотрудничают Институт эстонского языка, имеющий давний опыт исследований по ономастике, и Институт Выру, при котором уже в течение нескольких лет продолжается региональное изучение топонимов Вырумаа, то есть юго-восточной части Эстонии. В круг рабочей группы входят ономасты из университетов, а также историки и географы. Нам содействуют и Эстонский литературный музей, и Национальный архив.

Словарь продуман как универсальный. Кроме этимологий, он будет содержать и практическую информацию, например данные о произношении названий (обозначается просодическая долгота и палатализация) и об употреблении местных падежей. Дается местное произношение названия, если оно отличается от литературного, и другие варианты названия, в том числе и исторические формы на других языках (немецком, русском, шведском). Указывается нынешняя административная принадлежность места, а также учитывается исторический подход, традиционно используемый в лингвистических и этнографических исследованиях Эстонии. При так называемых «неофициальных» населенных пунктах указывается, к каким населенным пунктам они присоединены. Словарь предусматривает иллюстративный материал; в сотрудничестве с литературным музеем к отдельным статьям даются и народные предания о местностях, часто содержащие народные этимологии названий.

Словарь охватывает все официальные населенные пункты Эстонии, ограниченное число других населенных мест, наиболее важные объекты природы (реки, озера, горы, острова, болота и др.), с общей численностью около 6000 названий. Проект, начатый в 2009 г., планируется завершить к 2013 г.

Разумеется, при составлении этимологий учитываются аналогичные названия в других прибалтийско-финских языках, особенно в финском, который в этом плане хорошо изучен. Что касается других родственных языков, то до сих пор самые далекие параллели приводились из мордовских языков. Напр., этимологию названий, оканчивающихся на *-vere*, объясняют апеллятивом, который существует в мордовских языках: *vip* 'лес'. Название *Pandivere* объясняется морд. апеллятивом *пандо* 'гора'. Самый опытный ономаст Валдек Палль также обратил внимание на структурные параллели между эстонскими (пр.-финскими) и мордовскими названиями, прежде всего – избытие сложных названий в обоих (Pall 1997: 74–75).

Возвращаемся к сопоставлению эстонских и удмуртских топонимов. Данные по удмуртским топонимам почерпнуты из работ М.Г. Атаманова (1988, 1997), Л.Е. Кирилловой (2002), «Удмуртско-русского словаря» (1983), а также из других источников.

Сопоставить топонимы разных языков можно в двух планах: в структурном и семантическом. Прежде всего, в структурном плане можно отметить, что эстонские топонимы подразделяются на две группы: простые (в том числе

эллиптические названия, производные названия и названия-термины) и сложные (в том числе первичные, вторичные и собственно-сложные). В названиях населенных мест много эллиптических названий, в которых родовой термин (*linn* 'город', *küla* 'деревня', *alevik* 'поселок' и др.) обычно отсутствует, например *Hageri, Rapla, Viljandi, Võru*. Как правило, корень названия в этом случае всегда в форме родительного падежа, то есть оканчивается на гласный звук. Среди эстонских топонимов также много производных названий, которые содержат суффиксы, например *-la* (*Kodila, Põlula, Vigala*), *-vere* (*Kostivere, Rakvere, Tõravere*), *-ste* (*Hammaste, Sangaste, Urvasste*). Названия-термины обычно обозначают мелкие природные объекты, например *Roogastik* (сенокос), *Seekem* (лес). Большинство эстонских топонимов являются сложными словами, среди которых первичные названия такие, где первый компонент является атрибутивом, второй – детерминантом или родовым термином (*Emajõgi / jõgi* – река/, *Mustjärv / järv* – озеро/, *Munamägi / mägi* – гора/). Вторичными сложными топонимами считаются те, в которых второй компонент – это «бывший» (утративший свое изначальное значение) детерминант, новый детерминант добавляется факультативно третьим компонентом, например *Alajõe* (деревня), *Kakumetsa* (деревня), *Kiigemäe* (хутор), *Ussinõmme* (хутор). Собственно-сложными являются названия, в которых оба компонента – аппеллятивы, например *Puhtaleiva* (деревня).

Удмуртские топонимы тоже разделяются на две большие группы: простые и сложные (Атаманов 1988: 73). Большую часть простых топонимов составляют нарицательные или собственные имена существительные, реже – прилагательные и др. части речи, например д. *Варсэм* ('чащоба, чаща'), г. *Можга* (Можга – воршудно-родовое имя), р. *Льём* ('черемуховый'), д. *Тыло* ('подлесок, роща'). Сложные топонимы состоят из основного компонента – детерминанта и его атрибута, напр., д. *Чебершур* ('красивая река'), лог *Кёсюк* ('сухой лог'), р. *Изошур* ('каменистая река'), д. *Вылынгурт* ('верхняя деревня').

Как отмечает М. Атаманов (1988: 74), словосложение является характерным для финно-угорских языков явлением. Поэтому и эстонские, и удмуртские топонимы имеют много параллелей именно в изобилии сложных названий, которые зачастую можно перевести: *Выльгурт* – *Uusküla*, *Изгурт* – *Kiviküla*, *Изошур* – *Kivijõgi*, *Бадзьмгурт* – *Suurküla*.

Среди удмуртских топонимов иногда выделяются и составные названия, состоящие из нескольких компонентов, например Варзи-Шудья, Яган-Докья, Сям-Можга. В эстонской классификации такие топонимы причисляются к сложным топонимам.

Что касается производных топонимов, здесь кажется, в удмуртском языке таких относительно мало. Л. Кириллова (2002: 399, 400) выделяет микротопонимы, образованные суффиксами *-ни* и *-тй*, напр. *Куяськонтй*, *Валпылатонтй*, *Пёсьтонни*, *Педорёушитайсконни*. М. Атаманов (1988: 73–81) отмечает суффикс *-о*, например гора *Беризё*, река *Пужмо*, родник *Кумиё*; кроме того выделяет топоформанты *-зи* (*Варзи*, *Сюрзи*, *Парзи*) ~ *-чи* (*Чупчи*, *Итчи*) ~ *-си* (*Сюмси*, *Пумси*), *-ма* или *-мо* (*Медьма*, *Пажма*, *Тушмо*), *-ман* (*Пажман*), *-мак* (*Колтымак*), *-иж* ~ *-ыж* (*Иж*, *Варыж*) и пр.

Тем не менее, кажется, что использование суффиксов в топонимах намного больше распространено в приб.-финских языках, чем в удмуртском.

Зато схожим является использование послелогов и послеложных слов, которые имеют явные параллели, ср. *Карйыл – Linnarää, Вукосьөр – Veskitaga, Ягул – Männialuse, Вукобер – Veskipära*. Компоненты *выл* и *pääl ~ peal ~ pealse*, *ул* и *ala ~ aluse*, *сьөр* и *taga ~ taguse* широко используются соответственно в удмуртских и эстонских топонимах.

Что касается семантических параллелей, то здесь выводы пока делать рано: многое зависит от этимологической изученности топонимов. Среди основных групп удмуртских топонимов выделяются отантропонимические названия; названия, образованные от воршудно-родовых имен, и отапеллятивные названия, главным образом – от объектов природы. Среди эстонских топонимов также есть отантропонимические названия, их образование происходит по той же модели, что и на удмуртском языке: ср. *Петьркирос – Peeterristi, Ивангурт – Jaaniküla, Иванюк – Jaaniorg*. То есть личное имя всегда является первым компонентом.

В эстонском нет явных параллелей удмуртским воршудно-родовым названиям, но в последнее время некоторые исследователи (Saar 1999) заметили существование среди южных эстонцев древних родовых названий, которые впоследствии стали названиями хуторов и – в видоизмененной форме – фамилиями. Например, в приходе Ряпина уезда Вырумаа от рода *Häide* возникли германизированные или русифицированные фамилии *Heidorf, Häidberg, Häidkind, Häidov*.

Среди отапеллятивных названий можно выделить следующие группы, имеющие параллели в обоих языках:

- а) названия птиц: *Амагурт – Kukeküla, Коҷогурт – Haraka(küla), Куакагурт – Varese(küla), Куреггурт – Kanaküla, Пислэг – Tihase, Їөжгурт – Pardiküla;*
- б) названия животных: *Гондыгурт – Karuküla, Кечгурт – Kitseküla, Куонгурт – Hundiküla, Куонбыж – Hundisaba, Комакгурт – Rotiküla, Коҷышгурт – Kassiküla, Пуныгурт – Koeraküla, Такашур – Lambajõe;*
- в) названия растений: *Беризьгурт – Pärnaküla, Кызошур – Kuusejõgi;*
- г) названия сооружений: *Вукогурт – Veski(küla), Мунчогурт – Saunaküla;*
- д) названия природных объектов: *Извыл – Kivipealse, Изгурт – Kiviküla, Каргурезь – Linnatäe, Мучошур – Mättajõe, Съöd Ошмес – Mustaallika, Турынгурт – Rohuküla;*
- е) прилагательные, характеризующие объект: *Бадзьмгурт – Suurküla, Вужгурт – Vanaküla, Гордошур – Punajõgi, Көсшур – Kuivjõgi / Kuivajõe, Шоргурт – Keskküla;*
- ж) другие: *Вөегурт – Võiküla.*

Наиболее интересны из них первые две группы: названия птиц и животных. Прибалтийско-финские ономасты склонны видеть в таких названиях реликты древней антропонимической системы. Может также быть, что эти названия являются своего рода тотемными названиями.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что в структурном плане характерным для удмуртских и эстонских топонимов является изобилие сложных названий, а также употребление некоторых послеложных компонентов. В семантическом плане обращают на себя внимание топонимы, образованные от названий птиц и животных. Возможно, выявленные параллели не являются эксклюзивными для финно-угорских языков, но их осознание (и других) позволяет лучше анализировать типы топонимов и оценить их относительный возраст.

Отсутствие параллелей может указывать на относительно позднее возникновение таких топонимов. Например, одним из самых распространенных ойконимов в Эстонии является *Metsakiila* 'лесная деревня'. В Удмуртии есть лишь один – *Тэлэ-гурт*. Возможно, здесь влияют и природные обстоятельства, вряд ли в Удмуртии деревни различаются по той причине, что они находятся в лесу. Таким образом, сопоставление эстонских и удмуртских топонимов имеет определенный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов, М.Г.* Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988.
2. *Атаманов, М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997.
3. *Кириллова, Л.Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези. – Ижевск, 2002.
4. Удмурт-зуч словарь / Удмуртско-русский словарь. – Москва 1983.
5. *Kallasmaa, Marja.* Saaremaa kohanimed I. Eesti Keele Instituut, Tallinn, 1996.
6. *Kallasmaa, Marja.* Saaremaa kohanimed II. Eesti Keele Instituut, Tallinn, 2000.
7. *Kallasmaa, Marja.* Hiiumaa kohanimed. Eesti Keele Sihtasutus, Tallinn, 2010.
8. *Kettunen, Lauri.* Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Suomalaisen Tiedeakademian Toimituksia. Sarja B, nide 90, 1. Helsinki, 1955.
9. *Pall, Valdek.* Põhja-Tartumaa kohanimed. I. Toimetanud M. Norvik. Valgus, Tallinn, 1969.
10. *Pall, Valdek.* Põhja-Tartumaa kohanimed. II. Toimetanud Madis Norvik. Valgus, Tallinn, 1977.
11. *Pall, Valdek.* L'em't'n'e. Eesti Keele Sihtasutus, Tallinn, 1997.
12. *Saar, Evar.* Inemisenimmi ja kotussõnimmi läbikasumisest Räpinä kihlkunnan. – Õdagumeresoomõ veeremaaq / Läänemeresoomõ perifeeriad. Võro Instituudi toimõitiseq 6. Võro, 1999, 80–92.
13. *Suomalainen paikannimikirja.* Karttakeskus, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki, 2007.

Поступила в редакцию 16.09.2010

P. Pjall

About some parallels between Udmurt and Estonian toponyms

Comparison variants of Udmurt and Estonian toponyms on the structural and semantic levels are given in the article. It allowed to discover the etymology of some Estonian toponyms which are in the dictionary of geographic names of Estonia made by the workers of the institute of the Estonian language.

Key words: Udmurt and Estonian toponyms, simple and difficult toponyms, postpositional components in toponyms, dictionary of geographic names of Estonia.

Пяль Пеэтер (Päll Peeter),

доктор философских наук, заведующий отделом культуры речи,
Институт эстонского языка; доцент Тартуского университета;

Эстония, г. Тарту

E-mail: peeter.pall@eki.ee.

УДК 81'373.21(=511.131)

Л.Е. Кириллова

М.Г. АТАМАНОВ

И УДМУРТСКАЯ ТОПОНИМИКА

В статье рассматривается вклад известного удмуртского ученого М.Г. Атаманова в историю изучения удмуртской топонимики, подробно описываются его научные труды, в которых на основе комплексного использования материала смежных наук исследуются вопросы отражения воршудных имен в топонимии и микротопонимии и этногенеза удмуртов, анализируются ойконимы, гидронимы и названия других географических объектов, отдельные апеллятивы и топоформанты, выявляются исторические пласты в топонимии Удмуртии и за ее пределами.

Ключевые слова: удмуртский язык, ономастика, этнонимы, топонимы, микротопонимы, апеллятивы, воршудные имена в топонимии, антропонимы, исторические пласты удмуртской топонимии, прародина удмуртов.

Вопросы культуры и истории удмуртского народа привлекали активное внимание М.Г. Атаманова еще в юности, а еще большее внимание – в годы его учебы в Удмуртском государственном университете, на филфаке. Фольклорная и диалектологическая экспедиции под руководством Д.А. Яшина и В.К. Кельмакова открыли перед ним новые горизонты. Неизгладимый след в душе любознательного студента оставили многократные этнографические экспедиции в разные районы проживания удмуртов под руководством В.Е. Владыкина. Хотелось больше и больше знать о своем родном народе, и в библиотеке УдНИИ, как пишет сам М.Г. Атаманов [1, с. 83], он с упоением читал литературу по фольклору, этнографии, археологии и все, что касалось удмуртов.

Особый интерес к удмуртским собственным именам зародился в студенческие годы, особенно после спецкурса по удмуртской ономастике, прочитанного В.К. Кельмаковым. М.Г. Атаманов и сам уже начал пробовать исследовательское перо: активно участвовал в работе факультетских научных кружков, выступал с научными докладами на конференциях не только УдГУ, но и других вузов. Так, будучи второкурсником, он уже был направлен на научную студенческую

конференцию в Тартуский университет. И тогда же известный академик Пауль Аристэ заметил будущего исследователя, подающего большие надежды. После 3 курса М. Атаманов, наряду с маститыми учеными, участвовал во Всесоюзной научной конференции по ономастике Поволжья (Саранск, 1973), где выступил с анализом ойконимов Граховского района [2]. Когда М.Г. Атаманов заканчивал УдГУ, две его работы по ономастике и две статьи по этнографии были рекомендованы к печати в разные научные сборники [3]. Сейчас уже не редкость, когда по окончании вуза студенты уже имеют определенный научный задел (в частности, статьи в отечественных и зарубежных изданиях), но в то время, когда М.Г. Атаманов был студентом, такое встречалось редко.

После УдГУ он по направлению УдНИИ едет в аспирантуру Тартуского университета, где под руководством Пауля Аристэ подготовил и в 1978 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию «Этнонимы удмуртов в топонимии» [4]. Молодой ученый возвращается в сектор языка НИИ при СМ УАССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН; далее сокр. Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН) и начинает работать старшим научным сотрудником. В то время институт стал одним из ведущих центров исследования удмуртской ономастики, была образована отдельная проблемно-тематическая группа по данному направлению. Важным шагом в развитии удмуртской топонимики стал выход научных сборников, в подготовке которых непосредственное участие принимал М.Г. Атаманов: «Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии» (1980), «Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики» (1983), «Проблемы этногенеза удмуртов» (1987) и «Вопросы финно-угорской ономастики» (1989).

За время работы в институте им собран в разных районах Удмуртии и за ее пределами огромный объем полевого материала, подготовлены и опубликованы монография «Удмуртская ономастика» [5] и подготовлен «Словарь личных имен удмуртов» («Удмурт нимбугор») [6], написано несколько десятков статей.

В работе «Удмуртская ономастика» (Ижевск, 1988) впервые комплексно рассматриваются различные системы собственных имен удмуртов (этнонимы, топонимы, антропонимы). Остановимся на рассмотрении топонимии. Здесь дано наиболее полное описание апеллятивов, используемых в удмуртских топонимах и микропонимах. Рассматривая их с точки зрения происхождения, М.Г. Атаманов выявляет в общей сложности: 1) 7 апеллятивов, входящих в прапермский топонимический пласт (*ва* 'вода', 'река'; *л'ук* ?'река'; *йул'* ?'лесная речка'; *лөн* ?'лесная чаща', 'валежник, бурелом' и т. д.); 2) 28 апеллятивов, относящихся к собственно удмуртскому пласту (*ардо* 'трясина, окно в болоте; полынья'; *армэс* 'родник с берега реки; зыбучее болото'; *ву* 'вода', 'река'; *выр* ~ *вырйыл* 'холм, возвышенность, бугорок'; *н'улэс* 'лес'; *йаг* 'бор, сосновый бор' и т. д.); 3) 26 апеллятивов различного происхождения, среди них: а) 2 иранских (*гурт* 'деревня'; *зарез'* 'море'); б) 10 тюркских *ана*, диал. *аңа* 'полоса пахотной земли'; *арама* 'роща вдоль берега реки'; *бакча* 'огород'; *бусы* 'поле'; *мунчо* 'баня'; *урам* 'улица'; *утор* 'двор; загон', 'хутор, выселок' и т. д.); в) 14 русских (*колодча* 'колодец'; *кутор* ~ *кутыр* 'хутор, выселок'; *прос'эк* 'просека, межа'; *поскотня* ~ *поскотина* 'поскотина (пастбище, вы-

гон для скота)»; *пруд*, диал. *пуруд* 'пруд'; *ул'ча* 'улица'; *яр* 'берег реки, яр' и т. д.). Автор подразделяет апеллятивы по степени их употребляемости и распространенности на следующие группы: 1) употребляющиеся в живой речи удмуртов большинства регионов и в литературном языке (*шур* 'река', бесерм. 'лог'; *гурт* 'деревня'; *гурезь* 'гора'; *ошмес* 'родник, ключ', бесерм. 'небольшая река, берущая начало из ключа'; *гон* 'яма; овраг, ложбина'; *нюк* 'лог, овраг'; *ты* 'озеро'; *шай* ~ *шайвыл* 'кладбище, могильник' и т. д.); 2) сохранившиеся в отдельных диалектах, но употребляющиеся в литературном языке (*вõльы* 'подсека в лесу; расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли; росчисть'; *вугал* 'ложбина', 'непропускающая воду почва'; *корсо* ~ *карсо* 'колодец, ключ, обнесенный опалубкой'; *сурд*, диал. *сүрд* 'березняк, березовая роща', диал. 'лес'; *тэль* 'заросли молодого хвойного леса, чащоба', диал. 'лес'; *ульча* 'улица', *урам* 'улица', *чум* 'клеть; амбар; шалаш, лесная (охотничья) избушка' и т. д.); 3) зафиксированные в памятниках письменности, в словарях или в топонимии, употребление в живой речи ограничено отдельными говорами (*ардо* 'трясина, окно в болоте; полынья'; *армес* 'родник с берега реки; зыбучее болото'; *бесмен* 'межа, граница (отделяющая земельные угодья двух населенных пунктов'; *гу́чин* 'селище (место древнего поселения)'; *калым* 'залив в реке; омут'; *лол* 'заболочивающееся озеро'; *пейкезь* 'мелколесье', *сюм* 'залив; затон; омут'; *тылыс* 'шалаш (из ветвей); курень' и т. д.); 4) сохранившиеся лишь в топонимии, в памятниках письменности не зафиксированы, не имеют параллелей в родственных языках, семантика затемнена (*четкер* ~ *черккер* ~ *чекер*; *колтома* ~ *колтыма*; *пуро*; *сям*; *тульк*; *сыга* и т. д.). Кроме того, ученый выявляет исторические пласты удмуртской топонимии, такие, как: прапермский, собственно удмуртский, русский, а также самодийские, угорские, марийские и тюркские элементы, встречающиеся в топонимии Удмуртии.

Большую ценность представляет заключающий монографию краткий историко-этимологический словарь географических названий Удмуртии, где в основном проанализированы названия населенных пунктов и рек, в меньшей степени встречаются микротопонимы (наименования дорог, логов, озер, полей, лесов, родников, возвышенностей, городищ и т. д.).

«Словарь личных имен удмуртов» («Удмурт нимбугор». Ижевск, 1990), содержащий около 6800 имен, также может быть широко использован при расшифровке ойконимов, поскольку названия многих населенных пунктов образованы от имен первопоселенцев. К сожалению, не весь объем материала, так тщательно и скрупулезно собранный и проанализированный исследователем, вошел в Словарь. Из-за ограничения объема издания оставшаяся часть материала автор вынужден был представить в качестве депонированной работы.

В январе 1990 г. М.Г. Атаманов перешел на службу в Русскую Православную церковь и принял сан священнослужителя. Но, успешно работая на новом поприще, он продолжает заниматься разработкой топонимических проблем. И в 1996 г. в Йошкар-Оле он защитил в качестве научного доклада диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов» [7].

Следует также отметить монографию «История Удмуртии в географических названиях» [8], где на основе комплексного использования богатого материала по лингвистике, истории, археологии, этнографии, географии и фольклористике разрабатываются сложные вопросы прародины удмуртов, рассматриваются исторические пласты удмуртской топонимии, выявляются удмуртские топонимы за пределами Удмуртской Республики. Большой интерес представляют легенды и предания, записанные как самим ученым, так и выявленные им из других источников. Они повествуют об истории заселения края, о происхождении поселений и образовании их наименований. Приводится краткий историко-этимологический словарь топонимов.

В монографии «По следам удмуртских воршудов» [9] М.Г. Атаманов довольно подробно исследовал воршудно-родовую организацию удмуртов – уникальное явление в финно-угорском мире. В более чем 1000 населенных пунктов Удмуртии и за ее пределами он выявил следы 70 родовых групп, ведущих свое начало от эпохи матриархата; описал их отражение в названиях городов, селений, улиц, древних городищ, селищ, могильников, а также рек, гор, полей, лесов, лугов и других географических объектов.

В изданной 2005 г. книге «Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера» [10], наряду с представленными в ней песнями, загадками, пословицами, преданиями, описанием языковых особенностей, диалектным словарем и образцами речи, списком антропонимов, извлеченных из Ландратской переписи 1710–1716 гг., патронимами и т. д., подробно описываются история родной деревни М.Г. Атаманова (д. Старая Игра Граховского района) и ее микротопонимия. Анализу подвергается в общей сложности 171 микротопоним. Автору удалось выявить очень любопытные микротопонимы, дошедшие до нас из глубины веков и представляющие большой интерес не только для местных жителей, например: *багыш/муш/пуктон* (*багыш* – личное имя (патроним) < тюрк. *Багыш*, *Багыш*, *муш/пуктон* 'пасека' – на этом месте стояла пасека семейства Багыш) [10, с. 148]; *балаган/гурээ'* (*балаган* < рус. *балаган*, *гурээ'* 'гора' – по преданиям, первопоселенцы д. Старая Игра здесь провели зиму, построив жильё типа балагана) [10, с. 149]; *казак/бусы* (*казак* < рус. *казак*, *бусы* 'поле', букв. 'Казачье поле' – казаки из войска Пугачева перед отправкой на Елабугу на лугу вдоль побережья р. Иссыпшур сделали привал и, посыпав на траву овес, кормили своих лошадей, так вытоптав луг, что он стал похож на поле) [10, с. 154]; *рудной* (*рудной* < рус. *рудный* – здесь, по преданиям, в конце XVIII в. добывали медную руду) [11, с. 161]; *чэскыт/ошмэс* (*чэскыт* 'сладкий, вкусный', *ошмэс* 'родник, ключ', букв. 'вкусный родник' – вода в этом роднике очень вкусная) [10, с. 162] и др.

В монографиях «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов» [11] и «Происхождение удмуртского народа» [12], описывая в историко-лингвистическом плане все регионы и отдельные районы проживания удмуртского народа, М.Г. Атаманов широко привлекает и топонимический материал. Во второй из названных работ на обширном этнографическом, лингвистическом, археологическом, антропологическом материале он обобщает свои размышления об этногенезе удмуртского народа, предпринятые в предыдущих монографиях и

многочисленных статьях, комплексно рассматривая все источники исследования этой сложнейшей проблемы.

В общей сложности ученым написано 7 монографий, 1 словарь, более 300 научных статей. И особое место в его научном творчестве занимают исследования по удмуртской ономастике, половина из них – по топонимике и микроэтнонимике. Многие его работы, как отмечает известный в финно-угорском мире лингвист, профессор УдГУ И.В. Тараканов, стали настольной книгой для удмуртов [13, с. 43]. Круг тем, разрабатываемых автором в статьях, широк и разнообразен. В них освещаются вопросы отражения воршудных имен в топонимии и микроэтнонимии и проблемы этногенеза удмуртов [14], анализируются названия отдельных населенных пунктов, их микроэтнонимия, названия культовых мест Удмуртии и гидронима *Кама* [15], отдельных апеллятивов и топоформантов [16], выявляются исторические пласты в топонимии Удмуртии и за ее пределами [17] и др. Ученым широко применяются новые методы исследования – метод лингвистической палеонтологии, картографический и др.

Кроме научных статей, М.Г. Атаманов создал и опубликовал книгу «Тангыра» [18], представляющую собой историко-мифологический эпос на родном языке, повествующий об истории удмуртского народа с древнейших времен. В ней умело и мастерски использован, в частности, ономастический материал: антропонимы, теонимы, мифонимы, этнонимы и микроэтнонимы. Исключительно большую роль в его эпосе играют обширно представленные удмуртские топонимы и микроэтнонимы, относящиеся не только к нынешней Удмуртии, но и к территории за ее пределами. Особенности использования собственных имен в эпосе «Тангыра» подробно описаны в работе самого автора [19, с. 57–64].

В судьбе М.Г. Атаманова неразрывно связаны академическая наука и миссионерская работа. Взаимно дополняя друг друга, они гармонично сочетаются в его биографии и творчестве. Являясь священнослужителем, он одновременно работает по совместительству в Институте истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете. Ученый стал знаковой фигурой не только в филологической науке, но и исторической. Об этом ярко свидетельствуют его многочисленные научные труды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атаманов, М.Г. «Кыле лёгем пытиёс...» // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. ун-т. Каф. удм. языка и методики его преподавания. – Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 81–88.

2. Атаманов, М.Г. Ойконимы Граховского района // Ономастика Поволжья 4 / Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В.А. Никонов, Н.Ф. Мокшин. – Саранск, 1976. – С. 221–224.

3. Архивная служба Удмуртии: Документальная выставка «Путь в Библию», посвященная 65-летию со дня рождения доктора филологических наук, референта Ижевского епархиального управления, протоиерея М.Г. Атаманова. Характеристика // <http://www.gasur.ru/events/exhibition/2010/05/images/05.jpg>

4. Атаманов, М.Г. Этнонимы удмуртов в топонимии: Дис... канд. филол. наук / Тартус. гос. ун-т. – Тарту, 1978. – 309 с.

5. Атаманов, М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.
6. Атаманов, М.Г. Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов / УИИЯЛ УрО АН СССР. – Ижевск, 1990. – 396 с.
7. Атаманов, М.Г. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание учен. ст. д. филол. н. / МарГУ. – Йошкар-Ола, 1996. – 57 с.
8. Атаманов, М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.
9. Атаманов, М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 216 с.
10. Атаманов, М.Г. Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск: 2005. – 248 с.
11. Атаманов, М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск, 2005. – 216 с.
12. Атаманов, М.Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.
13. Тараканов, И.В. М.Г. Атаманов-Эграпилы – 65 // Вордском кыл. – 2010. – № 9. – С. 42–43.
14. Атаманов, М.Г. Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 35–41; *Его же*. Отражение воршудно-родовых имен удмуртов в микротопонимии // СФУ. – 1977. – № 4. – С. 284–288; *Его же*. Этнонимы удмуртов в топонимии: Дис... канд. филол. наук / Тартус. гос. ун-т. – Тарту, 1978. – 309 с.; *Его же*. Отражение микроэтнонимов в топонимии // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 67–88; *Его же*. Размещение воршудно-родовых групп // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 89–117; *Его же*. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 81–127; *Его же*. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // XVII Всесоюзная финно-угорская конф.: Языкознание (Тезисы докладов). – Устинов, 1987. – С. 30–32; *Его же*. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов (Сборник статей) / НИИ при СМ УАССР; Отв. ред. М.Г. Атаманов. – Устинов, 1987. – С. 80–103; *Его же*. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: Межвуз. сб. науч. трудов / Удм. гос. ун-т; Отв. ред. В.А. Кананин. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 3–17; *Его же*. Следы племенного объединения удмуртов калмес в топонимии Волго-Камья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 381–385; *Его же*. Дор музейме, вордском калыке но солэн дуно нимьёсыз // Вордском кыл. – 2009. – № 8. – С. 37–46; *Его же*. Дор музейме, вордском калыке но солэн дуно нимьёсыз // Вордском кыл. – 2009. – № 9. – С. 40–44; *Его же*. Дор музейме, вордском калыке но солэн дуно нимьёсыз: Кытын мынам дор музейме? // Вордском кыл. – 2010. – № 10. – С. 45–48; *Его же*. Дор музейме, вордском калыке но солэн дуно нимьёсыз: *одо, ар, вотяк* кыльёслэсь пörмем инты нимьёс // Вордском кыл. – 2010. – № 11–12. – С. 44–48.
15. Атаманов, М.Г. Ойконимы Граховского района // Ономастика Поволжья 4 / Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В.А. Никонов, Н.Ф. Мокшин. – Саранск, 1976. – С. 221–224; *Его же*. Гуртлэн нимыз // Молот. – 1978. – № 2. – С. 47–48; Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ. – 1983. – № 2 (XIX). – С. 115–125; *Его же*. Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии // Материалы средневековых памятников Удмуртии / НИИ при СМ УАССР; Отв. ред. М.Г. Иванова. – Устинов, 1985. – С. 153–161;

Его же. Кам, Тодьы Кам, Ватка Кам // Молот. – 1988. – № 5. – С. 61–63; *Его же.* Еще раз о гидрониме Кама // Шестая конференция по ономастике Поволжья 26–28 сентября 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений / Волгоград. пед. ин-т; Ин-т этнографии АН СССР; Отв. ред. Джарылгасинова Р.Ш. – Волгоград, 1989. – С. 62–63; *Его же.* Из истории алнашских деревень // Алнаши – сердцу добрый свет – Шунды яркыт пиштэ Алнаш вадьсын. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – С. 27–32; *Его же.* Микропонимия д. Вуж Эгра // Вордскем кыл. – 2008. – № 3. – С. 46–48; № 4. – С. 32–35; № 6–7. – С. 43–45; *Его же.* Дор музьеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: Корка ~ улы-бече ~ иськавын-бöляк нимьёс (патронимьёс) // Вордскем кыл. – 2010. – № 7. – С. 40–43.

16. *Атаманов, М.Г.* Удмуртские топонимы на *-кар* // *Fenno-Ugristica: Труды по финно-угроведению.* – Тарту, 1986. – № 13. – С. 36–31; *Его же.* Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // *Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей.* – Ижевск, 1987. – С. 68–75; *Его же.* О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии // *СФУ.* – 1987. – № 2. – С. 112–116.

17. *Атаманов, М.Г.* Исторические пласты удмуртской антропонимии // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum: Turku 20–27. VIII. 1980.* – Turku, 1981. – Pars VII. – S. 3–8; *Его же.* Архаическая лексика в удмуртской топонимии // *СФУ.* – 1984. – № 3. – С. 178–183; *Его же.* Исторические пласты удмуртской топонимии // XVII Всесоюзная финно-угорская конф.: Языкознание: Тезисы докладов / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т; Отв. ред. Б.Ш. Загуляева. – Устинов, 1987. – Ч. 1. – С. 28–30; *Его же.* Об угорских названиях в удмуртской топонимии // *Проблемы изучения древней истории Удмуртии / НИИ при СМ УАССР; Отв. ред. Л.А. Наговицин.* – Устинов, 1987. – С. 133–141; *Его же.* Древний пласт удмуртских топонимов // *Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры»: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. В.П. Нерознак.* – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 8–9; *Его же.* Исторические пласты в топонимии Удмуртии // *Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. статей / АН СССР. Уральское отд-ние. Удм. ин-т ИЯЛ; Отв. ред. М.Г. Атаманов.* – Ижевск, 1989. – С. 19–32; *Его же.* Самодийские элементы в топонимии // *Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов.* – М., 1990. – Т. 2. – С. 20–22.

18. *Атаманов, М.Г.* Тангыра: Кузьмадёс. – Ижевск, 2008. – 320 с.

19. *Атаманов, М.Г.* Ономастикон удмуртского эпоса «Тангыра» // *Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / Отв. ред. А.Ф. Шутов; Удм. гос. ун-т / УИИЯЛ УрО РАН.* – Ижевск, 2008. – С. 57–64.

СОКРАЩЕНИЯ

бесерм. – бесермянское наречие удмуртского языка; букв. – буквально; д. – деревня; диал. – диалектный; р. – река; рус. – русский; сокр. – сокращенно; тюрк. – тюркский.

Поступила в редакцию 22.11.2010

L. Y. Kirillova

M.G. Atamanov and the Udmurt Toponymy

The article deals with the contribution of well-known Udmurt researcher M. G. Atamanov to the history of studying of the Udmurt toponymy. On the basis of linguistic, historical, ar-

cheological, ethnographical, geographical and folklore data M. G. Atamanov investigates in his works the questions of the reflection of tribal names in toponymy and microtoponymy and problems of Udmurt ethnogenesis, analyzes oikonyms, hydronyms and names of other geographical objects, different appellatives and topoformants, points out the historical layers in the toponymy of Udmurtia and beyond its borders. The author of the article describes the works of the researcher in detail.

Key words: the Udmurt language, onomastics, ethnonyms, toponyms, microtoponyms, appellatives, tribal names in toponymy, anthroponyms, historical layers in the Udmurt toponymy, Udmurt ethnogenesis.

Кириллова Людмила Евгеньевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: kirlud@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 801.731(=511.131)

В.М. Ванюшев

**«ТАНГЫРА» МИХАИЛА АТАМАНОВА
КАК АВТОРСКИЙ ВАРИАНТ
УДМУРТСКОГО ЭПОСА**

Эграпи Гавир Микаль. Тангыра: Кузьмадёс. – Ижкар: Удмуртия, 2008. – 320 б.

В статье дается общая положительная оценка эпического творения М. Атаманова «Тангыра», определяются и подвергаются литературоведческому анализу наиболее сильные стороны и недостаточно четко продуманная сюжетно-композиционная структура.

Ключевые слова: народный эпос, этногенез удмуртского народа, литературный памятник, воршудно-родовые объединения.

1.

Выход этой книги был встречен бурными восторгами удмуртской общественности, что проявилось уже во время презентации в Национальной библиотеке (2008). Многие, еще и не успев почитать ее, говорили, что после неоднократных проб, различных попыток и вариантов удмуртский эпос в книжном варианте, наконец, дошел до читателей. Такие суждения возникли, конечно, не без основания. Каждый народ желает иметь общедоступное произведение, гордость нации, ее духовное лицо перед всем миром, вобравшее в себя многовековые чаяния, жизненные устремления своего этноса. И «Тангыра» представилась читателям именно таким явлением.

В самом деле, сочинение Эграпи Гавир Микаля – Михаила Гавриловича Атаманова, доктора филологических наук, немало сделавшего в области языкознания, изучения этногенеза удмуртского народа, протодьякона Православной церкви, прославившего себя среди верующих переводом Нового Завета на удмуртский язык, – не вмещается в рамки только литературного произведения. Оно вобрало в себя, пожалуй, все направления научных изысканий и творческих поисков автора, члена Союза писателей Удмуртии и России. Книга снабжена многочисленными научно-познавательными комментариями и даже словарем редко встречающихся слов, использованных в сюжетном построении. И в этом действительно была необходимость. М.Г. Атаманов вернул современному удмуртскому читателю немало вышедших из употребления слов, несущих историко-этнографическую

семантику, создал неологизмы, органически вплетающиеся в ткань повествования. Он поведал свою версию зарождения и расселения ряда воршудно-родовых объединений удмуртов, поставив во главу угла происхождение своего рода Эгра, на территории Волго-Камья и даже Югорской земли. Все это, несомненно, составляет духовную ценность издания. Думается, историки, лингвисты, этнографы по-своему оценят и введут этот научно-познавательный материал в багаж своих отраслей науки. Нам же предстоит рассмотреть это произведение с точки зрения литературоведения.

2.

Как известно, эпические сказания – это образно выраженная история народа в его собственном представлении. Она, как и всякое коллективное явление фольклора, поливариантна и, как правило, мозаична. С развитием письменности и литературы эпос из устной формы бытования нередко трансформируется в книжную форму, авторскую. Авторами, собравшими воедино разрозненные фольклорные сюжеты, по-своему выстроившие и интерпретировавшие их, как обычно, выступают талантливые представители народа, в своей духовной устремленности небезразличные к его прошлому, настоящему и будущему. По нашим наблюдениям, «Тангыра», как и ряд других произведений, появившихся в последние годы в удмуртской и родственных литературах произведений, – продукт третьей волны авторского эпоса в финно-угорском мире*.

Напомним, что история книжных форм эпоса в финно-угорских литературах ведет свое начало с «Калевалы» (1849) Э. Лённрота, вызвавшей появление не только подобного сочинения – «Каливопозг» (1861) эстонского ученого и поэта Ф. Крейцвальда, но и своим влиянием вышедшей за пределы финно-угорского мира. По его подобию созданы «Песнь о Гаявате» (1855) американского поэта и ученого Г. Лонгфелло, книжный вариант латышского эпоса «Лачплесис» (1888) А. Пумпура. То была поднятая произведением Э. Лённрота первая волна эпосотворчества ученых и писателей. Вторая и третья – последовали в XX и XXI веках.

Важно подчеркнуть, что произведение Э. Лённрота долгое время служило предметом немалых споров разного рода интерпретаторов. Основные расхождения касались соотношения в нем фольклорного и авторского начала. Большинство фольклористов придерживалось точки зрения, близкой В.Я. Проппу, считавшему, что современная наука не может отождествлять авторское произведение «Калевала» и народный эпос. Э. Лённрот «не следовал народной традиции, – писал В.Я. Пропп, – а ломал ее; он нарушал фольклорные законы и нормы и подчинял народный эпос литературным нормам и требованиям своего времени» [2, с. 304–305]. В последующие годы Проппа поддержали другие исследователи: «Элиас Лённрот не только отважился сам решить, в какой по-

* См. об этом подробнее: *Ванюшев, В.М.* Три волны «эры эпоса» в финно-угорском мире / В.М. Ванюшев, И.Ф. Тимирязнова // В.И. Лыткин: грани наследия: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина. Сыктывкар, 25–26 ноября 2010 г. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. – С. 12–19.

следовательности излагать эпические события, – утверждали они, – но и понял, что как основной, так сказать, макросюжет, так и различные сюжетные ходы и отступления зависят только от его воли желания, от понимания тех художественных и идейных задач, которые он перед собой ставил» [1, с. 8]. Дело в том, что фольклорный текст, подвергнутый той или иной авторской обработке или даже включенный в композицию сюжетов, подчиненных единой линии развития или общей тематике, неизменно превращается в литературное произведение с характерными для него взаимоотношениями содержания и формы, начинает жить по нормам литературной поэтики, теряет такие черты фольклора, как, например, отсутствие канонического текста, вариативность, коллективность и устность созидания. И здесь очень важно, чтобы фольклорная мозаика и поливариантность повествовательного ряда устных народных текстов были преодолены единой и все более набирающей эмоциональную силу сюжетной линией. Иначе и авторский вариант эпоса может рассыпаться на фрагменты и заново обрести поливариантные качества.

Исходя из таких посылок, целиком прочитываю исследуемое произведение, составляю первоначальное общее впечатление о нем. И лишь потом, следуя методике анализа художественного текста, приступаю к его осмысливанию. В первую очередь определяю то место в повествовании, которое с наибольшей силой запечатлелось в моем воображении. Обнаруживаю, что это – события, рисующие, как ушкуйники-роучи разрушали и сжигали Ваткакар, столицу удмуртов племени ватка. «А какое место занимают они в общей системе сюжетостроения?» – задаю себе следующий вопрос. И с удивлением обнаруживаю, что по силе эмоционального напряжения они скорее всего напоминают кульминацию. События, описанные в первой одной десятой части трёхсотстраничного сочинения, – кульминация? Трудно поверить, но по всем признакам это так. Мое удивление вызвано тем, что кульминация, самая сильная, эмоционально напряженная ситуация в общем сюжете, как правило, – итог постепенно накопленных предшествующих событий в сюжетном построении, это, можно сказать, сильная, бурливая река, созданная энергией многих ручейков и речек, в свою очередь прошедших через немалое количество порогов и препятствий. И она наступает уже где-то к концу сюжетного хода, как трамплин, создающий инерцию полета мыслей и чувств читателя. Особенно в объемных произведениях, подобных «Тангыре». Но в «Тангыре» вслед за кульминацией следует эмоциональный спад, завершающий сюжетное течение. Все, что происходит в этой части, воспринимается как развязка, растянутая за счет множества вставных сюжетов. Такое восприятие подтверждается не только формальной, но и содержательной стороной данного произведения. Ведь главный идейно-эмоциональный смысл его заключается в стремлении автора пробудить в читателе чувство гнева против разнузданных действий поработителей предков нынешних поколений удмуртов и стремление объединиться, не раствориться, не потерять себя как народ в мукомольне современной глобализации. Правда, в самом конце произведения приводится документ 1670 года – протокол всеобщего схода северных удмуртов и бесермян в деревне Солдар (ныне – археологический памятник Иднакар) с утверждением факта всеобщей договоренности и призывом

ко всем родным и близким заступаться друг за друга и, когда нужно, обращаться к высшим властям России с просьбой помочь выстоять против бесконечных нападков и несправедливостей со стороны иноплеменных сил. Документ и поэтические комментарии к нему, представляющие собой эпилог всей повествовательной структуры произведения, несомненно, работают на центральную его проблему. Однако между этими двумя частями повествования огромный пласт разнородных сюжетов и микросюжетов, эмоционально гораздо более слабых по сравнению с изображением сцены сражения в Ваткакаре, что и придает ей качества кульминации. Тем более что сюжет произведения далеко не фабульный. Изображенные события хронологически не следуют друг за другом. Они перемежаются как во времени, так и в пространстве. И читателю трудно разобраться в фабульном ряду описанных событий. Это создает некое замешательство в восприятии текста. А ведь содержание художественного произведения составляют не только события, изображенные в нем, но и те мысли и чувства, которые эти события вызывают в читателе. Второе, пожалуй, даже важнее первого.

Подчеркивая ведущую струю повествования, автор книги пишет в аннотации, что речь идет о возникновении и распространении многих удмуртских воршуднородовых образований в территориальном пространстве. Действительно, такой аспект содержания занимает значительное место в произведении. Однако здесь Атаманов-ученый, кажется, значительно заслоняет Атаманова-писателя. Описывая толпы людей, перемещающихся в поисках новых мест обитания, повествователь называет немало воршудных образований, их руководителей, однако мало кто из них предстает перед читателем «во весь рост» как литературный образ. Из огромной череды их имен выделяются два кресьчи-гусляра – Дадик и Мадей. Развернуто, по-новому описаны жизненные пути батыров северного цикла героических народных сказаний – Донды, его сына Идны и внука Варыша. Между тем с начала произведения до его конца вновь и вновь называются выходцы из рода Эгра, часто в сюжетном течении лишь мельком появляющиеся и исчезающие.

К разговору о сюжете и композиции произведения мы еще вернемся. А сейчас остановимся на самом, на наш взгляд, эмоционально сильном микросюжете повествования.

3.

При анализе текста, рассматривая поступки и внутренний мир персонажей, критики нередко забывают выделить образ самого повествователя. Мы обратимся именно к этому компоненту сочинения. В нем сосредоточены и принципы отбора описываемых реалий, и способы сотворения важнейшего качества – художественности литературного произведения, его поэтики.

Приступая к реализации одного из центральных замыслов: показать пути расселения рода Эгра, – автор-повествователь рисует неблизкую дорогу группы эгринцев на нартах – с берегов Ледовитого океана в наши края, в Ваткакар. Сам он легко передвигается из одной толщи веков и территорий в другие. Вначале он предстает современным человеком, стремящимся перенести читателя в те далекие времена, когда не было еще «ни тебя, ни меня, ни его, в небесах не летали железные птицы, по земле не носились металлические кони» (С. 8). Если

верить ему самому, в произведении описаны события, происшедшие в течение двух тысячелетий. И вот он уже будто среди кочующих эгринцев, в пути. Их глазами смотрит на постоянно меняющийся ландшафт. Прибыв на берега Ватка кама (большой реки Вятки), от имени рода Эгра обращается к Ваткакару: «От старинных ваших корней – от Югра батыра – привет тебе» (С. 28).

Далее повествователь, оставаясь вместе со своими спутниками, приобретает другие качества – ученого человека, знающего историю Ваткакара, хорошо укрепленного городища, крепости, долгое время являвшейся столицей племени ватка и впоследствии могущей превратиться в признанный центр всех удмуртов. Он достоин этого и своими сложившимися традициями, и мудростью Ватка батыра, и широкими связями, добрыми взаимоотношениями с батырами других родов, и надежностью укрепления. Ярко, с подробными деталями рисуются высокие стены крепости, выстроенные из вязовых, сосновых, еловых бревен, с вышками-бойницами по углам, глубокими рвами вокруг. Однако интонация повествования постепенно приобретает всё более грустный, а впоследствии – драматический характер. На Ваткакар нападают «сильные, как медведь, лютые, как волк, и хитрые, как лиса», ушкуйники-роучи, и начинается битва, во многом решившая дальнейшую историческую судьбу удмуртского народа.

Описание хода и трагического исхода этого сражения – с яркими деталями в переплетении с выражением переживаний «присутствовавшего при этом» повествователя – выделяется из всего сюжетного хода произведения. Особенно выигранно выглядит эта сцена на фоне многочисленных и длинных монологов, состоящих в основном из описаний событий взглядом, как говорится, с высоты птичьего полета – во взаимных приветствиях батыров различных воршудных объединений во время их неожиданных встреч.

*«Жин-жон-н!» Ватка улосэ шуккиське
Шурдытйсь-куалектытйсь тангыра гур.
Каланча йылысь ёсуатэм юрсиро
Пужым пуклёос, улвайёс, сиро писъёс
Бусырлатыса ёсуало – съёд чын
Юбо кадь ик ин пала ёсутйське (41-тй б.).*

*«Жин-жон-н!» раздаются в окрестностях Вятки
Пугающие, в дрожь бросающие звуки тангыры.
На вершинах башен зажженные смолистые
Сосновые чурки, ветки, смолистые поленья
С треском горят – черный дым
Столбом поднимается к небу*, –*

начинается описание этой сцены. Следуя поэтике героического эпоса, повествователь в первую очередь следит за действиями Ватка батыра:

*Вань калыксэ Ваткакар кузё-батыр
Кар бордъёс кузя султътяз – юн сылэ!
Тушмонъёсты-аманъёсты зыръётэс,
Нушыостэс жалаятэк лопкытъялэ! (42-тй б.).*

* Здесь и далее подстрочные переводы выполнены автором статьи. – В.В.

Весь свой народ хозяин Ваткакара – батыр
Расставил вдоль стен – крепко стойте!
Врагов-супостатов, дубинки свои,
Колотушки не жалея, отдубасьте!

Уже в этих строчках обнаруживается не только дух сопротивления, но и немудреное вооружение, которым владело население древнего кара. В емком и плотном описании перед глазами читателей предстают все его жители.

*Нырысь ик кар дйне, вальёссэс
Чошпыд ворттытыса, воргоронъёс вуизы,
Шундыпуксён палась ышыг интытй
Мынйсь сюрес кузя пыризы егит нылъёс,
Гадь бордазы нуныоссэс жисптыса,
Бызьыса вуизы куалектэм кышноос (41-тй б.).*

Первыми к крепости, гоня
Своих коней вскачь, прибыли мужчины,
Со стороны заката солнца по затаенным местам
Пришли и зашли во внутрь девушки,
Прижав к груди своих малышей,
Прибежали испуганные женщины.

Первое замешательство прошло. Каждый нашел свое место в общей обороне:

*Кар калык ваньмыз, кин мар кутыса вуиз,
Кар борддор йылэ жёсогак султйз
Мерскись тушмонэз уल्याны,
Дор музъемзэ-мумизэ утыны (41-тй б.).*

Весь народ городища, кто что успел взять в руки,
Быстро встал на стены крепости,
Чтобы прогнать лезущего врага,
Убереечь матушку-родину.

Примером для всех и здесь является батыр.

*Учкиськод уйпала – отын Ватка батыр
Каржезы дорын кораське-ожмаське ни,
Учкиськод льмишоре – кар борддоре кечырске ни,
Роуч тиосты сэпалля-тузэ ни таид! (41-тй б.).*

Смотришь на север – там Ватка батыр
У ворот крепости рубится-воюет уже,
Смотришь на юг – на бревенчатую стену взбирается уже,
Роучей-парней откидывает-молотит уже он.

В деталях видит и шаг за шагом отмечает повествователь наглую наступательность роучей:

*Витетй нуналаз Ваткакар вьлэ
Югыт шунды өз ни жёужа, лэся:
Кар борддор, ожмаськон каланчаос
Погразы, супрак жёуаса быризы... (44-тй б.).*

На пятый день над Ваткакаром
Светлое солнце, казалось, уже не взошло:
Бревенчатая стена, боевые башни
Свалились, сгорели напрочь, дотла...

Увидевший и вместе со всеми переживший весь этот ужас повествователь, как будто от имени самой истории, выражает неизбывное горе и сожаление, пытается высказать ободряющие слова:

*Ваткакар – дано кар! Ватка калыклэн
Утиськон, вӧсяськон, улон интыез,
Мар луиз тонэн? Пыраклы-а та,
Оло, улӧод на, кужым шедьтод на? (44-тӱ б.).*

Ваткакар, славный кар! Племени ватка
Место укрытия, моления, жизни,
Что стало с тобою? Навечно ли это?
Может, воскреснешь еще, найдешь в себе силы?

Он осмеливается даже упрекнуть божество Инма, хранителя племени ватка:

*Инма воршуд, малы ӧд утӱы калыктэ?
Малы тушмонлы эрик сӧтӱд?
Табере кызӱы улоз на, мар кароз на
Та дуннеын вашкала ватка калык? (44–45-тӱ б.).*

Священный Инма, почему ты не уберег свой народ?
Почему дал волю неприятелю?
Как теперь будет жить, что будет делать
На этом свете древнее племя ватка?

Возможно, он и сам, как Ватка батыр, на глазах побелел, словно снег? Как выдержать злодеяния пришельцев? Жена батыра, Сянья, увидев на острие копья отрубленную голову своего сына Шудега, сошла с ума. Завернув в свой *сюлык* обгоревший кусок спаленного царского дома, воображая, что это ее сосунок Шудег, качает, напевает и плачет.

*Дӱськут но, бам но солэн шумаськемын ни,
Но ялан кырӱаса маке маде, вӱкӱшӱя;
«О-о-ой-ы!», – кесӱке, дуннеез зуркатэ... (47-тӱ б.).*

И одежда, и лицо ее сплошь уже в саже,
Она всё поет, что-то рассказывает, всхлипывая;
«О-о-ой-ы!», – кричит, сотрясает округу...

Картины этого неравного и жестокого боя настолько цельны и самоценны образами-детальными изображенного и глубиной переживаний повествователя, что выглядят как законченное произведение, полное трагизма. В таком сочетании и проявляет себя художественность текста.

К сожалению, во многих местах повествования такого единения не происходит. К примеру, не раз упоминается о том, что жестокие пришельцы крадут и насильно уводят девушек, берут себе в жены или продают таким же, как сами, сторонним мужчинам. От многократного и однообразного повторения эти слова о вопиющей несправедливости теряют свою эмоциональную силу и уже не

задевают читателя. Но в одном месте картина торга человеческим товаром нарисована так, что, думается, мало кого оставит равнодушным:

*Коньиос музэн, нуаса ветлиьсь
Юрттэк-ертэк улиьсь роуч пиос
Лушкам нълъёсты кышно каро.
Волга дурьсь бадзым каръёсысь
Базаръёсы вуо ке, пёсь луо кадъ
Зырдам сюлэмо лымшор пиослы
Кышнолы, дусымлы вузало
Мискинъ ватка, чудья нълъёсты.
«Муп-ы-ы-ы-й! Айи-и-и!» шуыса
Зар бёрдо, чигисько, чир кесясько
Кар базар шоры вузаны поттэм
Каръян ватка, чудья нълъёс-мискинъёс (38-тй б.).*

Подобно белкам кочующие,
Не имеющие своего постоянного жилья роучи
Украденных девушек в жены забирают.
Прибыв в большие города на Волге,
С горячими, как южный песок, сердцами парням
Продают в жены, в наложницы
Бедных ваткинских, чудьинских девушек.
«Муп-ы-ы-ы-й! Айи-и-и!»* – кричат,
В голос ревут, разоряются, пугливо кричат
Выставленные на базарную площадь для продажи
Ваткинские, чудьинские девушки-бедняжки.

В этом кратком описании пред нами предстают и жестокосердные кочующие по речным просторам Восточной Европы роучи, и, словно южный песок, жесткие, горячие парни-покупатели, и выкраденные девушки, осознающие свое безвыходное, позорное положение живого товара. Их не только видишь, но даже будто глубиной сердца слышишь испуганные, безнадежно-умоляющие, призывные голоса. Тут же, где-то рядом, находится и сам повествователь, жалеющий бедных девушек, но не имеющий возможности им помочь. Здесь он предстает как сострадающий потерпевшим и осуждающий зло наблюдатель. Эти наблюдения вызывают в нем широкие образно-философские размышления. Пространственная точка зрения повествователя меняется. Совершенное на базарной площади зло дает о себе знать в душевных переживаниях родителей невольниц.

*«О-о-ой!» – чигиськыса, тэльмырыса
Зар бёрдо мумиос, айиос,
Вордэм нуныкайёссэс съось душесъёс
Сьёразы нуыса кошко ке (38-тй б.).*

«О-о-ой!» – с болью и мольбой
В голос плачут матери, отцы,
Когда их родных детей хищные ястребы
Уносят с собою.

* Ма-ма-а-а-а! Оте-е-ец! (сев.-удм.).

Философско-обобщающая мысль повествователя пространственно выражена широкой панорамой родных мест:

*«О-о-ой!» – бӧрдӧсь мушоослэн,
Гуртоослэн куаразы шуккиське
Бӧдӧым Ватка нӧлӧсьсӧсен
Калмез вылозь, Калмез шаерозь,
Чупчи йылысен Ой, Туймы, Умег,
Пыжман, Пура шурьӧслэн усӧнозязы.
Паськыт тӧльӧс, пужым ягӧс кузя
Зар бӧрдэм куара шуккиське (38-тӧй б.).*

«О-о-ой!» – плачущих матерей,
Однодеревенских голоса раздаются
От лесов вдоль великой Вятки
До реки Кильмезь и калмезской стороны,
От истоков Чепцы до устьев рек и речек Иж, Тойма, Умяк,
Пыжман, Сарапулки, по широким лесам, сосновым борам
Звучный голос плача проносится.

Эта ярко, образно выполненная сцена заслоняет собой многочисленные упоминания об одном и том же, являясь символическим выражением всего угнетенного состояния удмуртов тех давних времен. Такова сила емкого художественного образа. Подобно этой сцене, изображение битвы за Ваткакар во многом вбирает в себя основную идейно-эмоциональную суть всего произведения. Сила единого, сложно организованного и даже многослойного образа, каковым является художественное произведение, не всегда заключается в объемности изображенного в нем мира, но обязательно – в эстетической отточенности, в энергии душевных переживаний, вызванных им.

Не могу не остановиться еще на одной грани образа повествователя – на том, как он с помощью повторов однозначных или близких по смыслу слов усиливает и обогащает нюансами свое эмоциональное отношение к происходящему в сюжете. В той же сцене разрушения Ваткакара по приказанию главаря роучей (по прозвищу Третьяк Волчий Клык) ушкуйники выводят на крутизну берега реки и расстреливают оставшихся в живых четырех сыновей Ватка батыра. Повествователь об этом говорит:

*Кыл вератӧк, пал кыл вератӧк
Батыр тиослэн веськрес мугорьӧссы,
Сӧдлыкӧтэм, дун-шектэм лудмугорьӧссы
Васькызы шукьяськыса, бугыръяськыса,
Визыласа бызись паськыт Ватка-кам шуре (53-тӧй б.).*

Без слов, без единого слова
Стройные тела сыновей батыра,
Безгрешные, чистейшие вместилища души
Ушли вниз, в пенящиеся, бурлящие,
Стремительно бегущие воды широкой Вятки-реки.

Подобным образом усиливая выражение скорби и горя, повествователь касается сломленных надежд Ватка батыра, переводит внутренний взор читателя на чи-

стые, холодные волны реки, переключает его внимание на незабвенную память народа о том трагическом времени:

*Бугырес тулкымъёс ватка калыклэн
Йоно-визьмо батырезлэсь-эксэзлэсь,
Солэн ньыль пиосызлэсь-быркытьёсызлэсь,
Синчеберъёсызлэсь, окиськонъёсызлэсь,
Ас музеймазы кузё луоно муртъёслэсь
Таза мугоръёссэс чылкыт, кезыт ву шобыртйз,
Пушказ ньылйз Ватка шурен, ватка калыкен
Пыраклы огазе луон понналы, дыр... (53-тй б.).*

Бурлящие волны
Солидно-мудрого батыра-царя народа ватка,
Его четырех сыновей-орлов,
Светлооких надежд,
Предназначенных быть хозяевами на родной земле
Крепкие тела покрыла светлая, холодная вода,
Заглотила в себя, чтобы с рекой Вяткой, народом ватка
Им навечно быть вместе, наверно...

Для выражения чувств в лирике применяются разного рода повторы. В своем лиро-эпическом повествовании Эграпи Микаль использовал богатые возможности родного языка, передавая тончайшие нюансы душевных переживаний героев. Думается, поэту помогла здесь его ипостась как ученого-словесника.

4.

Другое состояние дела обнаруживается нами в плане сюжетостроения и композиции столь объемного и сложноорганизованного произведения.

Сломленный духом от поражения народ ватка собирается вокруг своего батыра: что нам делать теперь, как жить? Мудрый руководитель, чтобы спасти свой народ от лютого врага и от исчезновения, предлагает подопечным рассестяся и начать строить жизнь в новых местах. Разделившись на четыре группы, ваткинцы начинают кочевать. Они встречаются с различными удмуртскими воршудно-родовыми объединениями. Казалось бы, у каждой из групп ваткинцев свои пути, свои встречи, своя судьба, И довольно остроумно найденные автором художественные образы красных быков-предводителей в каждой группе ведут себя по-своему. Тем не менее постоянная беготня за красными быками, ритуалы встреч с очередными воршудно-родовыми объединениями, обязательные взаимные приветственные монологи батыров начинают выглядеть как топтание на месте.

Сюжет теряет целостность. Повествователь стремится поведать историю каждого племенного объединения – ватка и калмезов, на территорию которого прибывают его основные герои. Так события, происшедшие в разных местах и в разное время, в восприятии читателя перепутываются. Теряется их фабульный ряд. Вновь и вновь начинающиеся истории воспринимаются как вставные фрагменты в общем потоке основного сюжета и замедляют его развитие. Есть среди них интересные, хорошо выполненные тексты. К их числу я бы отнес по-

своему изложенные автором книги сюжеты о богатырях Эш-Тэреке, Янтамыре, Донды, Идне. Но остается ощущение желая, чтобы они были теснее связаны с событием, волею судьбы принявшим на себя роль кульминации, то есть со сценой разрушения Ваткакара. Есть тексты, не переработанные повествователем, а дословно приводимые из прежних публикаций, например, фрагмент о калмезских богатырях, отдельные песни, которые вносят в произведение оттенки хрестоматийности.

Словом, по моему мнению, над сквозным сюжетным построением, взаимосвязанностью изложенных историй еще можно было поработать, что неудивительно при обдумывании и художественном осмыслении такого огромного корпуса информации. Да, бывают произведения со множеством вставных историй, как, например, повесть Григория Верещагина «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), в которой именно вставные сюжеты, казалось бы, совсем на другие темы, детерминируют события основного текста. При этом основной сюжет теряет свою динамику. Но то было на заре формирования удмуртской художественной прозы...

5.

Тем не менее книга «Тангыра» для нас ценна. В первую очередь, стремлением автора воссоздать, укрепить национальное сознание удмуртов, родной язык которых ЮНЕСКО относит уже к числу исчезающих. Символично название. «Тангыра» – так называется древний народный инструмент, который призывно – то с радостью приглашая на общие празднества, то тревожно предупреждая об опасности – звучал по лесам и полям, собирая и стар, и млад для совместных дружных действий. Голос тангыры так необходим сегодня! Нивелирующая все своеобразное сила глобализации, не встречающая достаточного сопротивления со стороны властных структур, побуждает каждого болеющего за будущее народа греметь, как тангыра, предупреждая об опасности и крайней необходимости в совместных действиях. Потому закончу статью словами самого Эграпи Микаля, напрямую перекликающимися с призывами Кузубая Герда еще начала XX века:

*Тангыра, тангыра! Куарадэ будэты,
Сайкаты та изись, ой, удмурт калыктэ!*

Тангыра, тангыра! Погромче гуди,
Пробуждай свой уснувший, ой, удмуртский народ!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Киуру, Э.С.* Фольклорные истоки «Калевалы» / Э.С. Киуру. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001.
2. *Пропп, В.Я.* Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976.

Поступила в редакцию 20.08.2010

V.M. Vanushev

«Tangyra» by Mikhail Atamanov as an author's variant of the Udmurt epos. *Egrapi Gavir Mikal*. Tangyra: Kuzmadios. – Izhkar: Udmurtia, 2008. – 320 p.

In the article the general positive attitude to the epic work of M. Atamanov «Tangyra» is shown, the strongest points, structure of story line and composition, contemplated not clear enough, are defined.

Key words: people's epos, ethnogeny of the Udmurt people, literary work, vorshudnyi and ancestral unions.

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела филологических исследований,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: vorjavaj@e-izhevsk.ru

УДК 801.731(=511.131)

А.Г. Шкляев

**«ТАНГЫРА» В КОНТЕКСТЕ
УДМУРТСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ:
ПАРАЛЛЕЛИ И ОТЛИЧИЯ**

Героический эпос М.Г. Атаманова «Тангыра» рассматривается как самый поздний вариант удмуртского героического эпоса, вобравший в себя опыт и устных народных сказаний, и литературных эпосов. «Тангыра» рассматривается как мифопоэтическая история народа, взывающая к самосохранению этноса в условиях глобализации. Раскрывается художественное своеобразие «Тангыры» в контексте истории удмуртской литературы.

Ключевые слова: финно-угорская общность, Ватка, Чепца, Кильмезь, Эгра, Идна, Югра, тангыра, батыр, героический эпос, мифологема «красный бык», роуч, удмурт.

Если посмотреть все последние научные публикации и выступления Д.А. Яшина, поэта, фольклориста и одного из учителей М.Г. Атаманова, то мы не можем не заметить в них целеустремленную работу по изучению всего эпического хозяйства удмуртского народного творчества. Д.А. Яшин же подготовил и издал эпос М.Г. Худякова, назвав его «Песнь об удмуртских батырах». Он же, следуя опыту венгерского академика Гезы Кепеша, посмотрел на записанную Кедром Митреем легенду «Эштэрек» как на ритмически организованный текст и убедился, что это есть героический поэтический эпос и дал легенде новую жанровую жизнь. Но работа Д.А. Яшина шла с большим трудом, потому что смежные с фольклористикой науки (археология, этнография, топонимика, антропонимика) не имели еще тех достижений в изучении удмуртского этноса, какие имеются сегодня. И если бы при жизни Д.А. Яшина появилось такое многообъемлющее повествование, как «Тангыра», работа ученого могла достигнуть больших результатов. «Тангыра» – самый поздний вариант удмуртского героического эпоса, последнее по времени создание из цикла «батыриада», вобравшее и предшествующий художественный опыт в поэтическом осмыслении истории удмуртского народа, и накопленные научные знания. Поэма в мифопоэтической форме охватывает весь пройденный до кон. XVII века исторический путь народа, и это стало возможным потому, что автор «Тангыры» – человек

широких интересов и огромной эрудиции. Кроме того, он – живая этнография, и его самого можно изучать как первоисточник, то есть непосредственного носителя фольклорной культуры.

Тема удмуртского героического эпоса в фольклористике началась с того времени, когда Б. Мункачи записал «Калмез бакатыръёс» («Калмезские богатыри») в д. Шактапи на территории нынешнего Селтинского района и когда Кедр Митрей (в 1911 г.) записал легенду «Эштэрек» в д. Нижний Казес, на территории нынешнего Шарканского района. О пристальном интересе Кедр Митрея к героическому эпосу хорошо пишет Петер Домокош в своей «Истории удмуртской литературы», считающий, что весь материал «исторической трилогии» Кедр Митрея, по существу, эпический и что недаром третью часть своего создания он уже написал в стихах, что более соответствовало пафосу героических историй. Этот интерес был подхвачен Кузебаем Гердом, который записал зачины эпосов от Опоча Эле и, более того, написал (или собирался написать) свой вариант эпоса, который в одном месте называл «Удовала», в другом – «Докъявыл». В 1920-е гг., в пору возрождения удмуртского этноса и его великих надежд, интерес к этому жанру был велик. К нему обратился и И. Яковлев в поэме «Вормонтэм батыр» («Непобедимый батыр»), опубликованной в 1928 г. со следующим объяснением от издательства: *«Вашкала удмуртъёслэн улэмзы сярысь чыры-пыры чогем пусъёс вань ке но, соос туж ёжыт возьмато. Соосъя гинэ история быдэсак пӧрмытыны шуг. Соин ик та «Вормонтэм батыр» поэма, оло, кӧня ке удмурт история пушкы пырыны ыбес усътоз шуыса поттыны кариським. Та книгаын верамъя лыдзисъёс но тэкишерытэк уз кыле, дыр»* [1]. 'Хотя о жизни древних удмуртов кое-что из написанного есть, они очень мало содержательны. Только по ним трудно восстановить историю. Поэтому мы решились издать эту поэму, надеясь, что она откроет хотя бы небольшую калитку в историю. Наверное, и читатели не останутся равнодушными и поговорят о поэме'.

Далее, интерес к жанру героического эпоса был притушен той исторической эпохой, когда интерес к национальным проблемам расценивался как «буржуазный национализм». Во вт. пол. 1930-х гг. была поставлена задача воспитания патриотизма на героических началах национальных историй: широко праздновался юбилей «Слова о полку Игореве», Михаил Петров перевел отрывки из «Слова...», из «Калевалы» и «Давида Сасунского». Позднее он напишет легенду о Ленине «Великий охотник», стилизуя ее под фольклор и скрывая свое авторство. Героический эпос просился в литературу. Но в это же время многие писатели были репрессированы, возник страх прикосновения к болезненной теме. Эпическую форму приспособили к воспеванию новых вождей как богатырей. В этом особенно отличился казахский акын Джамбул Джабаев.

Эпическую форму в удмуртской литературе стал осваивать Прокопий Чайников (ему, бездомному и бесфамильному сироте, согласно существующей легенде, в свое время дал свою фамилию Кузьма Чайников, взяв себе псевдоним Герд). Так вот, П. Чайников писал стихи о вождях, в частности, в одном из стихотворений: *«Сталин вера ке, гурезь куашка, шуръёс вошто ӧръёссэс»*. 'Если Сталин говорит, то рушатся горы, и реки меняют русла'. Очевидный эпический образ. Но интересно, что в одном из произведений военных лет П. Чайников

вспомнит имена Идны и Янтамыр-батыра, хотя дальше не пойдет. Таким образом, сказания о батырах были востребованы временем, но то же самое время не позволило реализовать эту потребность. Эпическую поэму мог бы создать и Михаил Коновалов, если бы писал стихи: его роман «Гаян» обрамляется образом крельчи и представляет собой повествование – рассказ гусяра.

Интерес к эпосу возобновится в кон. 1950-х гг. – я имею в виду поэму Николая Байтерякова «Эштэрек», в которой героический сюжет изложен в лирическом ключе. Чуть позже линию П. Чайникова в осовременивании батыров подхватит А. Бутолин, создав цикл поэм, первые из которых посвящены действительно фольклорным батырам, а последние – советским политическим деятелям: Ленину и Иосифу Наговицыну. Получилась та же история, что с «Россиядой» М.М. Хераскова, которую В.Г. Белинский охарактеризовал как потуги задним числом создать свою «Илиаду» и «Одиссею». Правда, В.Г. Белинский объяснил неудачу Хераскова не тематикой или жанром, а отсутствием сильного художественного дарования. А. Бутолин мог бы иметь успех даже при «осовременивании» сюжета, но ему не хватало поэтического дара.

На пути к «Тангыре» удмуртская литература прошла через неоднократно возобновлявшийся интерес к эпосу М. Худякова. После публикации Д. Яшина (с купюрами) текст был полностью опубликован С. Васильевым и В. Шибановым в их книге «Тень Зэрпала». Затем русский текст М. Худякова был переведен В. Шибановым на удмуртский язык. Но прежде того авторизованный перевод ее представил В. Ванюшев, дав эпосу новое название – «Дорвыжы», кроме того, были добавлены микросюжеты, художественные детали, так что контурно данные этюды предстали в виде развернутых картин. На пути к «Тангыре» была еще одна поэма – обширное поэтическое повествование Анатолия Перевозчикова о Донды-батыре и его сыновьях: известный сюжет о Донды-батыре был еще больше архаизирован и превращен в сказку, что отнюдь не умаляет достоинств этого произведения. Написанная ярким образным языком, поэма-сказка А. Перевозчикова еще ждет своего осмысления.

Научный интерес к героическому эпосу удмуртов был вызван 150-летним юбилеем «Калевалы». Но это – внешний фактор. Глубинные же причины – в возрождении национального самосознания удмуртской интеллигенции.

«Парад эпосов» – иронично сказал молодой исследователь о «Тангыре», имея в виду появление удмуртских эпосов и сетуя одновременно на читательское равнодушие к ним. Но любой эпос читается не как роман с сюжетом, а скорее – как энциклопедия: фрагментарно, по необходимости. Вряд ли кем-то читались или читаются в один присест, от корки до корки, «Одиссея», «Илиада» или та же «Калевала».

Рукотворные героические эпосы – явление не только локальное, а всеобщее для финно-угорских литератур Поволжья и Урала. Думаю, и для других этносов во всем мире. Чуть раньше они появились в Мордовии, Марии Эл и др. Вопрос о том, насколько правомерно сегодня создание героических эпосов, возник уже с появлением поэмы «Сияжар», и затем дискуссии возникали не раз. Но поскольку подобные поэмы есть в разных финно-угорских литературах, этот факт мы должны осмыслить.

Создавая поэму в наше время, М. Атаманов не имитирует текст под написанный давно. Достаточных документальных источников нет, и он заявляет о своем праве творить мифопоэтическую историю народа в век научно-технической революции.

*Куке дунне вылын тон но, мон но,
Со но ой на вал вордйськемын,
Ой на вал омыретй лобась
Корт андан тылбурдоос,
Музьем вылтй ворттылысь
Шаплы корт вальёс, корт питрано уробоос,
Зарезь ву вылтй, шурьёс кузя
Уясь-порьясь туж бадзьымеь пыжьёс...*

Когда на свете не было еще и тебя, и меня,
И он еще не родился,
Не было еще
Летающих в небе железных птиц,
Скачущих по земле быстрых железных
Коней и с железными колесами телег,
По воде моря, по рекам
Плывущих огромных лодок...

(Подстрочный перевод).

Атаманов опирается на достижения исторической науки, тем более, что параллельно он создает научный труд «Происхождение удмуртского народа». Кроме того, он сам не только знаток, но и сам носитель фольклора.

В его поэме есть два повествователя, что соответствует наблюдению Д.С. Васильева-Буглая, утверждавшего, что удмуртские сказания исполнялись на крезях двумя рапсодами. Структура и особенности такого эпоса описаны в статьях, сопровождающих издание «Тангыры» (см. статьи М. Гришкиной, Г. Шушаковой, А. Арзамазова и др.).

Зачины некоторых глав традиционны для многих эпических сказаний (Кула Гали, Низами): автор обращается к Всевышнему с просьбой дать ему возможность закончить эту поэму, дать ему силы, благословить его на этот тяжелый труд.

Авторы предшествующих удмуртских эпосов опирались, в основном, на легенды о батырах, создавая текст путем контаминации, отсюда – отсутствие разнообразия. Они не давали большого материала для создания сколь-либо объемных эпосов. Так, поэма «Вормонтэм батыр» («Непобедимый батыр») И. Яковлева представляет собой рассказ в стихах о годовом цикле жизни удмуртов. Центральный эпизод – столкновения между порами и удмуртами, что завершается гибелью батыров с обеих сторон. Чтобы создать перспективу, И. Яковлев вводит в поэму еще двух батыров, мифологизируя в них силы тьмы и света: батыр в черном рубище – самогон, а другой – свет грамоты. Рассказывая сюжеты, связанные с Донды, А. Перевозчиков слишком архаизирует его врагов и заставляет героя биться с Уйшором – мифическим существом – образом Севера, холода, которому посвящено название стихотворения Герда «Ветру Уйшора».

М.Г. Атаманов для своего эпоса избирает тот переломный момент, когда финно-угорская общность распадается, и каждый из выделившихся этносов начинает жить изолированно друг от друга, а будучи изолированными, изгоняются внешними силами из своих земель.

В каждом из литературных эпосов вспоминается идиллический мир, когда народы пребывали, живя в равенстве, богатстве и справедливости. Это общее место – воспоминание о «золотом веке» – ассоциируется с образом первобытного коммунизма. Так, сказитель из «Вормонтэм батыра» так и говорит: «*“Коммунист” кылэз тодытэк, коммунаен улйзы*». ‘Не зная слова “коммунист”, коммуною жили’.

Магистральный сюжет «Тангыры», вбирающий множество микросюжетов, основывается на прибытии представителей рода Югры к своим сородичам в Ваткакар, который вскоре будет завоеван роучами. И далее повествуется об исходе удмуртских родов из своего городища и главного святилища Ваткакар по берегам Чепцы, Кильмезя – вслед за своими тотемами-быками. Каждый из этих родов останавливается там, где в бессилии падает красный бык, данный Ватка-батыром, что вполне соответствует представлениям древних: «В ряде мифологий... обнаруживаются разнообразные связи быка и соответствующего ему мифологического образа: полное их тождество, бык как земное воплощение бога или как его атрибут и др.» [2].

М.Г. Атаманов не боится мотивировать поступки героев мифологическими представлениями, в отличие от Кедр Митрея, который, соответственно своему богоборчеству и атеизму, снимал мотивации с поступков древних героев, излишне их модернизируя и делая акцент на вине жрецов в неудачах удмуртских племен.

М. Атаманов отошел от сложившихся стереотипов и взглянул на события исторически панорамно: он рассказал о расселении удмуртских родов как героическом и трагическом акте своего выживания и самосохранения. Замечательны сюжеты чествования гостей с Югры (похожие на нынешние парады в честь прибытия государственных деятелей). Запоминаются сцены боев при защите своего Ваткакара и казней удмуртских предводителей. Интересен выбор направления предстоящего пути с помощью пущенной стрелы. Ярко представлены циклы обрядов, перечисление царских кушаний, описания воинского снаряжения, всеудмуртского съезда и молений. Впечатляющи картины следования каждого из родов за своими путеводителями – красными быками.

Органично включаются в эпос интонации современных удмуртских поэтов. Так, когда гости впервые видят Ваткакар и восклицают: «*Тйни кыче тон вылэмед!*». ‘Вот каким ты оказался!’ – нельзя не вспомнить восклицания К. Герда: «*Таچه-таче вылэм тон, Ленинград!*». ‘Таким, таким ты был, оказывается, Ленинград!’.

Михаил Атаманов не пытается создать историческую поэму, не осовременивает своих героев – он отдает их во власть представлений того времени, о котором ведет речь.

Эпос «Тангыра» актуален перед угрозами современной глобализации, когда самому существованию малых этносов грозит потеря и самобытности, и даже тех куцых форм государственности, которые у них есть.

Как заметила М.Г. Гришкина, эпические сказания объединены образом тангыры, набат которой должен быть услышан нашими современниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азыкыл // И. Яковлев. Вормонтэм батыр. Поэма на вотском языке. – Ижевск: Удкнига, 1928. – С. 3.
2. Мифы народов мира. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 203.

Поступила в редакцию 24.11.2010

A.G. Sklyayev

«Tangyra» in the context of the Udmurt epic legends: parallels and differences

The heroic epos «Tangyra» by M.G. Atamanov is considered in the article as the latest variant of the Udmurt heroic epos. It has incorporated experience of oral national legends, and also the eposes created by different authors. It is approved that «Tangyra» is mythopoetical history of the people; it calls for mobilization and self-preservation of the ethnos in the conditions of globalization. The artistic originality among the number of previous Udmurt heroic eposes is also shown.

Key words: Finno-Ugric community, Vatka, Cheptza, Kil'mez', Egra, Idna, Yugra, tangyra, batur, heroic epos, mythologem «red bull», Rouch, Udmurt

Шкляев Александр Григорьевич,

кандидат филологических наук

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

E-mail: skl-44@yandex.ru

УДК 908(470.51)

И.М. Крестьянинова

**ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ – ЭГРА –
В ТВОРЧЕСТВЕ М.Г. АТАМАНОВА-ЭГРАПИ**

«Эгра... Это необыкновенно звучное, емкое, нежное имя
согревает душу глубокой любовью
к древней истории родного народа»

М.Г. Атаманов-Эграпи

Во всем творчестве известного ученого финно-угроведа, писателя, священнослужителя Михаила Гавриловича Атаманова красной нитью проходит образ малой родины: Эгра – это его воршуд, ведущий свое начало от этнонима югра; Эгра – так называется его родная деревня (удм. Вуж Эгра, русск. Старая Игра) в Граховском р-не. Он любит и прославляет свою малую родину, неслучайно, к своей фамилии он добавляет эпитет Эграпи – ‘сын (потомок) Эгры’.

Ключевые слова: Эгра, Эграпи, малая родина, писатель, ученый, переводчик Библии.

Михаил Гаврилович Атаманов (литературный псевдоним Эграпи Гавир Микаль) всю свою жизнь и свое творчество посвящает прославлению малой родины – родной деревни Вуж Эгра (Старая Игра), находящейся на крайнем юге Удмуртии, в 15 км от Камы. Эта деревня, окруженная татарскими, русскими, кряшенскими, марийскими деревнями, – одна из самых старинных, зажиточных, крепких, чисто удмуртских во всем Граховском районе. Только ли? Может быть, во всей Удмуртии...

О чем бы ни писал М. Атаманов-Эграпи, мысль его возвращается к деревне Вуж Эгра, к его роду-воршуду Эгра (по отцу он Эгра, по матери – Ѕанка). Кстати, один из первых научных его трактатов называется «Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра» [1]. И составленный им эпос «Тангыра» начинается с обращения к «Эгра урому» [другу-приятелю Эгра]; первое же сказание эпоса называется *Эгра пытты* ‘след Эгры’ [2]. Первое художественное произведение, написанное

в далекие студенческие годы, называлось «Мынам Эграе» [Моя Эгра] [3]; второе – одноактная пьеса «Кен ваён» [Сватовство] – он опубликовал под псевдонимом Эграпов, видимо, уже в то время бредил он будущим псевдонимом Эграпи 'сын Эгры' [4] или 'эгринец' (ср. с именем Ш. Петефи – поэтом и национальным героем венгерского народа, где Пете – личное имя предка (патроним) + фи (удм. пи) 'сын; потомок'). Наконец, эпос «Тангыра» Михаил Атаманов выпустил под псевдонимом Эграпи Гавир Микаль.

Как пишет А.Г. Шкляев, «куда только ни прибудет отец Михаил, он непременно вспомнит, будет искать, найдет удмуртов (людей удмуртской национальности)» [5], к чему мне хочется добавить: куда только пути-дороги ни приводят отца Михаила (он же протоиерей Михаил Атаманов; он же Эграпи Гавир Микаль), он непременно вспомнит отца, мать, родную деревню Вуж Эгра (кстати, в этой деревне и родился мой отец – крестный сын протоиерея Михаила).

«...Вуж Эгра – Старая Игра, Граховский район... Сколько человек в мире знает о ней? Десять, сто, тысяча... Как бы то ни было, моя родина – деревня Эгра, ее люди всегда живут в моем сердце. Здесь я делал первые свои шаги на земле, впервые сказал: “Анай” (мама); провел свое отрочество и, будучи пятнадцатилетним юношей, покинул родной очаг, чтобы увидеть и другой, незнакомый мир за пределами родной деревни, окунуться в мир учебы и труда. Здесь на коленях своих взрастила нас, своих чад-близнецов, мать; людей стесняться, трудиться учил отец; здесь живут мои дорогие родственники, друзья, односельчане – скромные и очень трудолюбивые люди. Здесь, на этой земле, покоится прах моих дедов, прадедов, бабушек, прабабушек, самого дорогого человека на земле – мамы; в 1995 году почил папа, он тоже здесь, рядом с мамой; здесь почивают мои далекие и близкие родственники, принадлежащие роду-воршуду Эгра. Здесь моя Земля обетованная. Господь сподобил мне здесь родиться, если будет Его воля, здесь и покоиться. Нет уже здесь родного очага, но мое сердце, мои думы, красивые воспоминания тысячами невидимых нитей связаны с родной деревней Эгра, утопающей в зелени садов, со звенящими родниками, тихо журчащей речушкой Улек, орешниковой горой Тульгельдй» [6], – такие исповедальные слова вылились из сердца писателя, ученого, священнослужителя на святой горе Синай, когда он (в 1994 г.) с паломнической группой православных христиан из России, Украины, Молдавии и из других стран бывшего Советского Союза посетил святые места Ближнего Востока, Европы, Африки – в Израиле, Греции, Турции, Египте, на Кипре.

В день великого праздника души, на одном из самых святых мест на Земле, где сам Господь Саваоф Миродержитель, Творец неба и земли – через пророка Моисея дал 10 заповедей, преобразивших темный языческий мир божественным светом жизни, протоиерей Михаил Атаманов вновь обращается к матери, родному народу и всем христианам с радующими душу благодарственными словами:

«Боже мой, какая радость, какая благодать! Был ли и будет ли когда-нибудь в моей душе такой великий праздник? Мама, милая мама, знаешь ли

ты, видишь ли ты, где я побывал? Радость, радость! В этот час, в эту минуту я был, наверное, самым счастливым человеком на земле. Родина моя, край удмуртский, родной удмуртский народ и все братья и сестры во Христе, во всей Земле, я вас так люблю... Мне кажется, что сегодня я находился под кровом Всевышнего, под рукой Всемогущего Бога, но только я своими грешными глазами не видел Его крыл. Он был так близок нам. Когда радость на душе, Он – с нами. Он видел, как мы, чуть не на коленях ползли на святую гору Его, а теперь – спускаемся» [7].

К своему 60-летию Михаил Атаманов подарил родной деревне книгу-монографию под названием «Песни и сказы ушедших эпох – Эгра кырза, Эгра вера» [8]. Ее можно назвать энциклопедией жизни одной деревни. Здесь есть все: историческая, экономическая, этнографическая справки-характеристики Старой Игры; приводятся нотированные обрядовые, гостевые, хороводные, лирические песни с краткими комментариями, а также легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки; обычаи и обряды даются в качестве образцов в транскрибированном виде; полно описываются диалектные особенности говора жителей деревни, дается словарь диалектной лексики; записаны микропонимы – названия полей, лугов, ложбин, рек, родников, дорог, улиц, всех частей деревни – 172 названия (ныне в других местах молодежь помнит лишь 10–20 названий). Приводятся патронимы жителей деревни. В конце книги публикуются материалы переписей по Старой Игре за 1710–1716 и 1949–1951 годы, дающие много ценной информации из прошлой жизни староигринцев. Стараниями Михаила Атаманова в его родной деревне был выявлен археологический памятник Каргурезь (рус. ‘городищенская гора’), относящийся к эпохе великого переселения народов (IV–VIII вв.).

Этот глубоко научный труд написан рукой писателя-лирика. Какую бы часть книги мы ни взяли (даже в главе о микропонимах Вуж Эгры), присутствуют лирические отступления, как, например, обращение к топонимистам, краоведам и ко всем, кому небезразлична судьба Отечества: «Итак, дорогие друзья, я приглашаю вас в путешествие в чудесную страну под названием Топонимия. Для начала ознакомимся с микропонимией конкретно одного населенного пункта – деревни Старая Игра Граховского района. Давайте пройдемся по ухоженным полям колхоза «Родина» от Верхнеигринской (Пуклэпросег) до Ильинской межи (Элькагуртпросег)...; прошагаем по вытоптаным лугам вдоль рек и речушек, взберемся по крутым косогорам на орешниковую гору Тульгельдй, войдем в рощу, поднимемся в сосновую посадку на горе Пышкизён, там и отдохнем: знали бы вы, какой там воздух! Попьем кристально чистую воду из горного родника Ческытошмес. После отдыха ознакомимся с древними историческими и культовыми местами; пройдемся по двухкилометровой улице, по многочисленным переулкам и улочкам одной из старинных, добротных удмуртских деревень.

Возьмите с собой ручку, блокнот и запишите все сохранившиеся названия географических объектов деревни Старая Игра – удивительно красивые, звучные названия... Они очень важны и нужны для изучения истории, языка, этнографии, археологии, культуры родного края. Уверяю вас: у вас [в ва-

шем родном населенном пункте тоже] ничуть не меньше и не менее звучные микротопонимы, чем в Старой Игре. Только не медлите, торопитесь, время бежит с космической скоростью, все сметая на своем пути, унося с собой в мир безвременья и забвенья» [9].

В «Словаре диалектной речи» М. Атаманов приводит материалы из родного фольклора, народные изречения, обороты, приметы: *адямиез эрыксыр карын зеч өвөл* 'нехорошо неволить человека'; *өнередлэсь палэн кенер уд кут* 'выше своего мастера и изгородь не поставишь'; *өвөллы баесь* 'на нет (на бедность) богатые'; *акашка дырря шунды шыдэ* 'на Пасху солнце играет' и др.

А как умирительно описывается прием гостей в Старой Игре, вождение по домам односельчан – песни, пляски, шутки, прибаутки... В такой глубоко национальной обстановке прошли детские и отроческие годы автора книги. Он видел это своими глазами, был участником церемониалов (проводы его самого в армию), свадеб. Он помнит любимые мелодии моих бабушки и дедушки – с ними вместе гостевал, и, как любознательный человек, глубоко любящий народные традиции, отразил на страницах книги:

...Итак, началось пение, как в опере: песня – ответ, песня – ответ. Оно больше не остановится до отъезда гостей. Поют день и ночь. Всем хочется спеть хоть один куплет – с песней приветствовать гостей, благодарить гостеприимных хозяев. Кому-то уже не стерпелось, с одновременно за столом поющими, уже около дверей стоящие односельчане и старушки в женской половине, возле печи сидящие, запели певучую задушевную мелодию – песню своей молодости. Жди, когда очередь до тебя дойдет! Поет весь дом – звучат слова благодарения, призывы к совместной, неразлучной жизни, – песни семейно-родового этикета удмуртов...

Заиграл гармонист, запел задорную плясовую, – в такт мелодии при- таптывает ногами, звенят подвешенные к ногам бубенчики. Пыль столбом стоит. Первым выходит на перепляс гостя, за ней – другие: «*Экто али, экто али, эктэмьёсы туж потэ! Та люкаськем калыкёсын тодмаськеме туж потэ*» [Выйду, выйду да спляшу-ка, невтерпеж, как хочется сплясать! С этим, собравшимся народом, невтерпеж, как познакомиться хочется!].

Каждому хочется перед гармонистом покрасоваться своей неповторимой пляской. Даже старушки не выдерживают, проталкиваются через толпу к плясунам – к пляшущему, поющему, хлопающему кругу – приплясывают на месте, хлопают в ладоши, а дети, услышав плясовую, прыгают, приплясывают во дворе, на улице.

А хозяйка соседнего дома во всеуслышание уже зазывает гостей к себе: «К нам, в балаган, к нам в балаган!». И пошли, и поехали..., деревня большая, родственников много, каждый хочет пригласить... [10].

Так представлена натуральная сцена удмуртского обряда гостевания. Таков он наш земляк – ученый и писатель Михаил Гаврилович Атаманов, Эграпи Гавир Микаль, публицист, проповедник, лауреат международной литературной премии «Программы родственных народов Эстонии» за 2009 год, член Финно-угорского общества (Финляндия), удостоенный государственных и церковных наград.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов, М.Г.* Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 35–41.
2. *Эграпи Гавир Микаль.* Тангыра. – Ижкар, 2008. – С. 5; 8.
3. *Атаманов, М.* Мынам Эграе // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1972. – 13-тй май. – С. 3.
4. *Эгранов, М.* Кен ваён // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1972. – 8 сентябрь. – С. 3.
5. См.: *Диакон Михаил Атаманов.* Ньль зарезь пыр – Иерусалиме. – Ижкар, 1994. – С. 7.
6. *Диакон Михаил Атаманов.* Ньль зарезь пыр – Иерусалиме. С. 31–32; *Атаманов-Эграпи, М.Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск, 2005. – С. 5.
7. *Протодиакон Михаил Атаманов.* Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 50.
8. *Атаманов-Эграпи, М.Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. С. 248.
9. Там же. С. 147.
10. Там же. С. 42–43.

Поступила в редакцию 28.10.2010

I.M. Krestyaninova

Image of the small motherland – Egra – in the works of M.G. Atamanov-Egrapi

The image of the small motherland runs through the works of the famous scientist, specialist of Finno-Ugric culture, writer, priest Mikhail Gavrilovich Atamanov: Egra is his vorshud, originated from the ethnonym ugra; Egra is the name of his home village (Udm. Vuzh Egra, Rus. Old Igra) in the Grakhovski district. He loves and glorifies his small motherland and it is no coincidence that he adds to his last name the epithet Egrapi – ‘the son (descendant) of Egra’.

Key words: Egra, Egrapi, small motherland, writer, scientist, translator of Bible.

Крестьянинова Ирина Михайловна,
студентка 3 курса факультета удмуртской филологии,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

М.Г. Иванова

**ИДНАКАРСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГЕНЕЗА УДМУРТОВ**

Рассматривается информационный потенциал иднакарского комплекса памятников, наиболее полно отражающего заключительные этапы формирования удмуртского народа.

Ключевые слова: Прикамье, городище Иднакар, округа, центр этносоциального образования, этапы освоения чепецкого бассейна, хронологические определения.

Междуречье Вятки и Камы, ограниченное с севера бассейном Чепцы, традиционно признается территорией формирования и развития удмуртов с древнейших времен, о чем убедительно свидетельствуют материалы устного народного творчества, топонимии, археологии. В период средневековья здесь определяются четыре локальных варианта, но информативный потенциал их далеко не равноценен. Особенно богатое историко-культурное наследие выявлено в среднем течении р. Чепцы, где сосредоточены разнообразные археологические памятники, отражающие заключительные этапы формирования удмуртского народа: крупные городища, селища, погребальные памятники, клады монет и серебряных изделий [1; 2]. Многие из них известны с конца XIX в. со времени выхода в свет работ А.А. Спицына [3] и Н.Г. Первухина [4] с первыми систематизированными сводами. В 1926–1930 гг. здесь провели исследования А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев. С выходом серии работ А.П. Смирнова, обобщенных в его монографии «Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья» [5], памятники бассейна р. Чепцы стали эталоном удмуртских древностей эпохи средневековья. Планомерные исследования Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. под руководством В.Ф. Генинга, значительно расширили круг ранее известных источников. Именно этот регион стал основным объектом исследований археологического подразделения, созданного в УдНИИ при СМ УАССР в 1969 г. [6]. В результате обширных разведочных работ, систематических раскопок и благодаря оперативной публикации новых материалов, памятники региона, объединяемые в полемскую и чепецкую культуру, хорошо

известны специалистам и широкому кругу людей, интересующихся историей и культурой народов Поволжья и Урала.

В последние десятилетия в результате раскопок городищ и погребальных памятников широкими площадями создана обширная источниковая база, углублена разработка направлений, намеченных предшественниками. Наиболее ярким памятником, предоставившим возможности глубже, объемнее и нагляднее раскрыть различные аспекты жизнедеятельности населения, является городище Иднакар IX–XIII вв. За 37 лет исследований этого уникального памятника археологической экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР (ныне РАН) выявлен характер слоя и сооружений на всех структурных частях памятника, установлены принцип планировки и особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, раскрыты многие аспекты материальной и духовной культуры. Богатейшие материалы позволили раскрыть особенности развития укрепленных поселений Прикамья на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы [7; 8]. Сегодня Иднакар – один из немногих памятников финно-угорского средневековья, наиболее полно охваченных раскопками, памятник, который позволил открыть бесценные источники для более глубокого понимания фундаментальных проблем истории культуры финно-угорского средневековья. Важно и то обстоятельство, что параллельно проводились исследования округа городища. В настоящее время здесь известны 4 селища, функционировавшие в VIII–XIII вв., но они разрушены пахотой. Попытки исследования некоторых из них пока не дали реальных материалов. В пределах 5-километровой зоны Иднакара зафиксировано несколько местонахождений предметов и кладов [9].

Из погребальных памятников в большей степени известен *Солдырский могильник Чешшай* VIII–XIII вв., расположенный между городищами Иднакар и Сабанчикар. Он исследовался в 1894–1902 гг. И.Н. Смирновым и И.А. Износковым, в 1928 г. – С.Г. Матвеевым (36 погр.), в 1930 г. – А.П. Смирновым (52 погр.), в 1980–1981 гг. – М.Г. Ивановой (23 погр.). Это один из крупнейших могильников Прикамья, функционировавший на протяжении 5 столетий. К сожалению, его не удалось сохранить и исследовать в полной мере. Но заложен он был, по всей вероятности, еще до начала заселения Иднакара, возможно, обитателями Солдырского городища Сабанчикар, и функционировал до XIII в. [10].

Солдырский II могильник Бигершай XIII–XIV вв. изучен в 1988–1989 гг. А.Г. Ивановым. На площади 153 кв. м исследовано 7 захоронений, располагавшихся двумя нечеткими рядами [9, с. 109–114; рис. 3, 4]. Все погребения нарушены. Судя по отдельным костям, располагавшимся в первичном антропологическом порядке, погребенные лежали вытянуто на спине, головой на В, ВСВ, СВ. Вещевой материал небольшой: железные пряжки, нож, кресало, бусы, обломок браслета, глиняные лепные сосуды.

Солдырский III могильник, обнаруженный в 2000 г., расположен в 200 м к СВ от третьей (внешней) линии обороны городища, то есть буквально рядом с Иднакаром. Материалы его в полной мере еще не введены в научный оборот, комплекс вещевого материала укладывается в хронологические рамки XI–XII вв. Могильник, безусловно, оставлен населением городища Иднакар определенного,

возможно, наиболее активного периода функционирования. Северо-западный край памятника интенсивно разрушается обрывом; допустимо предположение о большей площади памятника и вероятности его функционирования более длительный период [11].

Солдырский IV (Иднакарский II) могильник занимает участок склона внешней площадки городища. Он обнаружен и изучен в 1989–1990 гг. при раскопках площадки между внешним и средним валами. Вскрыто 11 безынвентарных могил взрослых и детей. Предположительно, он является удмуртским кладбищем XVIII–XIX вв. [12, с. 11; рис.7].

Детальный анализ характера связей городища с материалами окружающих его памятников еще предстоит, сейчас же можно констатировать, что впервые в бассейне р. Чепцы получен наиболее полный комплекс целого куста средневековых памятников, включающего крупнейшее городище, ряд могильников и селищ и открывающего некоторые возможности комплексного изучения этапов освоения территории, углубленного изучения особенностей микрорегиона, отдельных аспектов расселения, демографии и др. В то же время неудовлетворительная сохранность памятников в значительной мере затрудняет полноценные исследовательские процедуры. Тем не менее, уже сейчас можно говорить о весьма плотной заселенности округа Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, что является дополнительным аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности.

Значимость материалов округа усиливается тем, что комплексы памятников начала II тысячелетия на Чепце были малоизвестны, за исключением Весьякарского, включающего городище, могильник и селище [13; 14]. Как правило, возле городищ могильник или неизвестен, или разрушен, а возле крупных могильников не обнаружены поселения, хотя материалы известных селищ и погребальных памятников чепецкого бассейна не только сопоставимы, но и во многом схожи, а формы основных орудий труда, предметов вооружения и быта, многих украшений и даже предметов импорта совершенно идентичны.

Развитие Иднакара в течение 4 столетий с многократным расширением территории, а также усилением фортификационных возможностей свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил и демографическом росте населения, об укреплении внутреннего потенциала общества. Углубленное изучение ряда категорий источников методами естественных наук убедительно показывает наличие мощных внутренних ресурсов для поступательного развития железообработки [15; 16], обработки цветных металлов со многими технологическими операциями и высокоразвитого косторезного ремесла.

Сравнительный анализ наиболее крупных городищ Прикамья (Иднакара, Анюшкара, Рождественского и Елабужского), близких по форме площадок, топографии, размещению открытых поселений и погребальных памятников в округе, подтверждает их развитие в русле градообразовательных процессов средневековья [17; 18; 19; 20; 21]. Но в раскрытии основных факторов их формирования, в оценке степени влияния государственных объединений на процессы

развития решающими остаются материалы городища Иднакар, изученного наиболее полно.

Есть основания полагать, что расположенный в центре чепецких земель Иднакар с самого начала основан как центр этносоциального образования, при возведении которого были максимально учтены топографические особенности мыса, позволявшие контролировать окружающую территорию и расширять его площадку.

Анализ огромных фондов источников убеждает, что развитие Иднакара было обусловлено преимущественно потребностями внутреннего развития общества и что экспорт в сравнении с импортом в целом менее выразителен. Относительная удаленность от международных торговых путей, с одной стороны, не способствовала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой – позволяла в тот период сохранять относительную независимость и этническое своеобразие вплоть до середины XIII в. Закономерным следствием внутреннего развития удмуртского общества в том периоде являлось то, что в материалах Иднакара археологические признаки-критерии, определяемые для древнерусских городов, проявляются в ослабленной форме.

Можно отметить особенности и в соотношении функций структурных частей поселения: внутренняя часть, соответствовавшая детинцу древнерусских городов, представляла собой не только резиденцию князя, но и средоточие ремесла (кузнечного, ювелирного, косторезного). С застройкой в кон. XI–XIII вв. территории между валами доля ремесленного производства на внутренней и средней частях, по всей вероятности, сократилась, о чем могут свидетельствовать как значительное уменьшение доли орудий кузнецов-ювелиров в верхних горизонтах, так и преимущественно производственный и хозяйственный характер сооружений внешней части. Во II пол. XIII в. жизнь на Иднакаре угасла, внутренние процессы развития были прерваны, формирование городских черт, как и у других финно-угров, завершения не получило.

Качественно новые источники позволили в последние десятилетия внести существенные коррективы в прежние хронологические определения. Наряду с Иднакарским комплексом исключительно важное значение имеют результаты исследований ряда погребальных памятников, особенно – полностью вскрытого Кузьминского могильника. Детальный анализ его материалов позволил уточнить хронологические рамки ранее известных могильников. 32 погребальных памятника IX–XIII вв. подразделяются на две хронологические группы. Ранняя – включает могильники Солдырский Чемшай, Адамовский Бигершай, основную часть Весьякарского Бигершай, Омутницкий, Подборновский, часть Варнинского могильника. Эти памятники, содержащие орнаментированную керамику и вещевой инвентарь IX–XI вв., непосредственно восходящий к полоумским традициям, сосредоточены в среднем правобережье Чепцы. Другую группу составляют могильники с неорнаментированной керамикой и инвентарем XI–XIII вв., расположенные как в центральных районах бассейна Чепцы, так и на окраинах, в значительном отдалении от городищ: Кузьминский (273 погр.), Маловенижский (89 погр.), Чиргинский (46 погр.) и др. Качкашурский, Солдырский и Весьякарский могильники содержат материалы раннего и позднего периодов, объединяя обе группы в одну [22].

Материалы погребальных памятников находят подтверждение в эволюции городища Иднакар, функционирование которого характеризуется двумя основными периодами: IX–XI и XI–XIII вв. [7, с. 62–65, 69–70, 78–80; рис. 27]. Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки позволило в последнее время выполнить более детальный анализ содержания культурных напластований и выделить четыре уровня планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования средней части городища [23; 24; 25]. Нижний уровень планировки, безусловно, функционирует в X в., хотя не исключено начало освоения площадки и в конце IX в.; следующий уровень – в X–XI вв.; третий – в пределах XI–XII; самый поздний – XII – XIII вв. Таким образом, достаточно определенно выстраивается последовательность развития с X по XIII в., но границы между ними размыты. С известной осторожностью можно предположить, что уровни планировки функционировали примерно на протяжении столетия.

Итак, многолетние планомерные исследования памятников бассейна р. Чепцы кон. I – нач. II тысячелетия и выразительные комплексы этноопределяющих категорий материалов убедительно свидетельствует о формировании здесь довольно устойчивого этносоциального образования северных удмуртов. В его развитии прослеживаются три основных этапа. В период раннего средневековья (поломская культура V–IX вв.) были заселены верховья реки (преимущественно правобережье) родственными группами населения с Верхней Камы и Вятки – потомками создателей пьяноборской и гляденовской культур, сложившихся на ананьинской основе.

В кон. IX – перв. пол. XI в. осваивается среднее течение бассейна р. Чепцы, здесь возводятся новые крупные городища Иднакар, Гурьякар, Учкакар, Дондыкар и др. В материалах четко прослеживаются традиции поломского времени. Высокая концентрация памятников на этой сравнительно небольшой территории свидетельствует о том, что в силу глубоких социально-экономических процессов и, очевидно, благодаря удобным ландшафтно-географическим условиям средняя Чепца выделилась в более или менее замкнутый, демографически насыщенный регион с интенсивной экономической жизнью. Уже в этот период в качестве центра выдвинулось самое крупное поселение, расположенное посреди чепецких земель и связанное удобными водными путями по р. Чепце, Вятке, Каме, Волге с южными и северо-западными землями, через правые притоки – с Верхней Камой и Севером, через левые – с южно-удмуртскими группами. Население состояло из системы общин с аграрно-ремесленными центрами Гурьякар, Учкакар, Дондыкар, Весьякар и др. (всего не менее 10). В качестве общего центра выступало городище Иднакар со своей округой, где могла быть сосредоточена верховная власть в руках вождя-предводителя (*эксэй, кун*), наделенного военными, судебными и, возможно, религиозными (жреческими) функциями [26, с. 282–283]. Однако собственные структуры организованной власти оказались недостаточными для того, чтобы стать факторами этнической консолидации всех групп удмуртов в общность типа народности.

Основное содержание третьего периода (XI–XIII вв.) составляют: активное освоение верховьев правых и левых притоков Чепцы в результате дальнейшего развития экономики и возрастания общего количества населения; расширение территории основных центров; стабилизация характерных черт культуры населения, ее дальнейшая этническая дифференциация. В глубинных районах этнической территории городища уже не возводились, а основывались открытые селища.

В этот период чепецкое население вступало с различными народами во взаимодействие, по своим результатам неоднозначное для развития культуры и этноса: от осевших на чепецкой земле единичных вещей – до усвоения новых элементов в материальной и духовной культуре и заимствований в языке. Но они не меняли общего пермского характера культуры. Именно этот период (нач. II тысячелетия н. э.) в материальной и духовной культуре формируются основные этнические черты, происходят изменения в экономике, выразившиеся в росте удельного веса пашенного земледелия в комплексном хозяйстве, и в развитии металлургии, кузнечного и ювелирного ремесел, домашних производств. И в то же время характер культуры, несомненно, близок кругу синхронных памятников пермоязычных коми народов, оставивших родановскую и вымскую культуры.

Этот период интенсивного внутреннего развития чепецких удмуртов продолжался не менее 3 столетий. Но затем крайне неблагоприятная внешняя ситуация, сложившаяся в середине XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и вызванными им перемещениями населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Иванова, М.Г.* Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. – Ижевск, 1979. – С. 115–143.

2. *Иванов, А.Г., Иванова, М.Г., Шутова, Н.И., Останина, Т.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск, 2004.

3. *Спицын, А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – Т. I. – М., 1893. – 192 с.

4. *Первухин, Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. – Т. II. – М., 1896. – 261 с.

5. *Смирнов, А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1952. № 28. 276 с.

6. *Иванова, М.Г.* Исследования Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (1969–2003 гг.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 30–40.

7. *Иванова, М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.

8. *Иванова, М.Г.* Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований-08. – 2009. – С. 171–181.

9. *Иванов, А.Г.* Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 106–130.

10. *Иванова, М.Г.* Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. – С. 4–24;

11. *Иванова, М.Г.* Исследования Иднакарского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2008. – С. 175–184.

12. *Иванова, М.Г.*, Городище Иднакар IX–XIII вв.: Материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск, 1995. – С. 4–55.

13. *Генинг, В.Ф.* Могильник чепецкой культуры у д. Вельякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. – Ижевск, 1979. – С. 87–106.

14. *Семенов, В.А.* Городище Вельякар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Ижевск, 1985. – С. 48–77.

15. *Завьялов, В.И.* Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УдНИИ АН СССР, 1988. – С. 119–142.

16. *Завьялов, В.И.* История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. – Ижевск, 2005. – 244 с.

17. *Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008.

18. *Ленц, Г.Т.* Исследования Кыласовского комплекса археологических памятников // Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. – Ижевск, 2000. – С. 328–332.

19. *Нигамаев, А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. – Казань, 2005. – 228 с.

20. *Иванова, М.Г.* Особенности формирования и развития укрепленных поселений Прикамья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы Всеросс. конф. – Сыктывкар, 2007.

21. *Иванова, М.Г.* Средневековые городища Прикамья: новые результаты и перспективы исследований // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества: Материалы Всеросс. науч. конф. (XIII бадеровские чтения). – Ижевск, 2010. – С. 90–98.

22. *Иванова, М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – 184 с.

23. *Иванова, М.Г., Журбин, И.В.* Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 68–79.

24. *Иванова, М.Г., Степанова, Г.А.* Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всеросс. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 238–263.

25. Иванова, М.Г., Степанова, Г.А. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 29–44.

26. История Удмуртии с древнейших времен до XV века. – Ижевск, 2007.

Поступила в редакцию 30.09.2010

M.G. Ivanova

Idnakar complex of monuments in the context of the Udmurts ethnogeny

Informational potential of idnakar complex of monuments which reflects the final stages of the Udmurt people forming more complete, is considered.

Key words: the Kama region, site of ancient settlement Idnakar, districts, centre of ethnosocial education, stages of the Chepetsk basin developing, chronological definitions.

Иванова Маргарита Григорьевна,

доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь,

Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: adm@ni.udm.ru

УДК 2-23

Г.С. Харин

АПОСТОЛЬСКИЕ ТРУДЫ ОТЦА МИХАИЛА

Дается характеристика миссионерской деятельности отца Михаила в сравнении с аналогичной работой славянских первосвятителей Кирилла и Мефодия, а также – оценка научного и художественного творчества Михаила Атаманова.

Ключевые слова: библейская и богослужебная литература, переводческая деятельность, миссионерская деятельность, национальный удмуртский эпос.

По милости Божией ко всем народам мира, не исключая и древнейший, многочисленный народ России – удмуртов, и по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, наш юбиляр протоиерей, в то время – диакон, Михаил Гаврилович Атаманов 24 апреля 1991 года приступил к переводу Библии на удмуртский язык совместно с сотрудниками Института перевода Библии из Хельсинки (Финляндия), тогда – филиала Стокгольмского Института перевода Библии (Швеция), директорами которых являются наши глубокоуважаемые гости Анита Лааксо и доктор Бронислав Кальчевич.

Библия – это богодухновенная, священная книга, Книга книг, самая читаемая и самая распространенная во всем мире. Народы, имеющие переводы Священного Писания на разных языках, относятся к высокоразвитым, цивилизованным, выполнившим самый главный и последний завет нашего Господа Иисуса Христа, данный им ученикам-апостолам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари», то есть всем народам мира (Мк.16:15; Мф.28:19).

По сведениям доктора Б. Араповича, к концу XX в. количество языков, на которые была переведена Библия, уже достигло цифры 1848, из них: на 301 – полная Библия, на 633 – Новый Завет и на 914 языков, по меньшей мере, одна из Книг Библии. На сегодня всего лишь около 2 % населения земного шара не имеют ни одной книги Библии на своем языке (Арапович, Б. Предисловие ко второму изданию // Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. – Второе издание Института перевода Библии. – Стокгольм, 1987).

Дорогие братья и сестры, сегодня мы всем здесь присутствующим можем сообщить радостную весть: в начале этого года отец Михаил Атаманов с Божией помощью завершил перевод всей Библии на родной удмуртский язык. К этому времени изданы большими тиражами все книги Нового Завета и часть Ветхого Завета: Псалтирь, книги некоторых пророков, Книги Царств и др. Все они разошлись по рукам благочестивых удмуртских христиан.

Благодарные удмуртские читатели книг Священного Писания, проповедей, им составленных, духовной литературы, им написанной, называют о. Михаила апостолом, сравнивают его со св. Стефаном Великопермским – просветителем коми-зырян, Виклиффом – переводчиком Библии на английский язык, Кириллом и Мефодием – просветителями славян, а финские христиане – Неемией и Агриколой – просветителями финского народа, переводчиками Нового Завета на родной язык.

Самая высшая оценка его трудам на ниве Христовой дана самим Патриархом. Как пишет Владыка Николай, «Я недавно (в 2005 г.) встречался со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II по случаю награждения протодиакона Михаила Атаманова медалью; он сказал, что труды протодиакона Михаила Атаманова знает, и он, как и мы, говорит: “Отец Михаил – апостол Удмуртии”» (*Архиепископ Ижевский и Удмуртский Николай. К моему приезду... // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 3–4*).

Мне, как и протодиакон Михаил Атаманов, священнослужителю РПЦ и ученому, преподавателю УдГУ, где мы с ним трудимся на историческом факультете, ближе и дороже сравнение его переводческой и проповеднической деятельности с трудами просветителей славянских народов Кирилла и Мефодия, а также святителя, просветителя коми народа св. Стефана Великопермского, ведших по благословию Самого Господа апостольские дела в среде вверенных им языческих племен и целых народов.

Собственно говоря, и о наших вышеназванных святых отцах-просветителях имеется весьма неполная и противоречивая литература. За прошедшие столетия исчезли их главные труды – первоисточники, сохранились лишь рукописи, написанные рукой их последователей, и то лишь малая часть. До сих пор нет ясности, кто из солунских братьев перевел полную Библию (за исключением книг Маккавейских) на славянский (болгарский) язык: один ли св. Мефодий, или же с братом – св. Кириллом. В последнее время берет верх тенденция в пользу второго предположения, хотя ряд древних источников указывает только на св. Мефодия. Противоречиво мнение и о национальной принадлежности просветителей славянских племен: одни утверждают, что они были греками, в совершенстве владевшими болгарским (славянским) наречием, другие – что они были славянами, владевшими греческим языком.

Самый главный вопрос в рамках затронутой темы: что дал и дает перевод Священного Писания на национальные языки, в частности, на славянский, удмуртский и другие языки народов мира? О славянском переводе и его роли в жизни славянских народов существует огромная литература. В обобщенном виде оценка роли и значения перевода солунских братьев дается митрополитом Московским и Коломенским Макарием (Булгаковым), автором многотомного

фундаментального труда по истории Русской церкви: «Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благотворнейшие, как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величественен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово. Вот почему везде, куда только ни проникал перевод солунских братьев [Кирилл и Мефодий], славяне встречали его с восторгом, как что-то особенно родное и близкое их сердцу, как что-то такое, в чем впервые узрели они самих себя в самом лучшем виде» (Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 191).

«В дохристианские времена народные массы славянского населения пребывали в крайнем невежестве и грубости, умы всех были окружены густейшим мраком древних языческих суеверий, были скованы вековыми предрассудками. И вдруг столь бедному, почти ничего не ведающему народу дается книга Божественного Откровения! Книга, которой самое название – рассеять мрак языческих заблуждений, освободить людей от вековых предрассудков и просветить всех самыми чистыми понятиями о Боге, мире и человеке, дается такая книга, а вместе с нею и многие другие, ее объясняющие, на языке, понятном для всех и каждого! Можно судить, какой великий переворот должен был совершиться тогда в умах славянских поколений», – пишет Его Высокопреосвященство Митрополит Макарий (Там же. С.192).

Прежде чем говорить об апостольской деятельности протодиакона Михаила Атаманова, для сравнения хочу привести список известных трудов по переводу библейской, богослужебной литературы славянских первосвятителей Кирилла и Мефодия, а затем – отца Михаила.

Переводы библейской, богослужебной, духовной литературы	
на славянский язык	на удмуртский язык
Кирилл, Мефодий и их помощники-ученики	протоиерей Михаил Атаманов: I. Переводы, изданные на удмуртском языке:
1. Евангелие и Апостол	1. Евангелие от Марка (1991 г. – 67 с.)
2. Служебник вместе с Требником	2. Четвероевангелие (1992 г. – 275 с.)
3. Часослов вместе с Псалтырью	3. Псалтирь (1994 г. – 182 с.; 1999 г. – 224 с.)
4. Октоик, или осмогласник	4. Деяния апостолов (1996 г. – 118 с.)
5. Минея общая	5. Новый Завет (1997 г. – 773 с.)
6. Паремейник	6. Паремии (2003 г. – 193 с.)
7. Устав	7. Святое Евангелие: служебное (2003 г. – 278 с.)
8. Все Священное Писание, кроме книг Маккавейских (? св. Мефодий) (Там же. С. 178–191).	8. Книга пророка Ионы (2004 г. – 20 с.)

	9. Книга Иова (2007 г. – 72 с.)
	10. Книга пророка Исаии (2005 г. – 140 с.)
	11. Книги Царств (2006 г. – 332 с.)
	12. Детская Библия (2001 г. – 542 с.) [В феврале 2010 г. завершен перевод всей Библии на удмуртский язык (переводчик протоиерей Михаил Атаманов, богословский редактор Марья Картано; вся библейская литература издана на средства финских христиан)]
	II. Переведена, издана богослужебная и другая литература, используемая Православной Церковью (без помощи финских христиан)
	1. Молитвослов (1994–1998 гг. – 64 с.; переиздавался 7 раз)
	2. Акафистник (1994 г. – 75 с.)
	3. Часослов. Молитвы и песнопения (1998 г. – 137 с.)
	4. Каноны. Молитвы. Песнопения (2000 г. – 148 с.)
	5. Литургия по чину св. Иоанна Златоустаго (2001 г. – 80 с.)
	6. Великая вечерня. Утренняя (2003 г. – 193 с.)
	7. Последование панихиды. Чин последования погребения (Ижевск)
	8. Книги с проповедями: 1) Инмаре, жаля монэ, съолькоез [Боже, милостив буди мне грешному] (1995 г. – 76 с.); 2) Оскон. Оскиськон. Яратон [Вера. Надежда. Любовь] (2007–2008 гг. – 304 с.) [Протоиереем Михаилом Атамановым написан, издан ряд книг с очерками, рассказами на духовную, нравственную тематику: 1) «Нъиль зарезь пыр – Иерусалиме» [За четыре моря – в Иерусалим] (1994 г. – 52 с.); 2) Кылё тодэм калыкъёс [Остаются знаемые люди] (о благочестивых христианах Удмуртии) (2004 г. – 148 с.); 3) Мой путь с Библию (1999 г. – 164 с.; переведена на финский язык); 4) К источнику жизни [Улонлэн ошмесэз доры] (2008 г. – 232 с.); 5) Мон – удмурт. Малы мыным вӧсь?» [Я – удмурт. Отчего мне больно?] (2007 г. – 104 с.); 6) «За четыре моря – в Иерусалим» (2010 г. – 110 с.); опубликовано более 200 статей по этой тематике

Апостольская деятельность о. Михаила:

1) в течение 13 лет (с 1991 по 2004) по республиканскому радио 2 раза в месяц о. Михаил вел радиопроповеди на евангельские темы с духовными песнями на удмуртском языке;

2) с 2000 по 2010 год в республиканской газете «Удмурт дунне» вел страницу «Оскон. Оскиськон. Яратон» [Вера. Надежда. Любовь];

3) выступал на республиканском телевидении на духовные темы, давал интервью, а также читал Пасхальные и Рождественские послания правящего Архиеерея Ижевской Удмуртской Епархии Митрополита Николая, которые о. Михаил переводил на удмуртский язык;

4) публиковал статьи, давал интервью в республиканской, российской, международной печати. В 1990-е гг., во время расцвета новоязычества в Удмуртии и в других регионах России, о. Михаил фактически один в удмуртской печати вел дискуссию с лидерами проязыческого движения в защиту христианства и Православной церкви. Было немало нападок и со стороны «лжебратьев», подвизающихся в Православной церкви;

5) выпустил более тысячи аудиокассет с проповедями и духовными песнями на удмуртском языке;

6) благодаря стараниям о. Михаила в одном из храмов Ижевска начались службы на удмуртском языке. По его переводам читаются Евангелие, Апостол, Шестопсалмие, поются тропари и духовные песни и в некоторых других церквях Удмуртии и в Татарстане.

От трудов, выполненных в IX в. святыми Кириллом и Мефодием, до наших дней сохранилось то, что мы указали в списке. У нашего современника протодиакона Михаила Атаманова объем проделанной работы значительно больше. Кроме того, у славянских братьев, имеющих высокий сан и авторитет, было много помощников, учеников в выполнении возложенной на них божественной миссии в среде славянских племен.

Если библейская литература переводится отцом Михаилом, проверяется и редактируется богословским редактором из Института перевода Библии (Хельсинки, Финляндия) Марьей Картано и выпускается на средства финских христиан, то подготовка всей богослужебной духовной литературы от начала и до конца (то есть перевод, издание, поиск средств на этот, продажа, распространение) выполняется одним о. Михаилом. А на эти книги спрос большой: так, Каноник с Молитвословом переиздавался уже 8 раз.

Удивительно, как может один человек выполнить такой объем работы? Хотелось бы узнать: есть ли еще у какого-нибудь народа в мире такой подвижник, выполняющий одновременно перевод Библии и богослужебной, духовной литературы на родной язык, а в то же время занимающийся наукой, художественным творчеством и многими полезными обществу делами? На вопрос, что для него важнее, ценнее: перевод Библии, наука или художественное творчество – о. Михаил, не сомневаясь, отвечает: перевод Библии! На это многотрудное, но великое и святое дело, на редчайший труд у каждого народа мира избираются только единицы. Отец Михаил бесконечно благодарен Господу за то, что Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил его на перевод Библии на родной ему удмуртский язык (см.: С верой, надеждой, любовью... С. 111).

Обратившись к вопросу о качестве и нужности переводов книг священного Писания, богослужебной литературы, осуществленных протодиаконом Михаилом Атамановым с 1991 по 2010 год на удмуртский язык, дадим вначале слово самому народу верующему.

Вот одно из благодарственных писем: «Так красиво, чисто, со знанием всех тонкостей родного языка духовную литературу, как М.Г. Атаманов, до сих пор никто не переводил. В этом отношении удмуртскому народу повезло, хоть в этом плане я бы удмуртов назвала счастливым народом. Читая на родном, понятном языке Библию, человек получает не только знания, но, при этом, он меняет и свое мировоззрение. А я вот радуюсь и горжусь еще и тем, что мой родной удмуртский язык ничуть не хуже, ничуть не беднее самых развитых языков мира, если на этом языке можно переводить Слово Божие – Священное Писание, Богослужебную литературу. На этом языке можно передать самые тонкие нюансы переживаний человеческой души, философские рассуждения, говорить о мировоззренческих проблемах. В этом я убедилась, прочитав Новый Завет на удмуртском языке.

Язык – это фундамент, на основе которого живет, развивается этнос. У этой основы два крыла: разговорный и письменный языки. У письменного же языка непременно должны развиваться такие ветви: научная, художественная, деловая, религиозно-духовная литература. На мой взгляд, только по развитию художественной и религиозно-духовной литературы удмуртов можно отнести к группе народов с высокоразвитой языковой культурой», – пишет Раиса Куликова, известный в Удмуртии радиожурналист (*Куликова, Р. Мнение народа. Вопросы и ответы // Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 83*).

Чаще всего пишут и благодарят простые крестьяне, рабочие, пенсионеры – прихожане разных храмов Удмуртии. «Господь Бог послал и в нашу маленькую Удмуртию человека, который уже много сделал для своего народа. Как Бог послал Стефана Великопермского для просвещения зырянского народа, так и Он послал о. Михаила для просвещения удмуртского народа... Свое милосердие показал нам Господь. Слава Богу! Сколько книг мы уже прочитали по вашему усердию. При каждом чтении выходят слезы. Непонятным не остается ни одно слово, все до глубины сердца доходит...» – пишут прихожане ижевских храмов (*Виль Сйзён – Новый Завет – в руках народа // Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 63*).

«Я, как землячка и удмуртка, считаю за грех не поблагодарить отца Михаила за все его неоценимые труды, за его преданную любовь к своему удмуртскому народу. Этому святому делу он посвятил всю свою жизнь, умение, труд, здоровье. И это не красноречие, это можно увидеть и оценить по плодам его трудов – переводам на удмуртский язык книг Священного Писания: Четвероевангелия, Деяний апостолов, Псалтири, Нового Завета, Молитвослова, Каноника, Часослова, Божественной Литургии, духовных песен, духовной литературы и др. Имея под руками такое сокровище, чувствуешь какое-то достоинство за свою нацию, кажется, что через эти святые книги Сам Господь посетил наш народ. А сколько утешения верующим?! Моя односельчанка Александра (Санди апай) говорит: “Я теперь от души по три часа в день читаю ‘Новый Завет’ на родном удмуртском языке и все понятно, все до сердца доходит”» (*Батырева З.Н. Я, как землячка... // С верой, надеждой, любовью... – Ижевск, 2005. – С. 127–129*).

Таких благодарственных писем у о. Михаила накопилось немало. Они воодушевляют, окрыляют его на дальнейший труд по переводу книг Священного Писания и богослужебной литературы, написание очерков, рассказов и статей

на религиозно-нравственную тематику, на миссионерскую деятельность, которая высоко оценена нашей Русской Православной Церковью: протоиерей Михаил Атаманов награжден орденом во имя св. равноапостольного великого князя Владимира III степени (1994), медалью святителя Иннокентия Московского и Коломенского (2004), орденом преподобного Серафима Саровского III степени (2005). Отец Михаил имеет и государственную награду – президент Российской Федерации В.В. Путин вручил ему медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2000).

Святость труда на духовной ниве, который о. Михаил, с одной стороны, ведет на прославление имени Господа Вседержителя, а с другой – помогает народу избрать путь спасения души каждого для блаженной жизни в вечных обителях Отца Небесного, определяется не столько орденами и медалями, сколько искушениями. Как сталь плавится в мартеновской печи, так и крепость, истинность нашей веры, святость нашего труда во славу Божию, проверяется через многочисленные тяжкие испытания, искушения. Опыт церковной истории показывает: все переводчики Библии, богослужебной литературы прошли через горнило испытаний: их гнали, садили в темницы, убивали. Часто их жизнь проходила в тяжелых недугах, без помощи близких людей или родственников.

Мы знаем, что и о. Михаил не избежал сей участи. О некоторых из своих трудностях он пишет в книгах: *Искушения... // Мой путь в Библию* (Ижевск, 1999. – С. 65–82), *С верой, надеждой, любовью...* (Ижевск, 2005. – С. 97–102). На вопросы об искушениях, заданных ему игуменом Даниилом (Ишматовым) и журналистом-публицистом, доцентом УдГУ А.Г. Шкляевым и другими его читателями, о. Михаил пишет, что по выходе каждой книги начинается духовная битва, и если Господь не поддержит, не устоит ни один человек. К середине 1990-х гг. были переведены и изданы Четвероевангелие, Деяния апостолов, Псалтырь (пробное издание), Молитвослов, Акафистник, книга с краткими евангельскими проповедями, шли радио- и телепроповеди на евангельские темы, велись дискуссии с лидерами языческого движения о роли христианства и язычества в жизни удмуртского народа.

Как ни тяжелы действия недоброжелателей извне, но куда как тяжелее непонимание своих собратьев – священнослужителей. Один из бывших священнослужителей нашей епархии, кстати, выпускник худграфа УдГУ Антоний (Алексей) Малых (ученик главы языческой общины Удмуртии профессора С.Н. Виноградова), без благословения Владыки, начал вести непримиримую борьбу с переводами на удмуртский язык, и не только с переводами, но со всем удмуртским – языком, культурой, историей. Рассылал письма по церквям, монастырям не только Удмуртии, но и за ее пределы, вплоть до Патриархии, в газеты, журналы, неустанно выступал среди верующих, и его проповеди восприняла часть паствы. Это было невыносимо тяжело. Некоторые книги по его «благословию» запылали в кострах. После пережитых стрессов о. Михаил попал в больницу (см.: *Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию.* – Ижевск, 1999. – С. 65–82).

Как пишет о. Михаил, в эти тяжелые, скорбные дни приходили к нему искренне верующие удмуртские христиане и всячески поддерживали. Они говорили: «Радуйся, отец Михаил, ваши труды дошли до Неба, вот и диаволу тошно, он

тебе и мстит, он не хочет, чтобы люди с пониманием молились и спасали душу. Разве язык спасает, как говорит Антоний (“Надо изучать не ’родной кыл’ – национальный язык, удаляющий от Бога и ведущий в ад, а язык богослужебный (то есть церковнославянский), возводящий нас на небо”), а не вера и не добрые дела ли, как написано в Библии?! Держись, крепись, не унывай, молись за Антония, Владимира (ныне оба они находятся в расколе), они попали в дьявольское искушение и не знают, что творят» (Там же. С. 69, 70).

В дни великой скорби в Епархию пришел журнал «Православная беседа» со статьей проф. Владимира Журавлева «Похвала Кириллу и Мефодию», где подробно говорилось о великих искушениях первосвятителей славянских народов. За переводы, за богослужение на славянском языке они были гонимы. Святой Мефодий, возведенный в сан архиепископа Моравии и Паннонии, развернул вместе со своими учениками огромную работу по распространению славянского богослужения, славянских книг, письменности и школ. Это вызвало у немецких прелатов и епископов взрыв ярости (в те времена католическая церковь разрешала вести богослужение только на трех языках – древнееврейском, древнегреческом и латинском). В 870 г. св. Мефодия судили, два с лишним года он томился темнице. В то время славянские книги сжигали на кострах. В 890 г. папа Стефан VI предал анафеме славянские книги и богослужение. В 905 г. Моравия и Паннония были завоеваны мадьярскими племенами, славянское население ассимилировалось в их среде, многие ушли в другие места. Только несколько экземпляров уцелели от огня, их спасли бежавшие в Болгарию ученики св. Мефодия (*Журавлев, Вл. Похвала Кириллу и Мефодию // Православная беседа. – М., 1999. – С. 14–19.*

Еще в прошлом веке, когда Библия была переведена на русский язык, началось такое сражение, такая борьба, что стали напечатанные книги сжигать: несколько тысяч экземпляров Пятикнижия были сожжены в печах кирпичного завода. «Это темное пятно на том, кто выдумал сию меру и свою необдуманную ревностью увлек других», – писал святитель Филарет, митрополит Киевский (*Чистович А.И. История перевода Библии на русский язык. – М., 1997. – С. 117, 118.*

Перевод Библии на языки народов и доселе остается делом трудным и опасным. Так, в последние два десятилетия были убиты несколько миссионеров за проповедь Благой вести Христа Спасителя в Индии, Пакистане. Очень сильно сопротивление в мусульманских странах; идет борьба и среди языческих племен Африки, Полинезии, Латинской Америки. Не менее страшная и коварная борьба против Слова Божия идет в современном секулярном мире, не желающем жить по Божиим заповедям (*Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 71.*

В конце ушедшего, бурного XX века впервые в истории удмуртского христианства вышел Виль Сүзён (Новый Завет) 10-тысячным тиражом (в таком количестве удмуртская художественная литература никогда не издавалась, а ныне – тем более) и в течение двух лет весь тираж разошелся по рукам удмуртских христиан. И вновь искушение: ересь Антония Малых проникла в среду протестантских групп. Проповедники-харизматы по фамилиям Басалыко и Дегтярь, прибывшие с Украины, выпустили дешевую брошюрку и провели конференцию по поводу перевода Св. Писания на удмуртский язык. Ее организаторы, не знающие ни

языка, ни культуры, ни истории народа, приняли решение, что слово *Инмар* не соответствует христианскому (считай – харизматическому) понятию «Бог», поэтому нельзя молиться и произносить слово «Инмар». Только после обращения к главам протестантских церквей Финляндии и Швеции этот нелицеприятный спор постепенно угас. А судьба харизмата Ю. Дегтяря, как и Алексия Малых, шедших против Божьих заповедей, оказалась печальной.

А сколько искушений, испытаний выдержал отец Михаил при введении богослужения на удмуртском языке?! В течение многих лет он побывал в разных госучреждениях, добиваясь места под строительство храма для службы на удмуртском языке. По неизвестным нам причинам место так и не выделили, в то время как в Ижевске строятся мусульманские мечети, армянская церковь и протестантские молельные дома. Но по Божией милости, по молитвам и стараниям о. Михаила начались службы-литургии, Великой Вечери с Утреней в самом маленьком старом храме-часовне, именуемом в народе «Крестик». Была великая радость для удмуртских христиан. Народ уже не вмещался сюда, они начали просить большой, просторный храм – Никольский или Пантелеимоновский, стоящий закрытым в центре города. Со стороны власть имущих не было положительной реакции, тогда женщины-прихожанки поехали в Москву, в Патриархию. И вскоре удмуртские христиане получили просторный храм в честь Казанской иконы Божией Матери. К сожалению, в отношении совершения богослужения на удмуртском языке на сегодняшний день не все еще в полном порядке.

Вот в таких искушениях, испытаниях проходит скромное апостольское служение протодиакона Михаила Атаманова. В болезнях и скорбях проходят его дни. Такой путь он избрал сам, но этот славный, непростой пусть ему уготовал Сам Господь Бог. А сейчас он скорбит по поводу того, что богословская правка его перевода Библии задерживается, а народ давно уже ждет выхода всего Священного Писания на родной язык.

Несмотря на все искушения, о. Михаил, в миру – Михаил Гаврилович Атаманов, продолжает заниматься большой наукой: будучи служителем церкви, работая над переводом Библии, он защитил докторскую диссертацию, написал более 200 статей, рецензий, выпустил 7 монографий и научно-популярных книг; занимается художественным творчеством, а с 2006 года он стал членом Союза писателей России.

Когда мы говорим об апостольском труде протодиакона Михаила Атаманова, возникает такой непростой вопрос: соответствует ли научная деятельность и писательское творчество его священническому сану? Да, мы можем смело сказать, соответствует: докторскую диссертацию по теме «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов» он защитил и в члены Союза писателей России он вступил по благословению правящего Архиепископа Ижевской и Удмуртской Епархии митрополита Николая. На вопрос научного работника, доктора философии Людмилы К. «Как относится Церковь к вашей научной деятельности, вообще к науке», о. Михаил дал такой ответ: «Положительно, если этот труд не противоречит Божиим заповедям и служит на пользу людям, если все работы выполняются по благословению церкви – если это не разработка смертоносного оружия, будь то ядерное,

бактериологическое, химическое и прочее средство уничтожения самого дорогого, бесценного создания Божьего – человека; если это не клонирование, не изменение пола, эвтаназия и прочие мерзости современной медицины, идущие против заповедей и дел Самого Творца.

Моя наука – филология, самая мирная отрасль знания. Я занимаюсь изучением происхождения названий географических объектов – топонимией, воршуднородовых и личных имен удмуртов, а еще шире – происхождением (этногенезом) удмуртского народа. Полную параллель своим научным изысканиям я нахожу в Библии, но только на примере еврейского народа и их соседей, будь то египтяне, ассирийцы, персы, мидяне, греки, римляне и другие народы древнего мира» (*Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 142*).

Действительно, в Библии, особенно в Ветхом Завете, можно найти параллели тем проблемам, которые решает о. Михаил на удмуртском материале: в Ветхом Завете, как ни у одного народа, подробно описывается история еврейского народа, начиная от самых истоков до пришествия Сына Божия Иисуса Христа на землю, а Новый Завет завершается деяниями апостолов, жизнью христианских общин в районах Средиземноморья в I в. I тыс. нашей христианской эры и Апокалипсисом; в Библии приводятся тысячи личных имен, географических названий, этнонимов многих народов Ближнего Востока, Африки, Южной Европы, нередко раскрывается их этимология; описываются многочисленные обычаи и обряды не только иудеев, израильтян, но и других соседних языческих народов, имеющих отношение к жизни евреев древней эпохи.

Вкратце хочу обратить внимание читателя еще на одну сторону деятельности отца Михаила – на его художественное творчество. В очерках, рассказах, публицистических статьях он поднимает не только духовные, нравственно-этические, но и социально-экономические, национальные, экологические проблемы. В книге «Кылё тодэм калыкъёс» (Остаются знаемые люди) впервые в удмуртской литературе проникновенно говорится о благочестивых христианах-удмуртах, которые «несли и продолжают нести удивительные, непосильные для современного читателя подвиги благочестия, до конца жизни оставаясь глубоко верными нашей святой Православной вере. Евангелия, Псалтирь, Апостол, Молитвословы, Каноники, Акафистники, Жития святых для них являются путеводной звездой, настольной книгой – книгой жизни» (*Протодиакон Михаил Атаманов. Резюме // Кылё тодэм калыкъёс. О благочестивых христианах Удмуртии. – Ижкар, 2004. – С. 133*).

«...В годы лихолетья, невиданных гонений на Церковь, когда в мучениях и страданиях испытывалась истинность веры, из среды удмуртов вышли великие подвижники христианского благочестия, испытавшие все тяготы сталинских концентрационных лагерей, отдавшие свою жизнь ради Христа и Его Благой Вести. Через мучения, страдания они шли на Голгофу, но от христианской веры, от своих убеждений не отреклись. Тем они спасли свои души для жизни в вечных обителях Отца Небесного», – пишет о. Михаил в своей книге очерков о благочестивых христианах Удмуртии (Там же. С. 135).

Отец Михаил является еще и создателем национального эпоса «Тангыра». Как звуки иерихонских труб разрушили крепостные стены неприятеля, так тан-

гыра – древний сигнальный инструмент древних удмуртов – поднимал народ на борьбу с непрошенными гостями. До боли ударяя по тангыре, автор эпоса через свои публицистические труды во всю мощь говорит родному народу: будьте бдительны, будьте едины, дружелюбны, наступает страшный враг – молох – глобализация, уничтожающая все национальные языки, культуры всех народов мира, сеющая вседозволенность, разврат в народах, уничтожающая духовное начало в человеке, заложенное Самим Господом Богом при его сотворении.

Подводя итог, спрашиваю себя, может ли спокойно жить отец Михаил Атаманов, Эграпи Гавир Микаль, когда исчезает его древний, родной, материнский язык, угасают звуки древних народных мелодий? Думаю, что нет. Ведь он, как и русский писатель Валентин Распутин, чуваш Мишши Юхма, коми ученый Евгений Цыпанов, вепска Нина Зайцева – тысячи, миллионы других патриотов родного Отечества, ценители языка, культуры родных народов, антиглобалистов, стоит в первом ряду борцов с античеловеческой, антигуманной, предапокалиптической политикой – глобализацией. Борьба эта невыносимо тяжела, она выше всяческих человеческих возможностей, но всему судья – Бог, всё в Его руках. Именно борьбе за родной народ, его язык, историю и культуру через перевод книг Священного Писания, богослужебной, духовной литературы, через художественное творчество, публицистику и миссионерское служение посвящает всю свою жизнь протоиерей Михаил Атаманов, скромный труженик на ниве Христовой.

Поступила в редакцию 28.10.2010

E.S. Kharin

Apostolic works of Father Mikhail

The article is devoted to the Doctor of Philology, chief researcher of the Udmurt State University, member of the Writers guild of Russia, priest of the Russian Orthodox Church, translator of the biblical, liturgic and spiritual literature to the Udmurt language. Description of his missionary work, compared with the same work of Cyril and Methodius, is given. Scientific and art work of Mikhail Atamanov and also the Udmurt national epos «Tangyra» published by him have been valued.

Key words: biblical and liturgic literature, translation work, missionary work, national Udmurt epos.

Иерей Георгий Харин,

кандидат исторических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 902(470.51)"850/1500"

Т.И. Останина

**АРСКИЕ УДМУРТЫ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

Статья посвящена происхождению арской группы удмуртов на основе археологических источников. Используются материалы, полученные удмуртскими и татарскими археологами за последние 40 лет в изучении средневековых памятников Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. В сопоставлении материалов разновременных памятников Волжской Булгарии, расположенных в Закамье и в Предкамье, прослежен процесс формирования арской группы удмуртов, начиная с середины IX в. и до XVI в. Предложена оригинальная гипотеза этногенеза арской группы удмуртов.

Ключевые слова: Этногенез, арские удмурты, Волжская Булгария, средневековая археология, финно-угорско-тюркские связи.

В историко-лингвистической литературе арскими удмуртами принято называть часть южноудмуртского населения – носителей кукморского и шошминского диалектов удмуртского языка, проживающих в Балтасинском, Кукморском, Мамадышском районах Республики Татарстан, в Мари-Турекском районе Марий Эл и в южных районах Кировской области (территория между Средней Волгой и Вяткой).

В настоящее время общепринята этимология этнонима **ар**, данная В.К. Кельмаковым. Он связывает этноним с тюркскими словами *eri, er, ir* «мужчина, человек, муж» и считает, что название **ар** присвоено удмуртам волжскими булгарами, а этноним **ар** никогда не был самоназванием удмуртов – им пользовались тюркоязычные народы (татары, чуваша, башкиры) для обозначения своих северных соседей [12, с. 189–191].

В последней своей работе «Происхождение удмуртского народа» (2010) М.Г. Атаманов скрупулезно собрал все известные исследователям письменные и фольклорные предания об Арском княжестве, арах, арских людях и их комментарии современными историками, лингвистами. Автором приведен большой объем удмуртской топонимики данного региона, а также предания удмуртов, татар, русских об арах, Арском княжестве и его столице – городе Арске. Изучив

сообщения арабских, русских, болгарских письменных источников, а также народные предания, работы историков, этнографов, археологов и лингвистов, М.Г. Атаманов приходит к выводу, что «Арское (Удмуртское) княжество существовало в составе Булгарского государства, а позже Казанского ханства, имело особое положение – определенную самостоятельность и автономию» [2, с. 170].

Автор сетует, что из-за отсутствия достаточного объема древних письменных источников пока трудно определить его исторические корни и истоки, считает, что археологически Арский край изучен совершенно недостаточно, что на наш взгляд, так категорично утверждать нельзя.

В последние 30–40 лет XX в. резко и увеличился объем полевых работ на территории Прикамья, что привело к написанию диссертаций, крупных обобщающего плана монографий, посвященных культурам эпохи средневековья. Это, прежде всего, работы В.А. Семенова (1980), М.Г. Ивановой (1994, 1998), Р.Д. Голдиной (1985, 1999), коллективная монография «История Удмуртии» (2007), а также коллективный труд казанских археологов по изданию ряда томов «Археологическая карта ТАССР», обобщающего плана работы Т.А. Хлебниковой (1984), Р.Г. Фахрутдинова (1975, 1984) и публикация материалов раннебулгарских некрополей Е.А. Халиковой и Е.П. Казаковым, в частности знаменитого Танкеевского могильника (1971, 1972, 1977), Тетюшского I могильника (1977). Большое значение имеют работы казанских археологов по изучению поселений с раннебулгарским слоем: крупномасштабные раскопки Билярского археологического комплекса, начатые в 1967 г. под руководством А.Х. Халикова и его учеников. Проводились раскопки (с 1972 г.) на поселениях р. Казанки (Р.Г. Фахрутдинов, Н.А. Кокорина, А.А. Бурханов), р. Шумбут (1955, 1983, 1989, 1993 гг.) [26, с. 11–15].

Все это дало возможность проследить средневековую историю взаимоотношений финно-угорского и тюркского населения в Нижнем Прикамье, а также процесс формирования современных народов этого региона. Этому способствовали и совместные разведочно-раскопочные работы археологических экспедиций Удм. ИИИЯЛ при Совете Министров УАССР (ныне Удм. ИИЯЛ УрО РАН; начальники отрядов В.А. Семенов, Н.И. Шутова, Л.А. Наговицин) и Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне НМ УР им. К. Герда; начальник отряда Т.И. Останина) в 1982–1989 и 1992 годах. Были обследованы почти все правые притоки р. Камы от Вятки до Волги. Обследовались и ранее открытые здесь археологические памятники. Было исследовано значительное количество новых памятников археологии, на ряде из них в дальнейшем проводились раскопочные работы (Старозюринское, Арское, Кирбинское, Чаллыньское городища, Атынский, Арняшский могильники). Новые полевые данные, материалы археологической карты Татарстана, разработанная Т.А. Хлебниковой типология и хронология керамического материала, являющемся массовым и иногда почти единственным источником для изучения памятников средневековья, позволили сделать некоторые выводы по истории арских удмуртов и определить их место в общей судьбе населения Волжской Болгарии.

В вопросе расселения арских удмуртов еще в дореволюционное время существовало две точки зрения. Исследователи Д. Островский, И.Н. Смирнов,

М.Г. Худяков, Н.В. Никольский считали, что удмурты не являются автохтонами Предкамья. Другая точка зрения, выказанная А.А. Спицыным, П.Н. Лупповым и С.К. Кузнецовым, сводилась к тому, что арские удмурты – древнейшие обитатели северо-восточных районов Казанской губернии (ныне Татарстана). К последней точке зрения примыкают и современные исследователи (М.Г. Атаманов, В.Е. Владыкин, М.В. Гришкина, В.К. Кельмаков). В указанной ранее работе М.Г. Атаманов выразил свою мысль следующим образом: «коренным, автохтонным населением здесь (на территории бывшей Арской земли. – Т.О.) были удмурты (ары, аряне, арские люди) – потомки худяковско-азелинской культуры» [2, с. 69]. Далее он пишет, что арская группа удмуртов формировалась на основе пьяноборско-азелинского населения с включением поломско-чепецкого населения, переселившегося в VIII–IX вв. н.э. в Волго-Камье» [2, с. 173].

Как же на имевшемся сейчас материале, прежде всего, археологическом, можно решить проблему происхождения данной группы удмуртов?

Мы предлагаем свой вариант формирования арской группы удмуртов, впервые опубликованный в 1995 г. [17, с. 3–17]. Во-первых, следует отметить, что история этой группы удмуртов тесно связана с историей Волжской Булгарии и событиями второй половины I тыс. н.э.

Самые ранние археологические памятники волжских болгар в Среднем Поволжье принято относить ко вт. пол. VIII – пер. пол. IX вв. Они были оставлены населением первой волны болгарских племен – барсил, пришедших сюда с Предкавказья и Нижнего Поволжья. Причинами передвижения населения были, во-первых, постоянная борьба с арабами в первой трети VIII в.; во-вторых, религиозные и политические разногласия в связи с принятием хазарской аристократией иудейской веры [7, с. 285]. В последнее время на территории Самарской Луки обнаружены более ранние памятники кочевников (последняя четверть VII в.), так называемого новинковского типа. Вопрос об их исходной миграции в лесостепное Поволжье пока является открытым. В научной литературе преобладает мнение о Восточном Приазовье, где находилась «Великая Болгария» хана Кубрата. В это время проживающее в Среднем Поволжье именьковское (славянское) земледельческое население в основной своей массе уходит на запад в Днепровско-Донское междуречье, освобождая огромные территории Нижнего Прикамья. По мнению В.В. Седова, только небольшая часть оставшегося в Среднем Поволжье славянского населения примет участие в формировании Волжской Булгарии [18, с. 10].

Всего на карте современного Татарстана, на территории Закамья, Т.А. Хлебниковой и Е.П. Казаковым нанесено 56 пунктов разного вида археологических памятников времени появления и начального расселения (сер. VIII–X вв.) болгарских племен на Средней Волге [11, с. 112]. Авторы выделяют две хронологические группы. Первая (VIII – сер. IX вв.) расположена в юго-западной части Татарстана, на правом берегу Волги, ниже устья р. Камы (рис. 1). Они оставили керамику, тесно связанную с культурой Приазовья, Предкавказья и Подонья, а также оседающих на землю скотоводов с кочевым компонентом салто-маяцкой культуры.

Во вт. пол. IX – нач. X вв., с одной стороны, происходит перемещение населения салтово-маяцкой культуры и освоение низовий р. Камы, богатой лугами и черноземными почвами, а с другой – эту территорию осваивает на-

селение, имеющее керамику прикамско-приуральского типа. Следует отметить, что во вт. пол. IX в. в Закамье (территория между Волгой и р. Шешмой, левого притока р. Камы) наблюдается усиление притока населения с Прикамья. Здесь на поселениях исследователи (Е.П. Казаков, Т.А. Хлебникова) наблюдают наличие, кроме болгарской керамики, фрагментов посуды группы V (по определению Т.А. Хлебниковой, ломоватовской-раннеродановского культур), VI (поломской), VII (сылвинской культуры), а также керамики с Приуралья (керамика группы VIII – позднекушнаренковского типа). Нами подсчитано, что из указанных 56 памятников 28 (мест находок, селищ, городищ) имеются находки глиняной посуды, где основным признаком является битая раковина в глиняном тесте, веревочно-гребенчатый и резной орнамент, округлодонность горшков и чаш, характерных для указанных культур. В это время происходит активное взаимовлияние финно-пермского, угорского и болгаро-салтовского населения. В керамических находках наблюдается угасание значения керамики группы II, характерной для разноплеменного населения Подонья и Предкавказья – алан и носителей салтово-маяцкой культуры. На поселениях превалируют черты керамики, оставленной приуральско-прикамским населением. Это наблюдается и в погребальном обряде, и в инвентаре ранних болгарских могильников [10].

Факт ухода части населения с Приуралья и Прикамья наблюдают исследователи археологических культур этих регионов. В 1985 г. в книге «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» Р.Д. Голдина пишет о серьезных переменах в жизни верхнекамского населения, так как целый ряд памятников прекращает свое существование в IX в. (Деменьковский, Урьинский, Каневский, Важгортский, Щукинский, Русиновский могильники, то есть 6 могильников из 12 поздних некрополей, VII–IX вв.). Все они в основном были расположены в южной и западной окраинах культуры [4, с. 133]. Исследователь верхокамской группы памятников ломоватовской культуры В.А. Кананин отмечает в Верховьях Камы резкий рост численности населения в конце I тыс. н.э., что, возможно, и послужило толчком для передвижения населения в район Нижнего Прикамья [5, с. 39].

Передвижение верхнекамского населения в Закамье могло проходить двумя путями: по Каме или р. Чепце – Вятке. На р. Чепце в то время проживали предки северных удмуртов, оставившие памятники *поломской* культуры [20, с. 56–75], а на Вятке – удмуртское население *еманевско-кочергинской* культур. В той или иной мере они тоже приняли участие в этом передвижении. Об уходе части населения свидетельствуют могильники бассейна р. Чепцы, которые, как и в верховье р. Камы, перестали функционировать (Адамовский II могильник *Мыдланьшай*, возможно, Поломский II могильник *Красная Горка*, датируемые VIII – сер. IX вв.). Погребальный обряд и вещей (в том числе и керамический) материал камского населения (носители *поломской*, *ломоватовской*, *неволинской* культур) фиксируется в раннеболгарских языческих погребениях Тетюшского и Танкеевского могильников на территории Закамья.

Тетюшский могильник расположен около г. Тетюши в Республике Татарстан. Здесь в 1966, 1969–1970, 1980 годах были проведены крупномасштабные раскопки под руководством Е.П. Казакова и Е.А. Халиковой. Всего вскрыто 263 погребения, из них 140 отнесены исследователями к раннеболгарскому

времени, половина погребена по языческому обычаю. Дата этих погребений вт. пол. IX – нач. X в. (мусульманские – датируются кон. X–XI вв.) [11, с. 21–35]. Погребальный обряд и вещевой материал идентичны другому памятнику этого времени – Танкеевскому могильнику.

Танкеевский могильник расположен в центральной части Волжской Булгарии (20 км от г. Болгара, на одном из притоков р. Утки, впадающей в р. Каму). Начиная с 1961-го по 1974 год здесь казанскими археологами проводились систематические раскопки, в результате чего было вскрыто 1200 погребений. Памятник датируется серединой IX–XI вв. Господствующая часть погребений принадлежит языческому населению. Е.А. Халикова в 1972 г. пишет, что из 881 погребения только 56 – мусульманские [22, с. 146]. Характеризуя погребальный обряд языческих погребений, она сводит его к следующим элементам: грунтовой характер захоронений, простые конструкции могил, имеющие относительно длинные (220–260 см) и глубокие (80–140 см) могильные ямы; западная ориентация, применение лицевых покрытий, сопровождение умерших украшениями, орудиями труда, иногда оружием и конской упряжью, наличие глиняных сосудов, присутствие в могилах костей домашних животных – остатков погребальной пищи; остатки костей животных в верхних слоях могильника. Глиняная посуда (гончарные кувшины и кринки; лепные сосуды горшковидной и чашевидной формы) расположена в изголовье, реже – в ногах.

Лепная округлодонная посуда Танкеевского могильника имеет самые близкие аналогии в памятниках ломоватовской, поломоской и кушнаренковской культур, а гончарная – в памятниках салтовского круга [22, с. 146]. На указанных могильниках прикамско-уральская керамика составляет 50 % всех сосудов [10, с. 96–97, 155].

В X в. наблюдается новый поток населения салтово-маяцкой культуры из Подонья и Северного Донца, Предкавказья, что отражается в преобладании на поселениях керамики I и XI групп. Это перемещение связано, во-первых, с наступлением печенежских орд (они уже в сер. X в. овладели всей степью), во-вторых, с разгромом Хазарского каганата в 965 г. князем Святославом. Несмотря на это, финно-угорская керамика (V–VIII группы, в том числе сылвинского и кушнаренковского типов) присутствует в погребениях X в., но в погребальных комплексах происходит уже спад находок этих групп керамики. Еще довольно много отдельных групп камской керамики на поселениях X–XI вв. Так, например, керамика верхнекамская и бассейна р. Сылвы (группы V, VII), по данным Ф.Ш. Хузина, составляет 36 % всей лепной керамики города Биляра – столицы Волжской Булгарии [25, с. 23]. В археологическом комплексе «Джукетау», расположенном на левом берегу р. Камы, на западной окраине г. Чистополя, в слое XI в. территории западного посада керамика с толченой раковиной составляет 28,9 % [14, с. 335]. Исследователь отмечает, что в Джукетау гораздо слабее представлена посуда болгаро-салтовских истоков и сравнительно более ощутим так называемый «прикамско-уральский компонент» [14, с. 335]. Это свидетельствует, прежде всего, о существовании в восточно-камском направлении заселения будущей территории Волжской Булгарии, которое на первых порах даже преобладало.

Керамика темно-серого цвета с битой раковиной в тесте и веревочным орнаментом фиксируется и на памятниках правобережья р. Шешмы (левый приток р. Камы), восточной границы предмонгольской Булгарии. На двух памятниках – пограничных городищах Ошинском и Елантовском – подобная керамика найдена с типичной болгарской лощеной [28, с. 32].

Материалы могильников и поселений дают нам право говорить о мирных взаимоотношениях камского и болгарского населения. И оседлому камскому населению, и пришлому – кочевническому – было достаточно сельскохозяйственных угодий. Черноземы между Волгой и Шешмой и сейчас составляют 65,1 % площади. Представитель арабской географической литературы X в. Ибн-Русте, описывая этнический состав Волжской Булгарии, сообщает о трех разрядах населения и «пропитании этих разрядов в одном месте», то есть племена жили в одной географической среде – Нижнем Прикамье (Закамье). Это были племена болгар, берсул, эсегел. Секретарь посольства Багдадского халифа аль-Муктадира – Ахмед ибн-Фадлан (921–923 гг.) расширяет число племен начала X в., проживающих в Волжской Булгарии: барсилы, болгары и эсегелы (эскел), суазы (сувары), билеры, баранджары [21, с. 10–54; 27, с. 45].

Если барсилы – население северокавказских и прикаспийских болгарских племен; болгары – носители салто-маяцкой культуры с Подонья, Приазовья; эскелы, по данным ибн-Фадлана, – кочевые племена. Видный татарский археолог А.Х. Халиков эсегелов связывал с восточным прикамско-уральским этническим массивом [23, с. 78]. На наш взгляд, на современном уровне знаний о том, какие племена являются финно-пермским населением, можно лишь предполагать, с уверенностью же можно утверждать только то, что это население (за исключением племенной знати) в X в. не приняло ислама. О том, что к исламизации болгарского полиэтнического населения не все отнеслись положительно, указывается в записках Ахмед ибн-Фадлана: среди суваз и других болгарских племен против принятия ислама действовала целая партия, во главе которой стал некто Вырыг [21, с. 41].

Изучая археологические памятники домонгольской Волжской Булгарии (XI–XII вв.), казанские археологи отмечают густонаселенность территории Закамья, особенно там, где располагались столичные болгарские города. Самое большое количество памятников археологии ранних болгар приходится на бассейн р. М. Черемшан. Весьма плотно были заселена и широкая камская долина между городами Булгар и Джукетау. Всего Р.Г. Фахрутдиновым было подсчитано 686 раннеболгарских домонгольских памятников археологии [28, с. 29]. Письменные источники называют в этом районе 40–60 городов. Все это свидетельствует о высокой плотности населения в XI–XII вв. Проявившаяся нехватка земли, укрепление власти царя болгар, особенно усилившаяся с 922 г. – с превращением ислама в официальную государственную религию, привели к уходу части населения с территории Закамья.

В XI в. арабские путешественники уже знают Волжскую Булгарию как страну мусульманскую. Язычники занимают самое униженное положение в обществе, поэтому часть болгарского и финно-пермского населения уходит на территорию правобережья Средней Волги (предки чуваш) и Предкамья (болгары

и ары). Здесь обнаружены археологические памятники X–XI вв. с керамикой этих этнических групп (Полянское, Гремячинское селища). Поселения вначале располагались в правобережной части р. Камы от устья р. Меши до устья р. Суши (рис. 2). До середины XIII в. наибольшая концентрация памятников наблюдается на р. Бетьке. Если в низовье р. Меши, Казанки, в нижнем и в среднем течении рек Ошняк и Суша преобладали болгарские памятники, то на р. Бетьке – памятники с болгарской и финно-угорской керамикой. В состав глиняного теста последней группы керамики входили битая раковина, растительность и песок. Лепные округлодонные сосуды имели гребенчатый (Байтерьяковское, Рыбно-Слободское селища), шнуровой (Ямашевское I, Полянское селища) орнамент, на венчики наносились насечки и защипы. Подобная техника нанесения орнамента и технология их изготовления были характерны для керамики родановской и чепецкой культур. Таким образом, развитие орнаментации керамики у населения Нижнего Прикамья, оторванного от основной этнической массы, происходило одинаково.

Разведочно-раскопочные работы на р. Меше привели к открытию памятников начала II тыс. н.э. Это были поселения с двуэтнической керамикой (болгарской и финно-угорской) или только с финно-угорской (Русско-Сердинское, Таутерменское селища и Старозюринское городище). На Старозюринском городище в 1983 г. Н.И. Шутова провела небольшие раскопки (вскрыто 170 кв. м). Были обнаружены шило, стержень от весов, железный черешковый наконечник стрелы, пряслице, фрагменты тиглей и куски шлака и значительное количество фрагментов лепной керамики (242 фр.) [29, л. 4–5]. В состав глиняного теста входит битая раковина, песок (шамот?). У большинства фрагментов орнамент отсутствует, только три из них имеют ряд ямочных наколов по шейке. Н.И. Шутова датирует данное городище X–XI вв.

Можно предположить, что в это время по правым притокам р. Меши болгаро-финно-пермское население перешло на р. Казанку, где и основывало Арское городище, Бужинское и Кутюшское селища.

Для более точной датировки этих памятников (X–XI вв.) вещевого материала пока недостаточно. В нижних слоях Арского городища (культурный слой достигает 120 см) найдены фрагменты лепной керамики (без орнамента), аналогичной посуде из Старозюринского городища. Основным доказательством такой ранней даты этих памятников, в первую очередь Арского городища, являются арабские источники X–XII вв.

Характеризуя состав Булгарии, Ал-Истахри (X в.) пишет: «(третья) группа их, называемая Ал-Арсания, и царь сидит в Арсе... И вывозят из Арсы черные соболя и олово». Арабский географ и путешественник Ибн-Хаукал в 967 г. сообщает: «(третья) группа их, называемая ал-Арсанией, и царь сидит в Арсе, городе их... и вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц и некоторое число рабов». Другой арабский географ Ал-Идриси (сер. XII в.) сообщает, что «город Арса некрасивый, на укрепленной горе» [15, с. 411–412]. Пушные богатства Арской земли стали объектом внимания еще одного арабского автора, купца и миссионера Абу Хамид ал-Гарнати, который дважды (в 1135–1136, 1150 годах) побывал в Волжской Булгарии.

Итак, к XII в. в Предкамье на территории, близкой по форме прямоугольнику, обращенной одной стороной к р. Казанке (Арское городище), окаймленной реками Брыска – Кама – Суша, возможно, Шумбут, находилась Арская земля со столицей в городе Арсе (Артаб, Арта, Арсай, Арча), с которым археологи, историки и лингвисты связывают Арское городище (рис. 2). На определенной нами территории Арской земли, Арское городище самое большое по площади (24 тыс. кв. м), оно хорошо укреплено, занимает в данном регионе выгодное положение. Поэтому только оно могло быть центром княжества, где сидел царь. В предмонгольский период (XII – пер. пол. XIII в.) количество поселений в бассейне р. Казанки со смешанной болгаро-финно-пермской керамикой увеличивается в направлении ее низовья.

Исторические документы середины XIII в. ясно указывают, что в 1236 г. через Волжскую Булгарию прошла монголо-татарская армия хана Батыея, завоевав и разгромив ее, а в 1237–1241 гг. она завершила завоевание большей части русских земель. В 1242 г. при возвращении из Польши и Венгрии татаро-монгольская армия опять напала на земли Волжской Булгарии. С этими событиями связан уход части населения на территорию русских земель. Владимирский князь Юрий Всеволодович разрешил переселение болгар на поволжские берега. Часть болгарского населения с территории Закамья ушла с насиженных мест, перешла Каму, двинулась на север – в Предкамье. В среднем и верхнем течении р. Меши резко увеличилось число болгарских памятников, а также в бассейне рек Ошняк, Суша, Омарка. В золотоордынский период (XIII – нач. XV вв.) на р. Меше поселения с финно-пермской керамикой отсутствуют, а носители двуэтнической керамики перемещаются с рек Бетьки и Суши к востоку – на реки Шумбут, Берсут и Омарку (рис. 3). Чаллыньское городище (XII–XVI вв.) с окружающими его двумя селищами, Кирменское городище (XIV–XVI вв.) продолжают существовать и в период Казанского ханства. При раскопках Чаллыньского городища в 1989 г. на его площадке кроме очертаний жилища болгарского типа найдены остатки наземного жилища, идентичного находкам на Солдырском I городище *Иднакар* [9], Дондыкарском и Кушманском *Учкакар* городищах [13, с. 86], а также керамика, аналогичная керамике с одновременных памятников на территории Удмуртии (группа VI, по определению Т.А. Хлебниковой, удмуртская).

По писцовым книгам XVI–XVII вв. в бассейнах рек Берсут, Омарка были записаны только татарские селения. Возможно, оторванные от основной массы арского населения, носители финно-пермского этноса отатарились в связи с принятием ими ислама. В пользу ассимиляции удмуртского населения свидетельствуют и данные изучения поздних мусульманских могильников на территории Предкамья. И.Р. Газимзянов, исследуя погребальный обряд мусульманских могильников (Чаллыньский, 40 погребений, Кожаевский и др.), отмечает наличие элементов домусульманской погребальной обрядности. Погребальный инвентарь запрещен исламом, но, тем не менее, в женских и детских погребениях встречаются украшения (височные кольца, серьги, браслеты и бусы), в мужских – детали пояса, орудия труда и оружие. Имеют место остатки погребальной пищи в виде костей животных в изголовье, или ногах умершего, или в глиняном сосуде. Глиняная посуда лепилась специально для погребения. В группу домусульманского

погребального обряда исследователь относит и наличие культа огня, жертвенные ямы, вторичные захоронения и кенотафы [3, с. 19–22]. Если проанализировать погребальный обряд чепецкого (удмуртского) населения IX–XIII вв., то он полностью совпадает с этими элементами – реликтами языческой обрядности мусульманизированных арян [8, с. 35–49].

До нас дошли лишь их удмуртские топонимы (*кереметь*, отдельные названия населенных пунктов) [30, с. 117–118], зафиксированные около данных рек в Мамадышском районе РТ.

В период Золотой Орды и Казанского ханства Арская земля, как территориально-податная единица, продолжала существовать, но сильно сократила территорию проживания и количество финно-пермского населения – арян. Ей приходилось постоянно воевать то с казанскими ханами, то с русскими ушкуйниками и др. Этнический ее состав, по данным документов, был неоднороден: это и «арские люди» (удмурты), и «черемисе» (мари), и «чуваша арская» (болгары), и татары.

Входя в состав Казанского ханства, за престол которого постоянно шла борьба между ханами из других орд, каждый раз арским князьям приходилось выбирать свою позицию и не всегда в пользу претендента на ханский престол. Так, в 1496 г. русские летописи отмечают, когда Мамук-хан, царь Шибанской орды, овладев Казанью, пошел походом на Арскую землю, то «Арские князья града своего не сдаша, но бишася с ними крепко» [31, с. 127]. Боязнь расправы, возможно, заставила часть жителей р. Казанки покинуть свои насиженные места. На наш взгляд, начиная с XV в. аряне стали активно заселять нижнее течение р. Вятки с притоками, освоение которого усилилось после 1552 г. (взятия г. Казани войском Ивана Грозного) и последующих карательных событий вт. пол. XVI в. В период проведения разведывательных работ отрядом Удмуртского республиканского музея по р. Ошторме в 1982 г. в самом старом удмуртском селении рода Зумья – Ошторма-Юмья был найден боевой русский топор (XV–XVI вв.). На территории этого села же найден удмуртский могильник XVIII в., что подтверждает относительно позднее освоение этой территории арскими удмуртами [16, л. 42–45].

Согласно легендам, род Уча еще в XV в. жил около Казани (имеется в виду Иски-Казань), затем переселился на территорию современного Кукморского и Мамадышского районов Татарстана, далее в Можгинский район Удмуртии [1, с. 110–113]. Как показывают исследования М.Г. Атаманова, другой род Кибья, также жил под Арском, а оттуда по реке Вале переселился в Можгинский район УР. К памятникам первых переселенцев можно отнести Ореховский могильник XVI в., расположенный в Алнашском районе Удмуртии, хорошо изученном археологом В.А. Семеновым [19, с. 69–94].

Разрядная книга 1631 г. указывает, что в пределах Казанского уезда числилось вотяцких ясашных людей 983 двора. Как подсчитала доктор исторических наук М.В. Гришкина, численность арских удмуртов в первой половине XVII в. не превышала 5 тыс. человек [6, с. 11]. В переписной книге 1678 г. Арской дороги Казанского уезда сведения об удмуртах на территории Предкамья уже отсутствуют. Это свидетельствует, во-первых, об уходе арских удмуртов с терри-

тории бассейна р. Казанки; во-вторых, об ассимиляции оставшегося арского населения с казанским населением, носящим в то время название «чуваша арская». Такой представляется нам история взаимоотношений болгарского (тюркского) и финно-пермского населения, которая неотделима от этногенеза южных удмуртов. Многие еще требует доказательств и носит предположительный характер, что обязывает археологов активизировать раскопочно-разведочные работы в Предкамье.

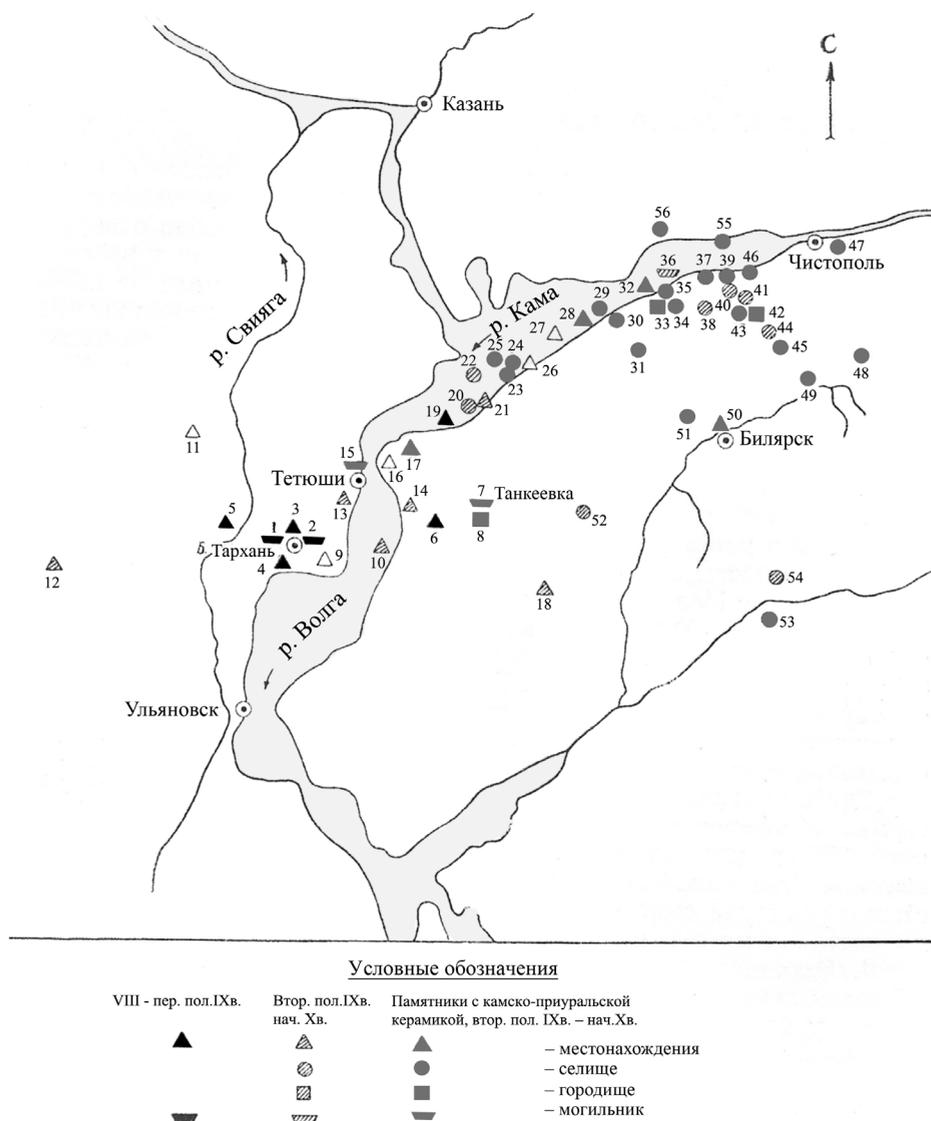

Рис. 1. Археологические памятники Волжской Булгарии. VIII–X вв. (по Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакову, 1976 г.)

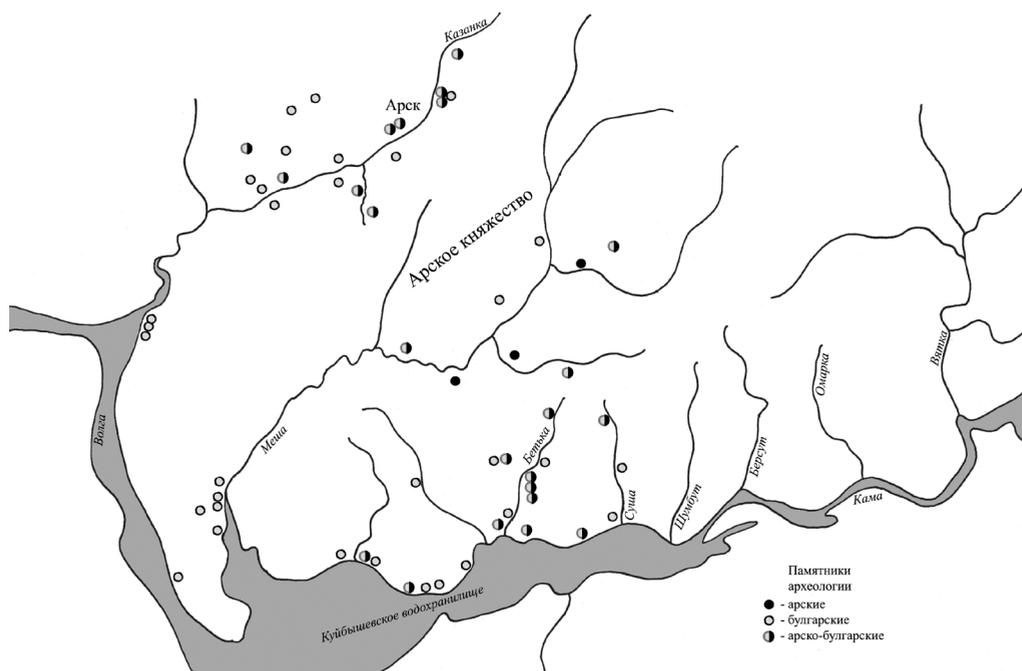

Рис. 2. Археологическая карта Волжской Булгарии (Арского княжества).
X – пер. пол. XIII вв.

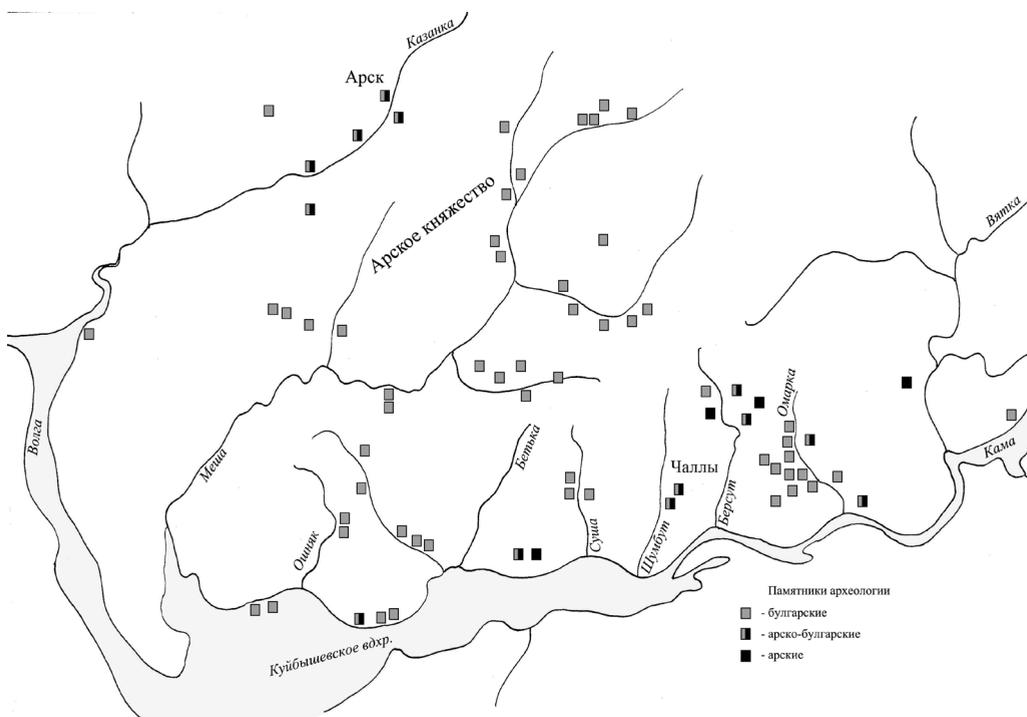

Рис. 3. Археологическая карта Предкамья. Вт. пол. XIII–XVI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов, М.Г.* По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 216 с.
2. *Атаманов-Эзрати, М.Г.* Происхождение удмуртского народа: Монография. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.
3. *Газимзянов, И.Р.* О некоторых элементах в погребальной практике Волжских болгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана / Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. 12–14 сентября 1995 г. – Казань. 1995. – С. 19–22.
4. *Голдина, Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1995. – 280 с.
5. *Голдина, Р.Д., Кананин, В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989.
6. *Гришкина, М.В., Берестова, Е.М.* Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. – Ижевск, 2006. – 86 с.
7. *Гумилев, Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 1993. – 336 с.
8. *Иванова, М.Г.* Погребальный обряд северных удмуртов в IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 35–55.
9. *Иванова, М.Г.* Иднакар – древнеудмуртское городище X–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 294 с.
10. *Казаков, Е.П.* Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971.
11. *Казаков, Е.П., Халикова, Е.А.* Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар. – Казань, 1976. – С. 21–35.
12. *Кельмаков, В.К.* Происхождение и первые упоминания этнонима ар // Этнонимы. – М., 1970. – С. 10–14.
13. *Кокорина, Н.А., Останина, Т.И.* Исследование Чалынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Древние Чаллы. – Казань, 2000. – С. 76–174.
14. *Набиуллин, Н.Г.* Прикамско-приуральский компонент в населении города Джукетау X–XIV вв. (по материалам керамики) // Российская археология: достижения XX – перспективы XXI вв. / Материалы науч. конф. – Ижевск, 2000. – С. 333–335.
15. *Новосельцев, А.П.* Восточные источники о восточных славянах Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
16. *Останина, Т.И.* Отчет об археологических исследованиях Удмуртского республиканского краеведческого музея летом 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9041.
17. *Останина, Т.И.* Из истории арских удмуртов (наброски к этногенезу южных удмуртов) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. – Ижевск, 1995. – С. 3–17.
18. *Седов, В.В.* К этногенезу волжских болгар // РА. – 2001. – № 2.
19. *Семенов, В.А.* Южные удмурты в XVI веке (по материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – С. 69–94.
20. *Семенов, В.А.* Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 56–75.
21. Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. – Казань, 1992. – 94 с.
22. *Халикова, Е.А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 145–154.

23. Халиков, А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – 221 с.
24. Хлебникова, Т.А., Казаков, Е.П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1975. – С. 109–136.
25. Хузин, Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. – Казань, 1986. – С. 16–23.
26. Хузин, Ф.Ш. Чаллыньское городище: проблемы сохранения, исследования и музеефикации // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана / Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. 12–14 сентября 1995 г. – Казань, 1995. – С. 11–15.
27. Хузин, Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань, 1997. – 184 с.
28. Фахрутдинов, Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975. – 218 с.
29. Шутова, Н.И. Отчет об исследованиях четвертого отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1983 г. // Архив Удм. ИИЯЛ УрО РАН. № 644.
30. Шутова, Н.И. К вопросу о расселении аров в конце I первой половине II тыс. н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 114–141.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 19. – СПб., 1903.

Поступила в редакцию 10.11.2010

T.I. Ostanina

The Arsk Udmurts according to the archeological data

The article is devoted to the origin of the arsk group of the Udmurts according to the archeological sources. Materials, obtained by Udmurt and Tartar archeologists for the last 40 years during the research of medieval monuments of the Low Kama region and the middle Volga region, are used. Comparing the materials of monuments of different times of Volga Bulgaria situated in Zakamie and Predkamie the author observed the forming process of the arsk group of the Udmurts from the middle of IX century and till XVI century. As a result of this research the original ethnogeny hypothesis of the arsk group of the Udmurts is shown.

Key words: ethnogeny, the arsk Udmurts, Volga Bulgaria, medieval archeology, Finno-Ugric-Turkic relations.

Останина Таисия Ивановна,
доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда
г. Ижевск
E-mail: nmur_gerd@mail.ru

ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ

УДК 78.03(092)

В.К. Кельмаков

МИХАИЛ АТАМАНОВ

И УДМУРТСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ.

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ЮБИЛЯРА

В статье раскрывается многогранное отношение М.Г. Атаманова к удмуртской народной песне: как исполнителя в кругу своих родственников, друзей и знакомых; как собирателя и пропагандиста этого жанра удмуртского фольклора в научных публикациях; как пользователя народных песен в собственном художественном творчестве.

Ключевые слова: фольклорные экспедиции, финно-угроведение, народные песни, сбор материалов.

Достоверных сведений о том, как складывалось у Михаила Гавриловича Атаманова отношение к народной песне в студенческие годы, у меня нет. Помнится, что в те далекие времена, когда он учился в университете, в перерыве между занятиями в каждой аудитории, где сидели удмуртские группы (тогда русские и удмуртские студенты обучались в составе одного филологического факультета), нередко звучала песня; и преподаватели, пришедшие на занятие после звонка, иногда задерживались в коридоре, не спеша заходить в аудиторию, чтобы «не испортить песню». Кроме того, удмуртские студенческие группы постоянно (а порой совместно с преподавателями-кураторами) выезжали в деревни с концертами, и гвоздем (скорее гвоздочками!) программы в таких случаях, естественно, всегда были песни, скорее всего – авторские. Не будучи куратором группы, в которой учился Атаманов, я ничего не знаю о конкретном участии студента Михаила в программе этих концертов для сельских тружеников, не очень-то в то время (нач. 70-х гг. XX в.) избалованных выступлениями профессиональных коллективов.

Однако определенно могу сказать, что у истоков того бурного фольклорного движения, которое в 70–80-е гг. XX в. охватило почти всю республику и нашло свое выражение в вечерах народной песни, волею судеб оказался и М.Г. Атаманов. Дело, казалось бы, самое простое: по учебному плану «новоиспеченного» Удмуртского государственного университета для студентов I курса

была предусмотрена летняя полевая практика по удмуртскому фольклору, на II курсе – диалектологическая. Первой в истории удмуртского отделения филфака на такую (правда, пока еще объединенную, фольклорно-диалектологическую) практику отправилась студенческая группа II курса (обучавшаяся на I курсе еще по программе пединститута), в которой учился М. Атаманов. Базируясь в д. Лолошур-Возжи (Бадзым Вожой) Граховского района Удмуртской АССР, она работала не только в данном населенном пункте, но и в соседних деревнях. Несколько человек из этой группы во время практики сделали трехдневный марш-бросок в более отдаленный населенный пункт – в д. Старая Игра (Вуж Эгра) того же самого района, в родную деревню Атаманова. Обилие записанного студентами в указанных населенных пунктах и окрестных деревнях за этот небольшой промежуток времени ранее неизвестного фольклорного материала, в особенности песен, настолько поразило не только студентов, но и нас, преподавателей, что непроизвольно возникло общее желание поделиться этим духовным богатством с заинтересованными людьми. По инициативе студентов, участвовавших в сборе материала, уже осенью – в начале следующего учебного года – была организована встреча для городского населения (среди приглашенных был и А.В. Мамонтов, руководитель Государственного ансамбля песни и танца УАССР «Италмас»), чтобы познакомить с новым песенным материалом – через прослушивание экспедиционных записей и в исполнении отдельных номеров самими студентами. Среди самых активных организаторов этой встречи были студенты Михаил Атаманов, Анатолий Петров (к сожалению, ныне покойный) и др. В следующем году студенты очередного II курса проходили свою полевую практику в д. Безменшур Кизнерского района, и они тоже работали не только в базовой, но и в ряде окрестных деревень этого же района, а также выезжали на несколько дней в дд. Дым-Дым-Омга и Казань-Омга Вятско-Полянского района Кировской области. И на основе не менее (а может, и более!) впечатляющего песенного материала студентами (под эгидой кафедры удмуртского языка и литературы и при непосредственном участии руководителя практики, ст. преподавателя В.К. Кельмакова) в стенах университета был проведен для населения города первый «полнометражный» фольклорный вечер. Так было положено начало последующим нашумевшим в свое время на всю республику вечерам удмуртской народной песни: в первые годы в актовом зале I корпуса УдГУ, а через дюжину лет – во Дворце культуры «Ижмаш», уже с участием многочисленных фольклорных коллективов республики и за ее пределами.

Наши же, мои и Миши, стежки-дорожки поплотнее сошлись на народной песне, кажется, позднее: во время Всесоюзных конференций и Международных конгрессов по финно-угроведению, в особенности в долгом пути до места назначения поездом или в автобусе.

В моей памяти отчетливо запечатлелись два случая.

Август 1980 г. Мы, некоторые представители относительно большой удмуртской делегации на V Международный конгресс финно-угроведов, едущие в вагоне поезда «Лев Толстой», собрались в одном купе. Пьем неизменный чай (с кофе тогда в нашей стране были проблемы) и не только... И, разумеется, песни

поем: так какие же это удмурты, если их собралось чуть больше двух, слегка «подогретые», и имеющие, находясь в пути, свободное время – да не поют! Среди исполнителей – непременно М. Г. Атаманов. Почти всю дорогу в нашей компании пропал проводник одного из вагонов этого поезда – удмурт родом из д. Гожня (или Баграш-Бигра?) Малопургинского района, после длительной проверки принятый на работу проводником в поезд международного класса Москва–Хельсинки. Каким-то образом он узнал, что в поезде едет делегация СССР на форум финно-угроведов, догадался, что в ее составе могут оказаться удмурты – вот и отыскал нас. Как он, постоянно находясь у нас и наслаждаясь слаженно звучащей удмуртской песней, выполнял свои служебные обязанности, не могу сказать – скорее всего, договорился с напарником.

Через открытую дверь в наше купе со смутным подозрением постоянно заглядывали, проходя по коридору вагона в ту или иную сторону, двое рослых крепких молодых парней лет 25–30. На наш вопрос, из какой они делегации, они, не моргнув глазом, ответили: «Из карельской». Мы, конечно, догадались, что они, если и из карельской делегации, то отнюдь не научной, а из состава наших «ангелов-хранителей» из КГБ, владевших финским языком: зря что ли мы, каждый из делегатов, готовя выездные документы, должны были по требованию органов власти представить 26(!) фотографий стандартного размера (не для финских же девушек или парней)... За нами не заржавело: мы не преминули спросить у представителей карельской делегации про этих парней, однако петрозаводскими учеными они не были опознаны.

Наше пение привлекло внимание ученых и из других республик; карельский топонимист Н.Н. Мамонтова самым серьезным образом спросила: «У вас, в Удмуртии, что – ученых набирают по умению петь?» Это была высокая оценка удмуртской песни и достойная награда ее исполнителям. На заключительном – традиционном – банкете в честь закрытия V конгресса в огромном зале прозвучало «удмуртское трио» в составе М.Г. Атаманова, В.М. Ванюшева и В.К. Кельмакова, исполнившим попури из народных песен. Фото участников трио под записью: “All the performers at the Congress were from among the participants. Songs were sung by Päivikki Suolainen (plate 29) and Kazue Saito (plate 30) and Votyak trio (plate 30)” – включено в иллюстративное приложение к V тому материалов этого конгресса [CQIFU 1981 V].

В период работы, если не ошибаюсь, VI Международного конгресса финно-угроведов в июле 1985 г. в Сыктывкаре мы, в соответствии с культурной программой, ехали как-то в автобусе до обозначенного организаторами населенного пункта. Республика Коми большая, путь, разумеется, неблизкий, ехать долго. В нашей микрокомпании несколько удмуртов и коми, в их составе – известный коми языковед-диалектолог Владимир Александрович Ляшев, наш сверстник, с неизменной гармошкой. Добрый, веселый и разговорчивый, не говоря уже об умении виртуозно играть на столь популярном у нас музыкальном инструменте, он всегда был душой любой компании (к сожалению, о нем тоже приходится говорить лишь в прошедшем времени). В данном случае, когда мы перешли к исполнению удмуртских (как правило, народных) песен, Володина гармошка не была востребована: при всем его мастерстве, наши мелодии и ритмы все же были

для него непривычными. К тому же наша удмуртская компания при исполнении песен не нуждается в музыкальном сопровождении. Миша всегда уверенно берет мелодию первым голосом (правда, он иногда ворчит, что его заставляют вести первый голос, когда ему сподручнее петь вторым – но кто в таких случаях прислушивается к его ворчанию?!), так что за ним уже легко идти вторым, третьим (и Бог знает еще каким...) голосами, даже тому, у кого нет голоса, а возможно, и слухом мать-природа слегка обидела... Вот в течение долгого пути весь песенный репертуар вроде бы исчерпан – все общераспространенные и мало кому известные песни спеты, и тогда Миша переходит на лирические и обрядовые песни своей родной округи, из-за незнания которых я не могу петь, а лишь подтягиваю... Володя вдруг пристально посмотрел на нас и говорит: «Майбыръяс ті ('Счастливые вы')...» – «Почему?» – спрашиваю. – «Так много песен знаете», – был ответ.

Тогда мне подумалось: «Чтобы знать и помнить много народных песен, в реальной жизни их должно быть несравненно больше...». Инмарлы тау, удмуртским народом создано так много песен, что даже если выберешь и запомнишь лишь малую толику из этого изобилия, уже более чем достаточно. Удивление и, возможно, определенную зависть Владимира Александровича я воспринял вполне адекватно: репертуар коми народных песен, которые хотелось бы друг за другом исполнять в пути, не столь велик, так что отдельно взятому коми человеку знать их в большом количестве весьма непросто. Не случайно академик Борис Александрович Серебrenников (тоже ушедший уже от нас в мир иной), отличный знаток языка и духовной культуры коми, однажды в частной беседе как-то выразился: «Удивительно: коми – это единственный народ, у которого нет своих народных песен». Может быть, слишком жестко сказано, но не так уж далеко от истины...

Мы же, удмурты, недостаточно ценим это бесценное богатство – песенное творчество своего народа, слишком расточительно к нему относимся. Насколько мне известно, в настоящее время целенаправленной записи и издания народных лирических песен* – уже, возможно, остатков ее – почти не ведется, хотя общеизвестно: традиционное народное искусство, в том числе народная песня, более чем когда-либо находится под угрозой постепенного вымывания. Это мне известно на своем опыте. Уже не одно десятилетие по программе, составленной мной и выдержавшей ряд изданий (см., напр.: [Кельмаков 2002]), наши студенты представляют на кафедре в качестве контрольной работы по диалектологии не только материалы по фонетике, морфологии и лексике говора конкретных населенных пунктов, но и записи образцов бытовой и поэтической речи, сделанные в тех же самых деревнях. И, что бросается в глаза: если раньше в студенческих записях преобладали фольклорные произведения, особенно народные песни (обрядовые,

* Самый солидный сборник удмуртских народных песен с нотами был издан фольклористом П.К. Поздеевым полвека (!) тому назад [Жинг. удм. кыр. 1960], повторным стереотипным изданием – в 1987 г. Правда, еще ряд песенных сборников увидел свет в последние десятилетия [Чуракова 1986; 1999; Бойкова, Владыкина 1992; Нуриева 1995; 2004; Ходырева 1996], однако они содержат преимущественно обрядовые песни и/или произведения узколокального характера, ввиду их специфичного в языковом и мелодическом отношении характера, трудноисполняемые носителями других диалектов.

лирические и др.) и частушки, то в настоящее время их становится все меньше и меньше – преобладают тексты бытового содержания...

Любовь М.Г. Атаманова к удмуртским народным песням выразилась не только в удовольствии исполнять их во всевозможных случаях и ситуациях*, но и в их постоянных публикациях. Так, в статье «Граховские говоры южноудмуртского наречия» в качестве приложения к теоретическому описанию говора, наряду с иными (прозаическими, малыми и др.) жанрами удмуртского фольклора, даны 19 народных песен: они записаны в дд. Старая Игра – 7 [Атаманов 1981: 58–66], Мишкино – 5 [Атаманов 1981: 81–84], Лолошур-Возжи – 3 [Атаманов 1981: 85–89], Мамаево – 2 [Атаманов 1981: 89–91], Мещеряково – 1 [Атаманов 1981: 91–92], Горные Юраши – 1 [Атаманов 1981: 92–93]. 11 песен включено и в статью «Образцы речи сибирских удмуртов» [Атаманов 1982: 142–153]. Наиболее концентрированно удмуртская песня представлена в его книге «Песни и сказы ушедших эпох», посвященной языку и фольклору жителей своей родной деревни Вуж Эгра, – всего 37 песен на удмуртском языке с параллельным переводом на русский язык, с нотным приложением и комментариями к текстам [Атаманов-Эграпи 2005: 49–116].

Совершенно иной подход к удмуртской народной песне (да и всему устно-поэтическому творчеству) мы наблюдаем в большой лиро-эпической поэме «Тангыра», текст которой насквозь пронизан тропами, образами, фразеологией, отрывками и даже целыми произведениями различных жанров удмуртского фольклора, приведенными в адаптированном или перефразированном виде либо включенными в ткань поэмы без изменений. Об этом, естественно, скажут еще свое профессиональное и тем самым – более авторитетное слово – литературоведы и фольклористы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Атаманов, М.Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / УдНИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР. – Ижевск, 1981. – С. 45–96.

Атаманов, М.Г. Образцы речи сибирских удмуртов // Образцы речи удмуртского языка / УдНИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР. – Ижевск, 1982. – С. 131–153.

Атаманов-Эграпи, М.Г. Песни и сказы ушедших эпох=Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.

Бойкова, Е.Б., Владыкина, Т.Г. Песни южных удмуртов: Материалы и исследования / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1992. – Вып. 1. – 192 с.

Жинг. удм. кыр. 1960 – Жингырты, удмурт кырзан!: Нотаосын кырзан сборник / Дасяз П.К. Поздеев. Истор., экон., лит. но кылъя Удмурт НИИ. Литературая но фоль-

* О своей любви к исполнению народной песни М.Г. Атаманов высказался так: «Не только с друзьями, родственниками или наедине, как папа, я пою, но и во время работы во мне звучит песня. Пою даже во сне, иногда с песней и просыпаюсь. Сколько песен пропел за всю свою жизнь?! До сих пор пою. Господи, прости меня, а если тебе это неудобно, то избавь меня от этой напасти» [Атаманов-Эграпи 2005: 46].

Михаил Атаманов и удмуртская народная песня...

кларья сектор. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. – 396 б; 2-й изд. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 374 с.

Кельмаков, В.К. Удмурт диалектология: Студентъёслы но аспирантъёслы юртос / Удм. кун ун-т. Огъя но финн-угор кылтодонъя каф. – 5-тйез, тупатъяса, выльдыса но ватсаса поттэмез. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2002. – 175 б.

Нуриева, И.М. Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1995. – Вып. 1. – 232 с.

Нуриева, И.М. Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – Вып. 2. – 332 с.

Ходырева, М.Г. Песни северных удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1996. – Вып. 1. – 120 с.

Чуракова, Р.А. Удмуртские свадебные песни / Под ред. доктора искусствоведения, проф. Э.В. Гиппиуса. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 147 с.

Чуракова, Р.А. Песни южных удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1999. – Вып. 2. – 160 с.

Эграпи Гавир Микаль. Тангыра: Кузьмадёс. – Ижкар: Удмуртия, 2008. – 320 б.: суредъёс.

CQIFU 1981 V – Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20–27. VIII.1980. – Pars V: Acta congressus et symposia. – Turku, 1981. – 106 p.: The Turku Congress in pictures.

Поступила в редакцию 16.11.2010

V.K. Kelmakov

Mikhail Atamanov and Udmurt Folk Song. Traits to creative portrait of the scientist

The article reveals M. Atamanov's versatile attitude to Udmurt folk song. The scientist is shown 1) as song performer being among his relatives, friends and just acquaintances; 2) as a collector and propagandist of Udmurt folklore in his scientific publications; 3) and as a user of the songs in the texts of his works of art.

Кельмаков Валей Кельмакович,
доктор филологических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

РЕЗОЛЮЦИЯ

**Международной научной конференции
«Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия»,
посвященной 65-летию доктора филологических наук,
ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии
на удмуртский язык, члена Союза писателей России
Атаманова Михаила Гавриловича
(25–27 ноября 2010 г., г. Ижевск)**

В работе Международной научной конференции приняли участие как зарубежные ученые из Венгрии, Финляндии, США, Эстонии, Германии, Швеции, Казахстана, так и российские исследователи. Выражая признательность организаторам, участники ее конференции высоко оценивают научный и организационный уровень состоявшихся заседаний.

Конференция подтвердила высокую значимость многолетней научно-исследовательской, литературной, переводческой и просветительской работы М.Г. Атаманова, его значительный вклад в исследование истории, этнографии и языкознания удмуртского народа.

Труды М.Г. Атаманова позволили значительно углубить и систематизировать научные знания в области изучения генезиса удмуртского народа как неотъемлемой части мирового финно-угорского сообщества и нашли отражение в его фундаментальном исследовании «Происхождение удмуртского народа» (Ижевск, 2010).

Широкую известность приобрел собранный и обработанный М.Г. Атамановым удмуртский эпос «Тангыра», ставший одним из литературных источников исследования особенностей истории и самосознания удмуртов.

Благодаря подвижнической миссионерской деятельности М.Г. Атаманова удмурты получили возможность изучать священные тексты христианской религии на родном языке.

Участники конференции отмечают гражданскую позицию М.Г. Атаманова, которую он занимает, проводя большую общественную работу, защищая интересы своего народа, развивая его язык и культуру.

Отмечая роль М.Г. Атаманова в научной, литературно-переводческой и общественной деятельности, участники конференции считают необходимым предложить

научной общественности:

– продолжить комплексные исследования в области генетики, антропологии, материальной и духовной культуры, конфессиональных проблем, современного состояния и перспектив этногенеза финно-угорских народов;

– исследовать процессы глобализации с позиций потенциального ресурса развития удмуртского этноса;

– способствовать духовной консолидации удмуртского народа, занимать активную гражданскую позицию при формировании органов государственной власти и местного самоуправления;

– участвовать в независимой экспертизе проектов нормативно-правовых актов, вносимых на рассмотрение органов государственной власти и местного самоуправления;

– разработать на удмуртском языке учебные курсы лекций для всех категорий учащихся по истории, праву, философии и социологии с использованием научных достижений доктора филологических наук М.Г. Атаманова;

– содействовать сохранению и развитию народных традиций, новых форм фольклорного движения;

– продолжить комплексное изучение удмуртской деревни – хранителя материальной и духовной культуры удмуртов, с целью прогнозирования перспектив ее развития;

– провести внеочередной съезд Ассоциации финно-угорских народов, посвященный XX-летию финно-угорского движения России, в столице Удмуртской Республики г. Ижевске в 2012 г.;

органам государственной власти и местного самоуправления Удмуртии:

– принимать меры для использования удмуртского языка в качестве языка делопроизводства в органах государственной власти и местного самоуправления;

– формировать базу нормативно-правовых актов Удмуртской Республики на удмуртском языке;

– способствовать проведению внеочередного съезда Ассоциации финно-угорских народов, посвященного XX-летию финно-угорского движения России, в столице Удмуртской Республики г. Ижевске в 2012 г.

Удмуртская Республика, г. Ижевск
26 ноября 2010 г.

О Т З Ы В

ОТЗЫВЫ О КОНФЕРЕНЦИИ

Есть народы, есть нации. Только имея своих лидеров, народ может стать нацией, способной иметь свое будущее. Народы, не имеющие своих лидеров, не имеют и будущего. За эти дни я и другие мои коллеги поняли, что М. Г. Атаманов является истинным лидером удмуртского народа. Ему верит, его ценит, возлагает свою надежду простой удмуртский народ.

Разрешите, пожалуйста, сердечно поблагодарить Анатолия Васильевича, целый коллектив Центра за великолепное мероприятие, которым, по моему глубокому убеждению, достойно отметили юбилей Михаила Атаманова.

До новой встречи в Ижевске.

Силард Тот (Венгрия)

Являясь директором Института перевода Библии в Стокгольме (Швеция), я уже побывал во многих уголках России, СНГ и других странах мира. Но такой теплой встречи, как в Удмуртии, я нигде не видел: здесь все и везде, всегда поют, танцуют, веселятся. На душе людей праздник, на лицах – улыбка. Народ любит отца Михаила – ученого, переводчика Библии. Об этом мы знали и раньше, а сейчас увидели своими глазами, как удмуртский народ тянется к нему.

Было приятно познакомиться с Вами. Спасибо Вам и всему оргкомитету за хорошую и замечательную конференцию. Я вчера благополучно приехал домой. С наилучшими пожеланиями.

Бранислав Кальчевич,
директор Института перевода Библии (Стокгольм, Швеция)

Я просто поражена красотой удмуртских песен, танцами и самим доброжелательным народом. Я сама удмуртка, но родилась в Казахстане. Теперь буду собирать наши изумительной красоты песни и других удмуртов Казахстана буду учить пению наших песен.

Хочу выразить свою благодарность за организацию конференции! Все было на высоком уровне. Для себя узнала много нового и интересного, познакомилась с интересными людьми. Моя поездка тоже удалась. Надеюсь, что будет желание приехать еще раз.

Т.В. Кошман (г. Астана, Казахстан)

Мои впечатления о Международной конференции

Если бы я не смогла приехать в Удмуртию на конференцию, то это была бы непоправимая потеря для меня. Во-первых, я получила великую радость от участия на конференции. Речи, выступления ученых, их мысли, предложения, дискуссии, презентация книги, свидетелями которых мы были, обогатили всех нас. С точки зрения развития науки, культуры, религии данная Международная конференция была чрезвычайно богатой, насыщенной, очень полезной. То, что мы видели, слышали, пережили, испытали, живет во мне до сего дня как радостное Божие озарение. Я от души, от чистого сердца благодарю Господа Бога за то, что Его Слово живет в душе удмуртского народа, озаряет его жизнь. Я нахожусь в великой радости за одаренный удмуртский народ – за наших финно-угорских родственников. Жизнь среди Вас и с Вами приносит огромную радость и благодарность Богу.

Конференция, посвященная 65-летию отца Михаила Атаманова, собрала воедино российских и зарубежных ученых, деятелей науки и культуры, религиозных деятелей христианских церквей. Мы вместе радовались тому, что отец Михаил – одаренный ученый, писатель, переводчик Библии, просветитель удмуртского народа. Он стал еще ближе нам за то, что он глубоко и искренне любит родной язык, родной удмуртский народ. Это является воодушевляющим примером для всех нас. Любовь к своему народу о. Михаила проявлялась во все дни работы конференции. Что еще очень важно, народ на его любовь отвечает еще большей ответной любовью, глубокой благодарностью к Богу и к о. Михаилу. В словах народа, выступлениях ученых, деятелей культуры эта любовь и глубокое уважение к его деятельности было видно каждому присутствующему на всех мероприятиях. Воспоминаю о. Михаила и приходит на мысль жизнь и дела ветхозаветного Мардохея, который «искал добра народу своему и говорил во благо всего племени своего» (Есфирь 10:3). Подобно ему и о. Михаил в наши дни старается делать добрые дела для своего родного удмуртского народа во славу Божию.

Сердечно благодарю всех организаторов великолепной, незабываемой конференции, а о. Михаилу желаю многая и благая лета.

14 декабря 2010, г. Хельсинки

Анита Лааксо,

директор Института перевода Библии из Хельсинки (Финляндия)

Конференция прошла великолепно, она явилась национальным праздником Удмуртии и всего финно-угорского мира, где соединились наука и религия, ученые и простые люди, удмурты и другие народы. Помимо научных сотрудников, на ее открытие пришли благодарные переводчикам Библии удмуртские христиане.

Многие были в национальных платьях. В перерывах между заседаниями ученых люди пели, плясали, веселились. Выступали известные ученые по важным научным проблемам, а в конце дня дали концерты известные ансамбли «Италмас», «Тюрагай». Мы поняли, как народ ценит ученого, просветителя, переводчика Библии отца Михаила Атаманова. У этого народа, умеющего ценить своих достойных сынов, есть будущее. Совершенно незабываем и третий день – экскурсия в г. Елабугу и на родину о. Михаила – в Вуж Эгру Граховского района, встреча на удмуртско-татарской границе. Огромное спасибо организаторам Международной конференции. Храни Вас Господь! Многая Вам лета!

Марья Картано,

богословский редактор Института перевода Библии из Хельсинки
(Финляндия)

Большое спасибо организаторам за незабываемые дни 25–27 ноября в Удмуртии. Безмерно рад за М.Г. Атаманова за в высшей степени достойное этого человека проведение юбилейного мероприятия.

С уважением и благодарностью.

В.А. Березин (Ганновер, Германия)

Дорогой Михаил Гаврилович!

Горячо и сердечно поздравляем тебя со славным 65-летием!

Всещедрый Господь наш по великой Своей милости ниспослал тебе множество различных благодатных дарований – «танталов». И ты, не покладая рук, в течение многих лет с чувством глубокой ответственности перед Господом и перед людьми не только сохранял эти способности, но и «умножал» их. Отсюда – и ученая степень доктора филологических наук, и авторство выдающегося эпоса удмуртского народа «Тангыр», и множество книг, публикаций, выступлений, проникнутых пафосом гражданственности. А венцом твоей многолетней подвижнической деятельности по праву следует назвать перевод на удмуртский язык Нового Завета Библии и продолжение работы над Ветхим Заветом.

Даже простой перечень названных свершений убеждает, сколь огромна и значима проделанная тобой работа, впитавшая в себя Божии заветы.

Многая лета тебе, дорогой Михаил Гаврилович, духовного горения, крепости духа, успехов в твоих делах и деяниях на радость всем нам, твоим братьям и сестрам, и пусть Божие Благословение всегда будет с тобой.

По поручению мордовских переводчиков Библии и от себя лично

С уважением, любовью и благодарностью

Генрих Девяткин

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

МИХАИЛА ГАВРИЛОВИЧА АТАМАНОВА

(протоиерей Михаил Атаманов; М.Г. Атаманов-Эграпи;
Эграпи Гавир Микаль)

Монографии

Удмуртская ономастика. Этнонимика; топонимика; антропонимика. – Ижевск, 1988. – 168 с.

Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 396 с.

История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.: ил.

По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – 216 с.

От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск, 2005. – 216 с.

Песни и сказы ушедших эпох – Эгра кырза, Эгра вера: [Эгра поёт, Эгра сказывает]. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.: вкл.

Происхождение удмуртского народа: Монография. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.

1972

Пермской областысь удмуртъёс: [Удмурты Пермской области: об этнографической поездке к куединским удмуртам] // Молот. – Ижевск, 1972. – № 2. – С. 49–52.

1973

Грах пальёсысь кырзанъёс: [Песни граховских удмуртов] // Молот. – Ижевск, 1973. – № 2. – С. 42–44.

1974

Со мон понна – быдзым: [Он – для меня велик] // Дась лу! – Ижевск, 1974. – 2 февраля. – С. 2.

1975

Воршуд нимъёс но соосты эскерон: [Воршудные имена и их изучение] // Молот. – Ижевск, 1973. – № 8. – С. 49–51.

Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования Эгра // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 35–41.

1976

Ойконимы Граховского района // Ономастика Поволжья, 4. – Саранск, 1976. – С. 221–224.

1977

Микроэтнонимы удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии // Вопросы удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1977. – С. 123–129.

Отражение воршудно-родовых имен удмуртов в микротопонимии // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1977. – № 4. – С. 284–288.

Происхождение воршуда у удмуртов // *Fenno-ugristika*, 4. – Тарту, 1977. – С. 22–40.

Этимология некоторых воршудно-родовых имен удмуртов // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1977. – № 1. – С. 25–30.

1978

Гуртлэн нимыз: [Названия деревень: ойконимы Алнашского района] // Молот. – Ижевск, 1978. – № 2. – С. 47–48.

Морфологическая структура удмуртских микроэтнонимов // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1978. – № 2. – С. 121–127.

Этнонимы удмуртов в топонимии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1978. – 18 с.

1979

Общепермские родовые имена // Вопросы финно-угроведения. – Сыктывкар, 1979. – С. 66.

1980

Atamanov, M.G. Historische Schichten der Udmurtischen Antroponymie // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 20–27.VIII.1980. – P. II. – Turku, 1980. – С. 124.

Исторические пласты удмуртской антропонимии // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Turku, 20–27.VIII.1980. – P. VII. – Turku, 1980 – С. 3–8.*

Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 3–66.

Отражение микроэтнонимов в топонимии // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 67–88.

Размещение воршудно-родовых групп // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. – Ижевск, 1980. – С. 89–117.

Эстониысь академик [Академик из Эстонии: к 75-летию академика Пауля Аристэ] // Молот. – Ижевск, 1980. – № 1. – С. 49.

Быдзым учёнойлы – 75 арес: [Великому ученому – 75 лет: к 75-летию академика П.Аристэ] // Дась лу! – Ижевск, 1980. – 2 февраль. – С. 3.

Памятники истории и языка. О древних именах на карте Удмуртии // Комсомолец Удмуртии. – Ижевск, 1980. – 14 февраля. – С. 3.

1981

Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1981. – С. 46–96.

1982

Дуннеысь финно-угроведьёслэн ужьёсынызы выль сборник: [О международном сборнике с трудами финно-угроведов] // Молот. – Ижевск, 1982. – № 10. – С. 49.

Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов: сб. статей. – Ижевск, 1982. – С. 81–127.

Резюме: «Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии» // *Demos.* – Berlin, 1982. – С. 68–69.

Оппа кытын?: [Где «Оппа?»] // *Дась лу!* – Ижевск, 1982. – 12 март. – С. 3.

Эфирын – удмурт кыл: [В эфире – удмуртский язык] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1982. – 24 февраль. – С. 3.

1983

Изображение удмуртских воршудов // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 111–115.

Личные имена закамских удмуртов // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. – Ижевск, 1983. – С. 65–89.

Удмуртские топонимы бассейна Вятки // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1983. – № 2. – С. 115–125.

Араб путешественникъёс удмуртъёс сярсь: [Арабские путешественники об удмуртах] // *Дась лу!* – Ижевск, 1983. – 16 апрель. – С. 3.

Удмуртъёслэн улоньсытызы: [Из жизни удмуртского народа] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1983. – 30 март. – С. 4.

1984

Архаическая лексика в удмуртской топонимии // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1984. – № 3. – С. 178–183.

Резюме: «Материалы по этногенезу удмуртов» // *Demos.* – Berlin, 1984. – С. 23.

Удмурт калыклэн дано ньлыз: [Славная дочь удмуртского народа: К 60-летию Т.И. Тепляшиной] // *Дась лу!* – Ижевск, 1984. – 15 март. – С. 3.

1985

Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985. – С. 153–161.

Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. – Устинов, 1985. – С. 91–105.

Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX вв.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985. – С. 131–152. *В соавт.: Владыкин, В.Е.*

Рецензия на книгу Гариповой Ф.Г. «Татарстан гидронимнары сузлеге» // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1985. – № 4. – С. 308–309.

Удмурт нимъёс но сямъёс: [Удмуртские имена и обряды] // *Молот.* – Ижевск, 1985. – № 7. – С. 41.

Atamanov, M.G. Ugrische und samojedische Elemente in Ortsnamen Udmurtiens // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов. – Сыктывкар, 1985. – Т. II. Языкознание. – С. 152.

Дуннеысь финно-угроведъёслэн пумиськонзы: [Встреча финно-угроведов мира] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1985. – 11 август. – С. 2. *В соавт.: Гришкина, М.В.*

Шудо улэ, Бавлы пальёс: [Живите счастливо, бавлинцы: об этнографической экспедиции в Бавлинский район Татарии] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1985. – 4 август. – С. 3.

1986

Ку но кызы кылдйзы асьмелэн фамилиосмы: [Когда и как образовались наши фамилии] // *Молот.* – Ижевск, 1986. – № 10. – С. 30–31.

Удмуртские топонимы на кар // *Fenno-ugristica: Труды по финно-угроведению.* – Тарту, 1986. – № 13. – С. 26–31.

Урод сямъёслы пумит: [Против худых обычаев] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1986. – 18 март. – С. 3.

1987

Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. – С. 68–75.

Исторические пласты в топонимии Удмуртии // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докладов. Языкознание. – Устинов, 1987. – С. 28–30.

К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тезисы докладов. Языкознание. – Устинов, 1987. – С. 30–32.

Кытысь потӱзы та нимъёс: [Как произошли эти имена] // Молот. – Ижевск, 1987. – № 5. – С. 44–45.

Об угорских названиях в удмуртской топонимии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Устинов, 1987. – С. 133–141.

О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1987. – № 2. – С. 112–116.

Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Сб. статей. – Устинов, 1987. – С. 80–103.

Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Сб. статей. – Устинов, 1987. – С. 112–150. *В соавт.: Лебедева, С.Х.*

1988

Кам, Тӱды Кам, Ватка Кам: [Кама, Белая, Вятка] // Молот. – Ижевск, 1988. – № 5. – С. 61–63.

Кам тупалась ӱжыжы-выжыосмы: [Наши закамские родственники] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1988. – 23 июль. – С. 6.

Удмурт кыллы дышетӱсь: В.И. Алатыревлэн вордскемез дырысен 80 арес тырме: [Учитель удмуртскому языку: к 80-летию В.И. Алатырева] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1988. – 8 июль. – С. 3.

1989

Древний пласт удмуртских топонимов // Материалы Всесоюзной научно-практ. конференции «Исторические названия – памятники культуры». – М., 1989. – С. 8–9.

Еще раз о гидрониме Кама // Шестая конференция по ономастике Поволжья. – Волгоград, 1989. – С. 62–63.

Исторические пласты в топонимии Удмуртии // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989. – С. 19–32.

Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989. – С. 169–181.

Анай кылзэ юн гажаса: [Любя материнский язык: к 60-летию Г.А. Архипова] // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1989. – 20 май. – С. 6.

1990

Гибридный удмуртско-тюркский пласт антропонимов // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. – Ижевск, 1990. – С. 14–18.

Из истории образования фамилий удмуртов // XVII International Congress of Onomastic sciences. Abstracts. – Helsinki, Suomi-Finland, 1990. – С. 154.

Заселение бассейна Вятки по данным этнотопонимии // Congressus Septimus Internationalis Finno-Ugristarum. Summaria dissertationum. Linguistica. – Debrecen, 1990. – P. 20.

Самодийские элементы в топонимии Удмуртии // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. – Сыктывкар, 1990. – Т. 2. – С. 20–22.

1991

Кычѐ сюрес вуттүз черке?: [Какая дорога привела в церковь?]: интервью с Атамановым М.Г. / записала С. Семеркина // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1991. – 2 март. – С. 3.

Капчизэ утчаны мон ой лыкты: [Я не пришел искать лёгкого]: интервью с Атамановым М.Г. / записал В. Возняков // Дась лу! – Ижевск, 1991. – 28 август. – С. 3.

Диакон Михаил: Душа моя взывала ко Господу: интервью с Атамановым М.Г. / записал В. Михайлов // Волго-Урал. – Уфа, 1991. – № 14. – С. 8.

1992

К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья: сб. статей. – Ижевск, 1992. – С. 3–17.

1993

Субэтнические объединения удмуртов // Удмурты. Историко-географические очерки. – Ижевск, 1993. – С. 28–35.

Инмартэк эн улэ: [Не живите без Бога] // Инвожо. – Ижевск, 1993. – № 1. – С. 3–5.

Пеймыт вапумлэн тодметъёсыз: [Признаки дремучих времен] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1993. – 26 июнь. – С. 3.

1995

Вашкала крезьгуръёс: [Древние напевы] // Кенеш. – Ижевск, 1995. – С. 29–30.

Тодматэ удмуртъёслэн культураенызы: [Знакомит с культурой удмуртского народа: о научно-творческой деятельности В.Е. Владыкина] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 17 февраль. – С. 3.

1996

Кузё-Инмарез данъяса: [Восславляя Господа] // Инвожо. – Ижевск, 1996. – № 8. – С. 15–19.

Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Йошкар-Ола, 1996. – 58 с.

Паймымон сюресъёсыд Тынад, Инмаре!: [Дивны твои пути, Боже!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1996. – 8 март. – С.12; 12 март. – С.2.

1997

Азыкыл: [Предисловие] // М.В. Гришкина, К.И. Корепанов. Дауръёс пыр. – Ижевск, 1997. – С. 5–8.

Кытын тон, батырлыко Арча музъем: [Где ты, богатырская земля Арская?] // Инвожо. – Ижевск, 1997. – № 1. – С. 3–7; № 6. – С. 3–7.

Торжества в жизни удмуртских христиан // Миссионерское обозрение. – Белгород, 1997. – № 11 (25). – С. 21–23.

Асьмелэн Марьямы: [Наша Марья] // Инвожо. – Ижевск, 1997. – № 5. – С. 24. *В соавт.: Владыкин, В.Е.*

Христос Инмаре: [Христе Боже наш]: интервью с М.Г. Атамановым / записал В. Кисарев // Городской стиль. – Ижевск, 1997. – 24 февраля. – С. 6.

Жокатымтэ югыт: [Незадушенный свет: к 440-летию начала крещения удмуртов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1997. – 25 февраль. – С. 4.

Православной удмуртъёслэн праздникъёсы: [Праздники православных удмуртов] // Маяк. – Малая Пурга, 1997. – 20 сентябрь. – С. 2.

Кытчы мыно вӧсяськон книгаос?: [Куда идут божественные книги?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1997. – 23 август. – С. 3.

Агаезлэн покчи выныз: [к 75-летию Н.П.Павлова] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1997. – 15 март. – С. 3.

1998

Грах музеймын вордскиз удмурт калыклэн жингрес уёыез: [На Граховской земле родилась звенящий соловей удмуртского народа] // Инвожо. – Ижевск, 1998. – № 3. – С. 21–22.

Кытысь тон, Ашальчи?: [Откуда ты, Ашальчи?] // Кенеш. – Ижевск, 1998. – № 3. – С. 34–37.

Мукет кылъёсын вераськыны нокинлы но эн люкетэ: [Никому не мешайте говорить на других языках] // Кенеш. – Ижевск, 1998. – № 3. – С. 52–54.

Удмурт калыкы «Виль Сӱзён»: [«Новый Завет» удмуртскому народу] // Кенеш. – Ижевск, 1998. – № 2. – С. 36–39.

Atamanov, M.G. Udmurtien vaiheita // Suomensukuisten Sana. – Helsinki, 1998. – С. 133–143.

Гажаськомы, данъяськыськомы, шумпотъськомы: [Любим, гордимся, радуемся: к 60-летию М.В. Гришкиной] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1998. – 2 апрель. – С. 1.

Дауръёс пыр ортчыса кыдам сюресмы: [Путь, прошедший через горнило времен] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1998. – 17 январь. – С. 3 (М.В. Гришкиналэн но К.И. Корепановлэн «Дауръёс пыр. Вашкала-вашкала удмуртъёс сярсы очеркъёс». – Ижевск, 1997).

Великтэм. Акашка. Быдӟым нунал: [Пасха] // Ашальчи. – Ижевск, 1998. – № 1. – С. 44.

Шумпотон: [Радость] // Жечбур! – Ижевск, 1998. – 1 январь. – С. 5.

Оскон вае шумпотон: [Вера приносит радость] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1998. – 17 март. – С. 3; 24 март. – С. 4.

1999

Маркаль, удмурт профессор!: [Здравствуйте, удмуртский профессор!: к 70-летию И.В. Тараканова] // Инвожо. – Ижевск, 1999. – № 1–2. – С. 52–54.

Русские заимствования в удмуртских переводах Евангелия от Марка // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии: тез. докл. межд. науч. конф. – М., 1999. – С. 15.

Удмурт кыл удысысь нырысетӥ синпельмет: [Первый письменный памятник удмуртского языка] // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. – Ижевск, 1999. – С. 78–86.

Удмурт вераськетъёсыя виль уж: [Новый труд по удмуртской диалектологии] // Кенеш. – Ижевск, 1999. – №9. – С. 47–49.

Чупчи выл удмуртъёслэсь кылзэс эскерон: [Изучение языка причепецких удмуртов] // Кенеш. – Ижевск, 1999. – № 11–12. – С. 82–83.

Нянен гинэ кӧттэ уд тыр: [Не хлебом единым сыт человек] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1999. – 1 апрель. – С. 3.

Чус улӧмы ке, изъёс черектӧськозы!: [Если будем молчать, то камни возопиют] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1999. – 12 май. – С. 2.

Зарни шыкысысь мадь: [Сказы из золотого хранилища] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1999. – 12 май. – С. 3.

2000

Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7–13.08.2000. – Tartu, 2000. – P. II. – P. 19–20.

Библия // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 199–200.
 Новый этап в переводе книг Священного Писания на удмуртский язык // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Тез. докл. республ. научно-теор. конф. – Ижевск, 2000. – С. 25–33.

Православие // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 566.
 Рецензия: М.А. Самарова. Микротопонимия Верхней Чепцы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук // Пермистика – 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей. – Ижевск, 2000. – С. 261–266.

Следы племенного объединения удмуртов *калмез* в топонимии Волго-Камья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы межд. науч. конф. – Ижевск, 2000. – С. 381–385.

Шарканский женский удмуртский монастырь // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2000. – С. 758.

Калык сярсы сьолмаськоньёсы: [Мои заботы о народе]: интервью с М.Г. Атамановым / записала Л. Айтуганова // Кенеш. – Ижевск, 2000. – № 9. – С. 25–31.

Гучинэ ватэм марзан: [Жемчужины скрытые в селищах: рецензия на книгу Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа». Ижевск, 1999. 464 с.] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 12 май. – С. 3.

Зечбур, бесерман дунне!: [Здравствуй, мир бесермянский!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 27 июль. – С. 2, 4.

Инмарен быръем сюрес но вальк-вальк өвёл: [И путь, избранный к Богу, не всегда бывает гладким]: интервью с М.Г. Атамановым / записала М. Костылева // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 22 август. – С. 2.

Дауръёсысь дауръёслы книга (Энциклопедиялы рецензия): [Книга на веки веков: рецензия на энциклопедию] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 22 сентябрь. – С. 3.

Финн ныл Эгра пальёсын: [Финская девушка на земле Эгра] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 20 июнь. – С. 2.

Мур малпаське, эшъёс: [Глубоко подумайте, друзья] // Герд. – Ижевск, 2000. – 19 сентябрь. – С. 1.

Кулэм муртэ буре ваён сярсы: [О поминании усопших] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 6 октябрь. – С. 6.

Куректон-кайгу лыктыку чидасесь луэ: [Когда приходят беды, будьте терпеливы] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 3 ноябрь. – С. 6.

Малы сьолэмшугъясъе калык? Кин ыбыльсье Иерусалимын?: [Отчего тревожится народ? Кто стреляет в Иерусалиме?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2000. – 2 декабрь. – С. 6.

2001

Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. 7–13.08.2000. P. IV. Dissertationis: Lingvistika I. – Tartu, 2001. – P. 97–106.

Если бы начать все снова, поступили бы Вы в УдГУ?: анкета для выпускников // Луч: Литератур. журн. – Ижевск, 2001. – № 7–8. – С. 7.

Религиозно-духовная ситуация в среде удмуртов в XX веке // Миссионерское обозрение. – Белгород, 2001. – № 1 (63). – С. 12–14.

Рецензия: Р.Д. Голдина. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999 // Linguistika Uralica. – Tallinn, 2001. – № 3 (XXXVII). – С. 238–240.

Кузё-Инмармылэн Вордсконэз тазы вал: [Так было Рождество Господа Иисусу Христа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 5 январь. – С. 12.

Инмаре, жаля монэ съблыкоез: [Боже, милостив буди мне грешному] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 2 февраль. – С. 12.

Съблыкѣслэсь куштӱськон дыр: [Время покаяния за грехи] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 2 март. – С. 12.

Урод кыльѣсын юнме куаретӱзы ке, тӱ шудоесь: [Блаженны вы, когда вас будут злословить] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 30 март. – С. 6.

Быдӱым нунал – Пасха – Великтэм – Акашка: [Пасха] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 13 апрель. – С. 12.

Сергей Рахманинов жингыртэ удмурт кылын: [Сергей Рахманинов звучит подмуртски] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 13 апрель. – С. 13.

Инме жутӱськон: [Вознесение] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 4 май. – С. 12.

Вань адымиослы тодытэ Евангелиез: [Проповедуйте Евангелие всем людям] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 1 июнь. – С. 12.

Огдэс огды жеч кылын юнматэ: [Наставляйте друг друга добрым словом] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 29 июнь. – С. 12.

Воштӱськон, выльдӱськон. Инмар кирос понна курадӱонэз чидам Евгений: [Обновление. Мученик за крест Господень Евгений] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 27 июль. – С. 6.

Кытысен потэмын Ижлэн нимыз: [Откуда произошло название «Иж»] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 21 август. – С. 4.

Йырвизьмыд чылкыт, улонэд сайкыт: [Ум-разум чист и жизнь светла] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 31 август. – С. 12.

Вапумӱёс чӱже каньыл улон тыныд: Удмурт священниклы, тодосчылы, кылбурчылы – Григорий Верещагинлы 150 арес: [Мир во веки веков тебе: 150 лет со дня рождения удмуртского священника, ученого, писателя Григория Верещагина] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 28 сентябрь. – С. 12.

Чылкыт сюлэмоос шудоесь: [Блаженны чистые сердцем] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 2 ноябрь. – С. 12.

Нылпиослы Библия: [Библия для детей] // Жечбур. – Ижевск, 2001. – 4 коньывуон. – С. 5.

Тынад кылыд пыд азьме югдытэ: [Твоё слово освещает мой путь] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 30 ноябрь. – С. 12.

2002

Библейская терминология в удмуртском переводе «Нового Завета» // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. – Ижевск, 2002. – С. 85–92.

Библия в руках удмуртских детей // Миссионерское обозрение. – Белгород, 2002. – № 4 (78). – С. 10–11.

Из истории района. Воршудно-родовой состав // Малопургинская земля – моя родина. – Ижевск, 2002. – С. 13–24.

Кыле лёгем пытиёс: [Остаются следы на земле: к 60-летию проф. В.К. Кельмакова] // Пермистика – 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. – Ижевск, 2002. – С. 81–88.

Проблемы этногенеза удмуртов в трудах Р.Д. Голдиной // Исследовательские традиции в археологии Прикамья: Сборник научных трудов. – Ижевск, 2002. – С. 150–157.

Этнический состав населения бассейна р. Вятки последних двух тысячелетий // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы межд. науч. конф. – Ижевск, 2002. – С. 269–282.

Кузё-Инмармылэн Иисус Христослэн Вордсконэныз ёчкылан гожтэтгёс: [Рождественские послания, поздравления] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 4 январь. – С. 12.

Инмарлэн адямиосыз: Михаил Павлович. Мария: [Божии люди: Михаил Павлович. Мария] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 1 февраль. – С. 12.

Мукет инмаръёсыд луыны кулэ өвёл: [Других богов у тебя не должно быть] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 1 март. – С. 12.

Луоз выль ин, выль музъем: [Будет новое небо, новая земля] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 29 март. – С. 12.

Бадзымнуналэн (Пасхаен) ёчкылан гожтэтгёс: [Пасхальные поздравления] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 30 апрель. – С. 12.

Мон синтэм вал, нош табере адзисько: [Раньше я был слепым, а теперь вижу] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 31 май. – С. 12.

Кызы улёськод, дунне?: [Как живешь, мир?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 28 июнь. – С. 12–13.

Инмар сюлмамы улэ ке: Августа: [Если Бог живет в нашем сердце: Августа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 2 август. – С. 12–13.

Инмын асьмелэн Судьямы. Маин янгыш вож нуны?: [На небе наш Судья. В чем виноват младенец?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 30 август. – С. 12.

Ялан ченгешиськом: [Все еще спорим-рядимся] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 11 сентябрь. – № 131. – С. 3.

Лыдъян-гожъянлэсь кышканэз өвёл: [Не надо бояться переписи] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 27 сентябрь. – С. 12.

Кычё калыкысь тон?: [Из какого народа ты?] // Герд. – Ижевск, 2002. – 24 куарусён. – С. 1.

Ваньмыз луоз огъя, яке мар со глобализация?: [Все будет едино, или что такое глобализация] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 1 ноябрь. – С. 12.

Миссионеръёслы кенешсы бере малпанъёс: [Размышления после съезда миссионеров] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 6 декабрь. – С. 12.

Лякиськем улвай сярсь мадён: [Притча о привитой ветке маслины] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 31 декабрь. – С. 12.

Третий всецерковный съезд епархиальных миссионеров. Взгляд из Удмуртии // Вести. Православная газета. – Ижевск, 2002. – Декабрь. – С. 4.

Глобализация и судьбы малых народов России // Вести. Православная газета. – Ижевск, 2002. – Декабрь. – С. 4.

2003

Айкай шаерын вордскем дышетісе: [Мой учитель, родившийся на земле Ай-кай] // Вордскем кыл. – Ижевск, 2003. – № 5–6. – С. 6–9.

И были мы молоды... Моя первая экспедиция с Владимиром Емельяновичем Владыкиным // Этнос-Культура-Человек: Сб. материалов межд. науч. конф., посвященной 60-летию В.Е. Владыкина. – Ижевск, 2003. – С. 17–27.

Из истории формирования закамской группы удмуртов // Вордскем кыл. – Ижевск, 2003. – № 10. – С. 87–94.

По следам воршуда Ёумья // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 2003. – № 1. – С. 65–73.

По следам воршуда профессора Владимира Владыкина // Вордскем кыл. – Ижевск, 2003. – № 9. – С. 67–73.

Русские заимствования в удмуртских переводах Евангелий от Марка // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии: Материалы конф. – М., 2003. – С. 197–202.

О некоторых ключевых понятиях Библии в удмуртском литературном языке // *Linguistica Uralika*. – Tallinn, 2003. – № 4 (XXXIX). – S. 258–265. В соавт.: Картано, М.

Рецензия: Чудотворные иконы. Свято-Успенский женский монастырь, с. Перевозное. – Ижевск, 2003. – С. 72.

Эн курлалэ, тӱ но курламын уд луэ: [Не осуждайте, и вы не будете осуждены] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 31 январь. – С. 12.

Лжесвидетели // Герд. – Ижевск, 2003. – 27 толшор. – № 1 (46). – С. 2.

Содомен Гоморра кадь медаз быре вал: [Чтобы не исчезли как Содом и Гоморра] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 28 февраль. – С. 12.

Усён но жӱтӱськон: [Взлет и падение] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 28 март. – С. 12.

Пужныса поттэм зарни пырыос. Маргарита Гришкиналэн вордскем нуналэз: [Проведянные крупинки золота. День рождения Маргариты Гришкиной] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 4 апрель. – С. 12.

Вормыны юрттӱз Инмар Анай: [В победе помогла Матерь Божия] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 25 апрель. – С. 12.

Инмарез вӧсь уд кары, ачид вӧсь луод: [Богу не навредишь, себе нанесешь боль] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 30 май. – С. 12.

Дунне вылэз югдытӱсьсӧс: [Просветители мира] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 4 июль. – С. 12.

Салам, сайкась Актэмыр!: [Приветствую тебя, пробуждающийся Актэмыр] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 29 август. – С. 12.

Вань святойёс, вӧсяське ми понна: [Все святии, молите Бога о нас] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 1 август. – С. 12.

Серафим атаймы, вӧсяськы ми понна!: [Отче Серафиме, моли Бога о нас] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 26 сентябрь. – С. 12–13.

Каньыллык тыныд, Дебес музъем: [Мир тебе, земля Дебесская] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 6 ноябрь. – С. 12.

Дуннелы Инмар кылэз тодытон: [Проповедь слова Божия всему миру] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 28 ноябрь. – С. 12.

Анайлэн вӧсяськемез: [Молитва матери] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2003. – 26 декабрь. – С. 12.

И проповедайте Евангелие всей твари: интервью с М.Г. Атамановым / записала И. Трифонова // Православные вести. – Ижевск, 2003. – Декабрь. – № 12 (058). – С. 3.

2004

Великий просветитель удмуртского и других народов Волго-Камья // Миссионерское обозрение. – Белгород, 2004. – № 11 (109). – С. 13–25.

Из истории алнашских деревень // Алнаши – сердцу добрый свет. – Ижевск, 2004. – С. 27–32.

Из истории формирования закамской группы удмуртов // Вордскем кыл. – Ижевск, 2004. – № 1. – С. 79–90.

Происхождение теонима Инмар («Бог») в удмуртском языке // Новости библейского перевода. Информационный бюллетень Института перевода Библии. – М., 2004. – № 1 (18). – С. 7.

Происхождение теонима Инмар («Бог») в удмуртском языке // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. – Ижевск, 2004. – С. 175–181.

Сибирская группа удмуртов // Вордскем кыл. – Ижевск, 2004. – № 10. – С. 76–95.

Язык поэзии Никифора Корнилова // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. – Ижевск, 2004. – С. 25–33.

Малы осконтьёс котырын сомьнда ченгешонтьёс?: [Почему так много споров вокруг религии] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 30 январь. – С. 12.

Жаля монэ, Инмаре, жаля монэ: [Помилуй мя, Боже, помилуй мя] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 27 февраль. – С. 12.

Иудаен одӱг радэ сюронлэсь уть, Инмаре: [Боже, сохрани от попадания в ряд с Иудой] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 2 апрель. – С. 12.

Аслад кылыд понна ик судэ но сюрод: [И от слов своих осудишься] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 30 апрель. – С. 12.

Музьем мед бюджетоз вож узьым: [Земля пусть произрастает зелеными ростками хлебов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 28 май. – С. 12.

Как живешь ты, моя родная деревенька?: // Герд. – Ижевск, 2004. – № 6 (63). – С. 3.

Инмар утча яратонэн пачылмем сиолэмьёсты: [Бог ищет людей с сердцем, наполненным любовью] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 30 июль. – С. 12.

Атайдэ но анайдэ сӱлы кар: [Почитай отца и мать своих] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 27 август. – С. 12.

Дун-сьӧлыктэм улӱсьёслэн нимзы ноку но уз вуны: [Никогда не будут преданы забвению имена святых] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 1 октябрь. – С. 12.

Юос-емьшӱёс мед удалтозы: [Пусть будет хороший урожай хлебов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 29 октябрь. – С. 12.

Сюлэм висён-вазиськон: [Обращение с болью на сердце] // Герд. – Ижевск, 2004. – Октябрь. – № 10 (67). – С. 1.

Тынад кылыд пыд азьме югдытэ: [Слова Твои освещают подножие ног моих] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 3 декабрь. – С. 12.

2005

Академик Пауль Аристэ и удмуртское языкознание // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2005. – 1 (XLI). – С. 66–67.

Бавлинская группа южных удмуртов: проблемы заселения // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.). – Ижевск, 2005. – С. 124–128.

Вопросы и ответы // С верой, надеждой, любовью. К 60-летию доктора филологических наук, протодиакона Михаила Гавриловича Атаманова. – Ижевск, 2005. – С. 65–110.

Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // Финноугрика. – 2003–2004. – № 1 (7–8). – Казань: Институт истории АНТ, 2005. – С. 58–67.

И язык мой будет проповедовать правду Твою... // Материалы научно-практических конференций / Сост. В.И. Ничик, Н.Б. Костина. – Екатеринбург: УрАГС, 2005. – С. 42–44. [Стабильность государственно-конфессиональных отношений – залог гражданского мира и согласия]

Рецензия: Н.В. Кондратьева. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2002 // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2005. – С. 229–231.

Atamanov, M. / Molotova T. & Lehtinen I., Moxsin N., Atamanov M. Hautausmaa // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 17–18.

Atamanov, M. / Molotova T., Moxsin N., Atamanov M. Ikoni // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 26.

Atamanov, M. Kama // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 34.

Atamanov, M. / Molotova T., Moxsina Je., Atamanov M. Kirkko // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 34.

Atamanov, M. / Atamanov M. & Griskina M. Vjatka // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 143–144.

Atamanov, M. / Lehtinen I., Moksina Je., Atamanov M. Volga // Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakija. – Helsinki, 2005. – S. 144.

Инмарлэн паймымон ужъёсыз: [Чудные дела Божии] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 28 январь. – № 11–12. – С. 12.

Кышкыт Суд: [Страшный Суд] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 4 март. – № 30–31. – С. 12.

Анай – Инмар Анай: [Мать – Божья Матерь] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 1 апрель. – № 45–46. – С. 12.

Кулэмьсь улъыса султон: [Воскресение из мертвых] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 29 апрель. – № 61–62. – С. 12.

Кинъёс со католикъёс?: [Кто они такие – католики?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 3 июнь. – № 79. – С. 12.

Финн-угор калыкъёслэн осконзы: [Верования финно-угорских народов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 1 июль. – № 94–95. – С. 12.

Удмурт калыклэн быдзым югдытёсез: [Великий просветитель удмуртского народа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 29 июль. – № 110–111. – С. 12.

Михаил Архистратиг – Инмысь дурбасьтёсе: [Архистратиг Михаил – мой небесный покровитель] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 2 сентябрь. – № 130–131. – С. 12.

Исаия пророклэн книгаез: [Книга пророка Исаии] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 28 октябрь. – № 162–163. – С. 12.

Кытчы сюрод, лулыкае?: [Куда же ты пойдешь, моя душа?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 2 декабрь. – № 181–182. – С. 12.

2006

Еще раз о происхождении удмуртского воршуда // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2006. – № 2 (XLII). – С. 103–111.

«Зеч лу шуид но кошкид». Никифор Корнилов писательлэн улон-вылон сюресез: [«Сказал «прощай» и уехал». Жизненный путь писателя Никифора Корнилова] // *Кенеш*. – Ижкар, 2006. – № 8. – С. 76–88.

Роль Православной Церкви в формировании удмуртской печати // *Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати*. – Ижевск, 2006. – С. 11–15.

Отемъёс трос, нош быръемъёс ожит: [Много званых, но мало избранных] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 6 январь. – № 1. – С. 12.

Милям шумпотонмы но сюлмаськонмы: [Наши радости и беспокойства] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 3 февраль. – № 15–16. – С. 12.

Опкельыса съолькыёстылэсь куштёське: [Покайтесь – освободитесь от грехов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 3 март. – № 29–30. – С. 12.

Висён но, бурмон но Инмар кыин: [И болезнь, и здравие в руках Божиих] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 31 март. – № 44–45. – С. 12.

Мугорлэн кыллэн интыез. Кыче луыны кулэ шайвыл?: [Место погребения усопших. Как должно содержаться кладбище?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 2 июнь. – № 78–79. – С. 12.

Оскисьтэм эн лу, оскись лу: [Не будь неверующим, но будь верующим] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 28 апрель. – № 60–61. – С. 12.

Сибирьысь пичи Шарканын: [В Сибирском маленьком Шаркане] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 30 июнь. – № 93–94. – С. 12.

Салья калык – ужась калык но мар сое возьма азыляяз: [Народ Сальи – народ трудолюбивый, но что ждет его впереди?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 28 июль. – № 109–110. – С. 12.

Утиське! Секта...: [Берегитесь! Секта...] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 1 сентябрь. – № 129–130. – С. 12.

Преподобной Серафим атаймы, шумпоты!: [Радуйся, преподобне отче Серафиме!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 29 сентябрь. – № 145–146. – С. 12.

Кылчинъёслэн дуннезы: [Мир ангелов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 3 ноябрь. – № 165–166. – С. 12.

2007

Еще раз о происхождении этнонима удмурт // *Linguistica Uralika*. – Tallinn: Estonian Academy of sciences, 2007. – 2 (XLIII). – S. 90–97.

Ку но кызы кылдйзы удмуртъёслэн фамилиоссы: [Когда и как образовались фамилии удмуртов] // Кенеш. – Ижкар, 2007. – № 10. – С. 82–85.

Чыжы-выжы, семья, гурт кусыпъёсты возматйсь удмурто-зучо кыллюкам: [Словарь терминов родства и свойства в удмуртском языке] // Кенеш. – Ижкар, 2007. – № 10. – С. 96–111. *В соавт.: Владыкин, В.Е.*

Ӧпкельыса съолыкъястылэсь куштйське!: [Покайтесь!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 2 март. – № 29–30. – С. 12.

Висиско вал, тй монэ утялтйды: [Я был болен и вы за мной ухаживали] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 26 январь. – № 10–11. – С. 12.

Алексий II Патриархлэн Быдзымнуналэн – Пасхаен – зечкылан гожтэтэз: [Пасхальное послание Патриарха Алексия II] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 6 апрель. – № 49–50. – С. 12.

Вавилон юбо, яке малы дунне вылын сомьнда кылъёс?: [Вавилонская башня, или почему так много языков на земле] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 4 май. – № 64–65. – С. 12.

Ваньмылзэсь быдзымез но дуноез: [Самый великий и самый дорогой] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 1 июнь. – № 79–80. – С. 12.

Юалэ – быгатэммыя валэктомы: [Спрашивайте – по возможности ответим] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 29 июнь. – № 94–95. – С. 12.

Патриархлэн Удмурт Элькунэ вуылонэз но мукет ужпумъёс сярсы: [О предстоящем визите Патриарха в Удмуртию и другие вопросы] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 27 июль. – № 110–111. – С. 12.

Удмурт кылын литургия сярсы но мукет юанъёс: [О литургии на удмуртском языке и другие вопросы] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 31 август. – № 130–131. – С. 12.

Дун-чылкытйёс пöлы пырон: [О почитании святых] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 5 октябрь. – № 150–151. – С. 12.

Оскон понна курадзйтыса виемъёс: [Мученики за веру Христову] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 2 ноябрь. – № 166–167. – С. 12.

Ми понна вöсяськелэ: [Молитесь о нас] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 30 ноябрь. – № 181–182. – С. 12.

Алексий II Патриархлэн Иисус Христослэн Вордсконэныз зечкыланэз: [Поздравление Патриарха Алексия II с Рождеством Христовым] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2007. – 28 декабрь. – № 197–198. – С. 12.

2008

Библия // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2008. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 209.

Еще раз об арской проблеме в истории удмуртского народа // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конф. – Ижевск, 2008. – С. 185–195.

Микротопонимия д. Вуж Эгра, или летопись моей деревни времен ушедших // Вордском кыл – Родное слово. – Ижевск, 2008. – № 3. – С. 46–48; № 4. – С. 32–35; № 6–7. – С. 43–45.

Ономастикон удмуртского эпоса «Тангыра» // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума. – Ижевск, 2008. – С. 57–64.

Праздники фольклора // Чипчирган звучит в душе моей. – Ижевск, 2008. – С. 144–145.

Рецензия: Т.Н. Дмитриева. Топонимия бассейна реки Казым. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ижевск, 2006. 847 с. // *Linguistica Uralica*. – 1 (XLIV). – Tallinn, 2008. – С. 74–78.

Туала эпос сярсы: Тангыра: [О современном эпосе: Тангыра] // Инвожо. – Ижевск, 2008. – № 5–6. – С. 37–48.

Шарканский женский удмуртский монастырь // Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск, 2008. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 725.

Виль Мултан черк удмурт калыклэн улоназ: [Ново-Мултанская церковь в жизни удмуртского народа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 1 февраль. – № 14–15. – С. 12.

Ми понна но вöсьясы, отец Петр!: [И о нас молись, отче Петре!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 29 февраль. – № 29–30. – С. 12.

Чылкыт сюлмын, сайкыт малпанэн: [С чистым сердцем и светлыми помыслами] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 28 март. – № 44–45. – С. 12.

Сое ватöзы кырöса: [Её хоронили с песнями: о творчестве Ашальчи Оки, к её 110-летию] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 15 апрель. – № 54. – С. 6.

Миро нуллöсь кышномуртöс: [Жены-мироносицы] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 25 апрель. – № 60–61. – С. 12.

Кин янгышамзэ вала, со берытске Инмар пала: [Осознавшие свои прегрешения, возвращаются к Богу] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 30 май. – № 79–80. – С. 12.

Бадöым семья – бадöым шуд: [Большая семья – большое счастье] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 27 июнь. – № 94–95. – С. 12.

Пель сöрын шуккиске... тангыра: [Во мне звенит тангыра]: интервью с М.Г. Атамановым / записал Рашид Хайдар // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 22 июль. – № 108. – С. 6.

Идна батыр. «Тангыра» эпослэн дасэтö мадöьсытыз люкет: [Богатырь Идна. Часть сказания 10-й главы эпоса «Тангыра»] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 22 июль. – № 108. – С. 74; 23 июль. – № 109. – С. 8.

Соин шулдыр коркае...: [С детьми красна моя изба...] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 25 июль. – № 110–111. – С. 12.

Пастырöсмы но соослэн семьяоссы: [Наши пастыри и их семьи] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 29 август. – № 130–131. – С. 12.

Осконэн кужмо адами: [Верою силен человек] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 31 октябрь. – № 166–167. – С. 12.

Дунне пожасöслы пумит: [Против смутьянов мира] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 28 ноябрь. – № 181–182. – С. 12.

Люкиськон: [Прощание. О Патриархе Алексие II] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 26 декабрь. – С. 12.

Кылтэк калык öвöл: [Без языка нет народа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 14 ноябрь. – № 173–174. – С. 5.

Где была прародина удмуртов? Из древней истории удмуртского народа // Удмуртская правда. – Ижевск, 2008. – 16 июля. – № 78. – С. 3; 22 июля. – № 80. – С. 3; 29 июля. – № 83. – С. 3.

2009

Алексей Афанасьевич, тау!: [Спасибо, Алексей Афанасьевич!] // Алексей Ермолаев. Известный и неизвестный: воспоминания, статьи, публикации, эссе, письма. – Ижевск: Инвожо, 2009. – С. 413–414.

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: азыкыл; воршуд-выжы нимьёс: [Моё отечество, родной народ и его драгоценные имена-названия: предисловие; воршудно-родовые имена] // Вордскем кыл–Родное слово. – Ижевск, 2009. – № 8. – С. 37–46.

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: воршуд нимьёсолэн пуш-троссы: [Моё отечество, родной народ и его драгоценные имена-названия: этимология воршудных имен] // Вордскем кыл–Родное слово. – Ижевск, 2009. – № 9. – С. 40–44.

Древнеудмуртские молитвы-куриськоны из эпоса «Тангыра» // Финно-угорский мир. – Саранск, 2009. – № 4. – С. 84–91.

Займствованная лексика в удмуртских переводах Евангелия от Марка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 93–101.

Ничто в мире не исчезает бесследно // Воршуд: святыня рода. – Ижевск, 2009. – С. 24.

Зеч-а, бур-а, Олексей агай!: [Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!] // Кенеш. – Ижкар, 2009. – № 8. – С. 101–104. (Рецензия на книгу: Алексей Ермолаев. Известный и неизвестный: воспоминания, статьи, публикации, эссе, письма. – Ижевск: Инвожо, 2009. – 460 с.)

Христианские и языческие мотивы в эпосе «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований '08 / Науч. ред. Н.И. Леонов; сост.-ред. А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 75–82.

Этноисторическое лицо Граховского района: Из истории его заселения // Граховский район. Тропою памяти. – Ижевск, 2009. – С. 154–159.

Сюлмамы медаз луы пеймыт: [Чтобы на сердце не было темноты] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2009. – 30 январь. – № 11–12. – С. 12.

Дас куатетӥез Патриарх. Кин тон?: [Шестнадцатый Патриарх. Кто ты?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2009. – 27 февраль. – № 26–27. – С. 12.

Визяса вань сюлмынды берытскелэ Инмар пала [Постившись, всем сердцем повернитесь к Богу] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2009. – 27 март. – № 41–42. – С. 12.

Кузё-Инмарлы оскыса улӥсь адями – шудо [Блажен человек верующий в Господа] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2009. – 30 апрель. – № 60–61. – С. 12.

Улон но кулон, яке ма со эвтанизия? [Жизнь и смерть, или что означает эвтанизия?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2009. – 5 июнь. – № 79–80. – С. 12.

2010

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: корка, улы-бече, иськавын-бӧляк нимьёс: [Прародина, родной народ и его многоценные имена: патронимы] // Вордскем кыл – Родное слово. – Ижевск, 2010. – № 7. – С. 40–43.

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: Адями нимьёс. Фамилиос: [Прародина, родной народ и его многоценные имена: Личные имена людей. Фамилии] // Вордскем кыл – Родное слово. – Ижевск, 2010. – № 8. – С. 38–47.

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: *одо, ар, вотяк* кылгӧслӧсь пӧрмем нимьёс: [Прародина, родной народ и его многоценные имена: этнотопонимы *одо, ар, вотяк*] // Вордскем кыл – Родное слово. – Ижевск, 2010. – № 10.

Общепермская лексика ананьинского времени, связанная с производящим хозяйством // Финно-угорские этносы: технология развития в условиях глобализации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ижевск, 2010. – С. 227–244.

Ученый, воин, человек с большой буквы. Рец. на: Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск, 2005. – 431 с. // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2 / Науч. ред. Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С. 152–158.

Частные и общественные моления, молитвы-куриськоны в эпосе «Тангыра» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2 / Науч. ред. Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С. 21–38.

Мадьярский след в топонимии и археологии Волго-Уральского региона // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. – Ижевск, 2010. – С. 87–92.

Человек с большой буквы // «Быть откровенным, прямым и правдивым...» / Сост. М.В. Гришкина. – Ижевск, 2010. – С. 51–59.

2011

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: огъя финн-угор, пермь дйнькылысь вуэм инты нимьёс: [Прародина, родной народ и его многоценные имена: топонимы общепермского, прапермского происхождения] // Вордскем кыл – Родное слово. – Ижевск, 2011. – № 1. – С. 39–43.

Дор музъеме, вордскем калыке но солэн дуно нимьёсыз: удмурт топонимийсь пöртэм сиослэн (пластьёслэн) кылдэмзы: [Прародина, родной народ и его многоценные имена: из истории формирования топонимических пластов Удмуртии] // Вордскем кыл – Родное слово. – Ижевск, 2011. – № 2. – С. 42–47.

Переводы книг Священного Писания и другой духовно-религиозной литературы на удмуртский язык

Марклэн гожтэм Евангелиез [Евангелие от Марка] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*; богословский редактор *Марья Картано*. – Стокгольм-Хельсинки, 1991. – 67 с.

Жеч Ивор [Четвероевангелие] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*; богословский редактор *Марья Картано*. – Стокгольм-Хельсинки, 1992. – 275 с.

Псалтирь. Вöсьяскон гурьёс / переводчик *диакон Михаил Атаманов*; богословский редактор *Марья Картано*. – Стокгольм-Хельсинки, 1994. – 1-е изд. – 182 с.; 1999. – 2-е изд. – 224 с.

Даньяса кырзан гурьёс [Акафистник] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*. – Ижкар, 1994. – 75 с.

Вöсьясконьёс [Молитвослов] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*. – Ижкар, 1994–1998. – 7 изд. – 64 с.

Апостольёслэн ужжёссы [Деяния Апостолов] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*; богословский редактор *Марья Картано*. – Стокгольм-Хельсинки, 1996. – 118 с.

Вьль Сйзён [Новый Завет] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*; богословский редактор *Марья Картано*. – Стокгольм-Хельсинки, 1997. – 773 с.

Часэн-часэн вöсьясконьёс но кырзаньёс [Часослов. Молитвы и песнопения] / переводчик *диакон Михаил Атаманов*. – Ижкар, 1998. – 137 с.

Вöсьясконьёс. Каноньёс. Кырзаньёс [Молитвы. Каноны. Песнопения] / переводчик *протодиакон Михаил Атаманов*. – Ижкар, 2000. – Переиздано 8 раз. – 148 с.

Удмурт кылын литургия [Литургия на удмуртском языке] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов. – Ижкар, 2001. – 78 с.

Нылпиослы Библия [Детская Библия] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки-Стокгольм, 2001. – 542 с.

Быдзым эсыт служба. Їжкна вöсяськон [Великая вечерня. Утренняя] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов. – Ижкар, 2002. – 56 с.

Мадёнъёс-паремияос [Паремии] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Ижкар, 2003. – 193 с.

Черк кырзанъёс. Панихида. Кулэм мурт вöсян [Песнопения. Последование панихиды. Чин последования погребения] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов. – Ижкар, 2003. – 54 с.

Библиысь веросьёс [Библейские рассказы] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки, 2003. – 120 с.

Зеч Ивор [Святое Евангелие – служебное] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Ижкар, 2003. – 278 с.

Иона пророклэн книгаез [Книга пророка Ионы] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки-Стокгольм, 2004. – 20 с.

Исаия пророклэн книгаез [Книга пророка Исаи] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки-Стокгольм, 2005. – 140 с.

Эксэйлыкъёслэн книгаоссы [Книги Царств] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки, 2006. – 332 с.

Иовлэн книгаез [Книга Иова] / переводчик протодиакон Михаил Атаманов; богословский редактор Марья Картано. – Хельсинки, 2007. – 72 с.

Оппонирование М.Г. Атамановым диссертаций, представленных на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Ракин, А.Н. Антропотонимическая лексика в пермских языках: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.07 – финно-угорские и самодийские языки. – Сыктывкар, 1997.

Черных, А.В. Этнокультурная история Южного Прикамья по материалам традиционной календарной обрядности в конце XIX – начале XX в.: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография. – Пермь, 1999.

Белова, Е.Б. Аффрикаты удмуртского языка (в экспериментальном освещении): Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.07 – финно-угорские и самодийские языки. – Ижевск.

Самарова, М.А. Микротопонимия Верхней Чепцы: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.07 – финно-угорские и самодийские языки. – Ижевск, 1999.

Кондратьева, Н.В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки). – Ижевск, 2002.

Шутов, А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки). – Ижевск, 2002.

Касимов, Р.Н. Традиционные религиозно-мифологические представления чепецких татар (конец XIX–XX вв.): Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология. – Ижевск, 2004.

Кибардина, Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов РФ (финно-угорские и самодийские языки). – Ижевск, 2003.

Пчеловодова, И.В. Удмуртские лирические песни: истоки и формирование традиции: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. – Ижевск, 2006.

Дмитриева, Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым: Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов РФ (финно-угорские и самодийские языки). – Ижевск, 2006.

Харин, Е.С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история. – Ижевск, 2007.

Шеда-Зорина, И.М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл): Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология. – Ижевск, 2007.

Люкина, Н.М. Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – языки народов РФ (финно-угорские и самодийские языки). – Ижевск, 2008.

Микрюкова, М.А. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртии в конце 1950-х – середине 1960-х годов: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история. – Ижевск, 2008.

Бульчева, Е.А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20. – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Чебоксары, 2010.

Художественное творчество М.Г. Атаманова

Мынам Эграе // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1972. – 13 май. – С. 3.

Кен ваён // Советской Удмуртия. – Ижевск, 1972. – 8 сентябрь. – С. 3; 9 сентябрь. – С. 3.

Ньль зарезь пыр – Иерусалиме: [За четыре моря – в Иерусалим]. – Ижкар, 1994. – 52 с. (паломнический дневник).

Ньль зарезь пыр – Иерусалиме: [За четыре моря – в Иерусалим]. – Ижкар, 1994. – 52 с. // Инвожо. – Ижевск, 1995. – № 2. – С. 3–10; № 3. – С. 3–11.

Инмаре, жаля монэ сълькыез: [Боже, милостив буди мне грешному]. – Ижкар, 1995. – 76 с.

За четыре моря – в Иерусалим // Православная Удмуртия. – Ижевск, 1995. – № 4. – С. 6; № 5. – С. 6; № 6. – С. 6.

Суоми кунны пумиськонъёс: [Встречи на земле Суоми: дорожные очерки] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 27 июль. – С. 3.

- Люкиськон: [Прощание] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1998. – 20 июнь. – С. 3.
 Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – 164 с.
 Египет. Гора Синай // Луч. – Ижевск, 2001. – № 7–8. – С. 36–43.
 Улон вань но, кулон вань: [Есть жизнь и есть смерть] // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 2. – С. 68–72.
 Анна Павловна // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 3. – С. 73–77 (на удм. яз.).
 Олексан агай: [Дядя Александр I] // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 4. – С. 94–98.
 Гавриил иеромонах: [Иеромонах Гавриил] // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 7. – С. 82–89.
 Марпа песьяй: [Бабушка Марфа] // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 8. – С. 88–93.
 Дарья Михайловна // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 9–10. – С. 89–98. (на удм. яз.).
 Пойвай Анна апай: [Тётя Анна из Пойвая] // Кенеш. – Ижевск, 2002. – № 11–12. – С. 89–95.
 Ёги-Георгий, Илля агай, Очан но мукетъёсыз: [Георгий, дядя Илия, Александр и другие] // Кенеш. – Ижевск, 2003. – № 1. – С. 76–82; № 2. – С. 72–85.
 Галина // Кенеш. – Ижевск, 2003. – № 3. – С. 91–96; № 4. – С. 75–81 (на удм. яз.).
 Наталия монахиня: [Монахиня Наталия] // Кенеш. – Ижевск, 2003. – № 7. – С. 82–89; № 8. – С. 73–78; № 9. – С. 58–70.
 Tiieni Raamattuun: [Мой путь в Библию]. – Helsinki, 2003. – 173 с. (на финск. яз.).
 Кылё тодэм калыкъёс: [Остаются знакомые люди: о благочестивых христианах Удмуртии]. – Ижкар, 2004. – 148 с.
 Землыкез утчан сюрес: [Пути поиска правды]: интервью с М.Г. Атамановым / записала Г. Романова // Кенеш. – Ижевск, 2004. – № 5–6. – С. 43–61; № 7. – С. 47–71.
 Мыным вӧсь. Тятя: [Мне больно. Тятя] // Кенеш. – Ижевск, 2004. – № 9. – С. 61–68.
 Мыным вӧсь. Пеньки: [Мне больно. Пеньки] // Кенеш. – Ижевск, 2004. – № 11–12. – С. 78–84.
 Пештырском улмопу дорын вераськон: [разговор у опалившейся яблони] // Кенеш. – Ижкар, 2005. – № 1. – С. 63–73.
 Мыным вӧсь. Карлуд шур дурын малпаськон: [Мне больно. Раздумья у речки Карлудки] // Кенеш. – Ижкар, 2005. – № 3. – С. 89–94.
 Армиын. Удмурт офицерен пумиськон: [В армии. Встреча с удмуртским офицером] // Кенеш. – Ижкар, 2005. – № 8. – С. 60–71.
 Удмурт черк. Малы мыным вӧсь?: [Удмуртская церковь. Отчего мне больно?] // Кенеш. – Ижкар, 2007. – С. 58–67.
 Эграласен Дӧжигуртозь: [От Эгры до Дӧжигурта] // Кенеш. – Ижкар, 2007. – № 7. – С. 74–85.
 Мон – удмурт. Малы мыным вӧсь?: [Я – удмурт. Отчего мне больно?]. – Ижкар, 2007. – 104 с.
 Оскон, оскиськон, яратон: [Вера, надежда, любовь]. – Ижкар, 2007. – 304 с.
 К источнику жизни-Улонлэн ошмесэз доры. – Ижевск, 2008. – 232 с.
 Оскон, оскиськон, яратон: [Вера, надежда, любовь (книга с проповедями)]. – 2-е изд. – Ижкар, 2008. – 304 с.
 Тангыра. Кузьмадӛс (эпос). – Ижкар: «Удмуртия», 2008. – 320 с.
 За четыре моря – в Иерусалим. – Ижевск, 2010. – 110 с.

**Рецензии, отзывы на научные труды,
переводы книг Священного Писания,
художественное творчество, характеристики, поздравления М.Г. Атаманова**

Кельмаков, В.К. Рецензия: *М.Г. Атаманов*. Этнонимы удмуртов в топонимии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тарту, 1978. // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1979. – № 3 (XV). – С. 202–206.

Майер, В.Е. Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – 175 с. // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1983. – № 3. – С. 236–237. (на нем. яз.).

Майер, В.Е. Историческое прошлое удмуртского народа // Удмуртская правда. – Ижевск, 1983. – 16 января.

Макаров, Л.Д. О происхождении древней истории удмуртов // Удмуртская правда. – Ижевск, 1987. – 23 июля.

Гришкина, М. Об истории языков: рецензия на книгу: *М.Г. Атаманов*. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. – 168 с. // Удмуртская правда. – Ижевск, 1988. – 6 сентября.

Мелетин, В. Что такое воршуд? // Кировская правда. – Киров, 1989. – 2 июня.

Семибратов, В. Малмыжские страницы «Удмуртской ономастики» // Сельская правда. – Малмыж, 1989. – 18 июля.

Аристэ, П. Рецензия: *М.Г. Атаманов*. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. – 168 с. // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1989. – № 3. – С. 211–213 (на нем. яз.).

Востриков, О., Матвеев, А. Книга для вас: рецензия на книгу: *М.Г. Атаманов*. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988. – 168 с. // Наука Урала. – Свердловск, 1989. – 29 апреля.

Владыкин, В. Рецензия на книгу: *М.Г. Атаманов*. Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 395 с. // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1992. – № 3. – С. 226–227.

Владыкин, В. Удмуртский именник // Удмуртская правда. – Ижевск, 1992. – 29 января.

Владыкин, В. Каждый выбирает свою дорогу жизни... // Диакон Михаил Атаманов. Ньль зарезь пыр – Иерусалиме. – Ижкар, 1994. – С. 5–6.

Николай, Архиепископ Ижевский и Удмуртский. Предисловие // Диакон Михаил Атаманов. Ньль зарезь пыр – Иерусалиме. – Ижкар, 1994. – С. 3–4.

Туганаев, В. Открыл... Евангелие // Удмуртская правда. – Ижевск, 1994. – 29 июня. – С. 1.

Комарова, А., Шкляев, А.Г. Удмурт кылын но – сюлэм пыр: [На удмуртском языке от всего сердца] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1994. – 1 сентябрь.

Шкляев, А. Литература ласянь учконо ке...: [Если посмотреть как на литературное произведение...] // Диакон Михаил Атаманов. Ньль зарезь пыр – Иерусалиме. – Ижевск, 1994. – С. 7–8.

Кубашев, П. Эграос: [Эгринцы] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 24 май.

Николаева, С. Шумпотыса лыдзи: [С радостью прочитала] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 18 июль. – С. 3.

Петров, А. Мынам эше. Михаил Атамановлы сӱзьыса: [Мой друг. Посвящая Михаилу Атаманову] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 19 сентябрь. – С. 3.

Тихонова, Л. Дӛлето но берекето азинлык тӛлед: [Благодатных успехов тебе] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 19 сентябрь. – С. 2.

Шкляев, А.Г. Инмар нуэ ӱоскыт сюрестӱ, но со сюрес – шонер сюрес: [Бог ведет по узкому пути, но этот путь – верный путь] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1995. – 25 октябрь. – С. 4.

Гришкина, М., Владыкин, В. Восхождение // Удмуртская правда. – Ижевск, 1995. – 3 октября. – С. 3.

Поздеев, П.К. Аримаспиос: киньёс соос?: [Аримаспии: кто они?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1996. – 30 ноябрь. – С. 4.

Андуганов, Ю. Рецензия: М.Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Йошкар-Ола, 1996. // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1997. – № 4. – С. 119–124.

Кельмаков, В.К. Рецензия: М.Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Йошкар-Ола, 1996. // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1997. – № 3. – С. 234–237.

Артамонов, А. Кавалер ордена стал доктором наук // Известия Удмуртской Республики. – Ижевск, 1997. – 30 апреля.

Гайсин, Х. Свидетельство древней истории // Новая Кама. – Елабуга, 1997. – 23 декабря. – С. 3.

Гришкина, М., Павлов, Н. Рецензия: М.Г. Атаманов. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997. – 248 с. // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1997. – № 4. – С. 125–128.

Павлов, Н. Это – событие // Удмуртская правда. – Ижевск, 1997. – 20 августа.

Батуева, А.С. Редакциын ужасьёс! Умоесь-а?: [Сотрудники редакции! Здравствуй-те!] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1997. – 29 ноябрь.

Владыко Николай, Крисп, С. Вэль Сӱзёнлы сӱзёнъёс: [Посвящения Новому Завету] / Владыко Николай, С. Крисп [и др.] // Инвожо. – Ижевск, 1998. – № 5. – С. 10–13.

Ивашкин, В. Кытын мынам эльшаере?: [Где моя прародина?] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1998. – 6 январь. – С. 4.

Пиркко, Суйхконен. Туж бадӟым уж: [Великий труд] // Кенеш. – Ижевск, 1998. – № 2. – С. 40.

Арсланов, Л. Файдалы хезмэт // Менделеев яналыклары. – Менделеевск, 1998. – 17 января. – С. 4. (на татарском яз.).

Пушина-Благинина, С. Идите, научите все народы... // Удмуртская правда. – Ижевск, 1997. – 16 апреля.

Шушакова Г. Сюлэмез шунтӧсь книга: [Книга, согревающая душу] // Инвожо. – Ижевск, 1998. – № 8–9. – С. 19–20.

Владыкин, В.Е. Каждый выбирает свою дорогу жизни... // Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 4–6.

Гришкина, М.В. Следы в науке. Подвиг Любви и Веры // Диакон Михаил Атаманов. Мой путь в Библию. – Ижевск, 1999. – С. 145–150.

Лантева, Р. Котыр ласянь пайдаё книга...: [Книга, полезная во всех отношениях] // Удмурт дунне. – Ижевск, 1999. – № 84. – С. 2.

Карпова, Л.Л. Рецензия: М.Г. Атаманов. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997 // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1999. – № 3. – С. 221–224.

Иванов, М. Сютэм тушмондэ нянен сюд: Удмурт нылпиослы кузьым – Библия...: [Голодного накорми хлебом: Библия – подарок удмуртским детям] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. – 14 ноябрь. – С. 3.

Герасимова, С.В., Тараканов, И.В. Вэль Сӱзён: [Новый Завет – перевод на удмуртский язык Михаила Атаманова] // Linguistica Uralica. – Tallinn, 2001. – № 4. – С. 306–308.

Презентация Детской Библии / автор не указан // Вести. – Ижевск, 2001. – № 9. – Ноябрь. – С. 4.

По следам удмуртских воршудов / автор не указан // Герд. – Ижевск, 2002. – 36 толшор. – № 1 (34). – С. 4.

Майкова, О. Воршудёслэн пыты кузязы: [По следам удмуртских воршудов] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2002. – 5 февраль. – С. 3.

Павлов, Н. Уникальное наследие удмуртов (рецензия на книгу «По следам удмуртских воршудов») // Герд. – Ижевск, 2002. – 30 кварталезь. – С. 4.

Коряков, Г. Михаил Атаманов: священнослужитель или ученый? // Совершенно конкретно. – Ижевск, 2002. – 10–17 октября. – № 41. – С. 8.

Козлов, М.М. Доктор филологии в миру и отец в церкви // Граховский звездопад. – Ижевск, 2002. – С. 87–93.

Вяятяйнен, Сату. Восхищаюсь! // Герд. – Ижевск, 2004. № 5 (62). – Кварталезь. – С. 4.

Елышев, А. Кылё тодэм калыккёс: [Остаются знаемые люди] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 11 август. – С. 4.

Романова, Г. Йёно книга – Финляндиян: [Важная книга – в Финляндии] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2004. – 10 февраль. – № 20. – С. 4.

Архиепископ Ижевский и Удмуртский Николай. К моему приезду на Ижевскую и Удмуртскую кафедру... // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 3–4.

Архимандрит Матфей. С верой, надеждой, любовью // Культурное наследие народов России. Удмурты. – М.: Изд. «Голос-Пресс», 2005. – С. 534–538.

Архимандрит Матфей. Слово о юбиляре // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 5–8.

Владыкин, В.Е. Самородок (штрихи к портрету М.Г. Атаманова) // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 9–13.

Куликов, К.И. Во имя веры, надежды, любви // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 13–17.

Лааксо, А., Картано, М. Средства массовой информации Швеции и Финляндии о переводческой деятельности отца Михаила // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 17–41.

Голдина, Р.Д. К юбилею Михаила Гавриловича Атаманова // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 41–48.

Михайлов, В. Путь в мир Библии, науки и публицистики // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 48–58.

Зайцева, Т.И. Переключка времён. Размышления о литературном творчестве отца Михаила // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 58–64.

Зверева, Т.Р. Пахарь на ниве науки и миссионерства (К 60-летию Михаила Атаманова) // Удмуртский университет. – 4 октября 2005 года. – С. 8.

Письма схимонаха Пантелеимона (Ефремова) // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 122–126.

Письма читателей: благодарения, воспоминания... // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 127–140.

Елкин, П.В. Восхождение. Энергия исканий // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 141–144.

Владыкин, В.Е. Уж, ялан уж...: [Труд, непрерывно труд] // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 145–147.

Шкляев, А.Г. «Нылпиослы Библия» нимо книгалы презентация дыръя верам кыл: [Слово, сказанное во время презентации «Детской Библии»] // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 147–148.

- Аристэ, П.* Письма // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 153–154.
- Цыпанов, Е.* Шуд но бур солы!: [Счастья и успехов ему] // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 156–157.
- Жан-Люк Моро.* Письмо // С верой, надеждой, любовью. – Ижевск, 2005. – С. 157.
- Кутянова, Л.* Мон – удмурт! Кин мае утча...: [Я – удмурт! Кто что ищет...] // Кенеш. – Ижевск. 2005. – № 8. – С. 57–60.
- Тараканов, И.В.* Гажаськом, даньяськиськом, зечкыласьком: [Любим, гордимся, поздравляем] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2005. – 21 сентябрь.
- Тараканов, И.В., Шутов, А.Ф.* Юбилей М.Г. Атаманова // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 2005. – № 4 (41).
- Бодалёва, З.* Удмурт кылын вöсьяськыны каньыл: [Молиться на удмуртском языке легко] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 13 январь. – № 3–4. – С. 12.
- Михайлов, В.* Дондыкарысен Урсыгуртозь: [От Дондыкара до Урсыгурта] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2006. – 18 январь. – № 6. – С. 5.
- Поздеев, П.К.* Вужмисьтэм Вуж Эгра: [Нестареющая Старая Эгра] // Кенеш. – Ижевск, 2006. – С. 99–104.
- Тараканов, И.В.* Атаманов Михаил Гаврилович // Удмуртский язык: становление и развитие. – Ижевск, 2007. – С. 277–281.
- Пушина-Благинина, С.* Инмаре, жаля, яке Пути Господни неисповедимы: [Помилуй мя, Боже, или пути Господни неисповедимы] // Герд. – Ижевск, 2007. – Сентябрь–куарусён. – № 9 (102). – С. 2.
- Арзами Очей.* Туала эпос сярсы: [О современном эпосе]: интервью с М.Г. Атамановым // Инвожо. УдмуртПЕН-Клуб. Альманах. – Ижевск, 2008. – № 5–6. – С. 37–39.
- Байбекова, З.* Калыкен артэ: [Всегда рядом с народом] // Удмурт дунне. – Ижевск, 2008. – 23 сентябрь. – № 144. – С. 5.
- Бондарева, Е.* Тангыра: новая версия удмуртского эпоса // День. – Ижевск, 2008. – 30 октября. – № 43 (0894). – С. 18–19.
- Гришкина, М.В.* «Тангыра» собирает друзей // Удмуртская правда. – Ижевск, 2008. – 22 октября. – № 120. – С. 3.
- Пономарев, К.А.* Удивительный мир Михаила Атаманова (штрихи к творчеству ученика юбиляра) // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума. – Ижевск, 2008. – С. 260–263.
- Зайцева, Т.И.* Духовная проза М.Г. Атаманова как явление современной удмуртской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. №10 (34). – Волгоград, 2008. – С. 202–205.
- Цыпанов, Е.* Рецензия: *М.Г. Атаманов-Эграпи.* Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск: «Удмуртия», 2005. – 248 с. // *Linguistica Uralica*, 3 (XLIV). – Tallinn, 2008. – С. 225–227.
- Шкляев, А.Г.* Набатный звон тангыры // Удмуртский университет. – Ижевск, 2008. – 28 октября. – № 11 (112). – С. 3.
- Гришкина, М., Шкляев, А.* «Тангыра»: новая версия удмуртского эпоса // Финноугроведение. – Йошкар-Ола, 2009. – № 2. – С. 97–101. [Рецензия на эпос М.Г. Атаманова-Эграпи «Тангыра»].
- Ванюшев, В.М.* Тангыра öте, кырза, бöрдэ: [Тангыра зовет, поёт, плачет] // Кенеш. – Ижкар, 2009. – Октябрь. – С. 90–98.
- Яшина, Р.И.* Валче уломе, кема уломе!: [Совместно будем жить, долго будем жить!] // Кенеш. – Ижкар, 2009. – С. 99–102 (рецензия на эпос «Тангыра»).

Ермолаева, Н. Источник жизни земной и вечной: Рецензия на книгу «К источнику жизни – Улонлэн ошмесэз доры» // Инвожо. УдмуртПЕН-клуб. Альманах. – Ижевск, 2010. – № 5–6. – С. 201–203.

Тараканов, И.В. М.Г. Атаманов-Эграпилы – 65 // Вордскем кыл – Родное слово. – № 9. – 2010. – С. 42–43.

* * *

Väliaho, Juha. Isä Mihail kääntää Raamattua Udmurtiksi: [Отец Михаил – переводчик Библии на удмуртский язык] // Piplia – Helsinki, 1993. – № 3. – С. 4–5 (на финск. яз.).

Merras, Merja. Keski-Venäjän ortodoksisia kielisukulaisia tapaamassa: [Встреча с православными родственниками по языку в Центральной России] // Aamun koitto. – Helsinki, 1995. – № 16. – 1.9.1995. – С. 27–29 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Elämäntehtävänä Raamatun kääntäminen omalle äidinkielelle: [Перевод Библии на свой родной язык – дело всей жизни] // Avainsanoma. – Kerava, 1996. – 1 osa. – № 2. – С. 8–9; 2. osa. – № 3. – С. 6–7 (на финск. яз.).

Apostolien teot udmurtiksi: [«Деяния апостолов» на удмуртском языке] / автор не указан // Avainsanoma. – Kerava, 1996. – № 3. – С. 7 (на финск. яз.).

Tukkimäki, Paavo. Udmurtia Kalliossa: [В Каллио говорят на удмуртском языке] // Helsingin Sanomat. – Helsinki, 1996. – № 147 (35025). – А. 10 (на финск. яз.).

Tervonen, Heikki. Udmurtinkieliset raamatunosat kuin kuumille kiville: [Книги Библии на удмуртском языке принимаются нарасхват] // Piplia. – Helsinki, 1996. – № 3. – С. 11 (на финск. яз.).

Lindström, Barbro. «Om jag bara fick höra Guds ord på mitt eget språk»: [«Если бы я могла слушать слово Божие на своем родном языке...»] // Nyheter från Institutet för Bibelöversättning. – Stockholm, 1997. – № 4. – December. – С. 3–5 (на шведск. яз.).

Blomqvist, Lars, Carlid, Tor. Udmurtiens folk får egen bibel: [Удмуртский народ получил часть Священного Писания] // Dagen. – Stockholm, 1997. – № 199 (13634). – С. 9 (на шведск. яз.).

Teinilä, Mari. Isä Mihailin suuri ilonpäivä: Uusi testamentti ilmestyi udmurtiksi: [День великой радости отца Михаила: «Новый Завет» вышел на удмуртском языке] // Kotimaa. – Helsinki, 1997. – № 50. – 12.12.1997. – С. 18 (на финск. яз.).

Karhi, Olli. Uutta testamenttia ahmitaan Udmurtiassa: [«Новый Завет» читают с запоем в Удмуртии] // Sana. – Helsinki, 1997. – № 49. – 4.12.1997. – С. 7 (на финск. яз.).

Uusi testamentti udmurtiksi: [«Новый Завет» на удмуртском языке] / автор не указан // Aamun Koitto. – Helsinki, 1997. – № 21. – 21.11.1997. – С. 20 (на финск. яз.).

Rajala, Jouko. Udmurtit saivat Vylj Sijjonin, Uuden testamentin: [Удмурты получили Виль Сүзён – Новый Завет] // Avainsanoma. – Kerava, 1997. – № 8. – С. 6–7 (на финск. яз.).

Holopainen, Jussi. Udmurtit saivat Uuden testamentin: [Удмурты получили «Новый Завет»] // Piplia. – Helsinki, 1997. – № 4. – С. 6–7 (на финск. яз.).

Holopainen, Jussi. Udmurtinkielistä Uutta testamenttia juhliitaan myös Suomessa: [Выход «Нового Завета» на удмуртском языке празднуют и в Финляндии] // Kotimaa. – Helsinki, 1997. – № 48. – 28.11.1997. – С. 11 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Livets största utmaning: [Самое важное жизненное призвание] // Borislav Arapovic. Bibelns Sidenväg. – Stockholm–Helsingfors–Moskva–Los Angeles, 1998. – С. 160–168 (на шведск. яз.).

Laakso, Anita. Udmurtin ensimmäinen UT valmis painettavaksi: [Первый «Новый Завет» на удмуртском языке готов к печати] // Avainsanoma. – Kerava, 1997. – № 4. – С. 3 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Udmurtin Uuden testamentin vaiheista: [Этапы перевода «Нового Завета» на удмуртский язык] // Ristin voitto. 1997 (на финск. яз.).

Halme, Esko. Käännöstarkistaja Marja Kartano on Udmurtiassa kuin kotonaan: [Богословский редактор Марья Картано чувствует себя в Удмуртии как дома] // Avainsanoma. – Kerava, 1997. – № 6. – С. 7 (на финск. яз.).

Holopainen, Jussi. Udmurtinkielinen Uusi testamentti ilmestynyt!: [Удмуртский «Новый Завет» вышел!] // Piplia. – Helsinki, 1997. – № 3. – С. 30 (на финск. яз.).

K.T. Udmurtinkielistä Uutta testamenttia juhliitaan myös Suomessa: [«Новый Завет» на удмуртском языке празднуют и в Финляндии] / автор не указан, поставлены лишь инициалы // Kotimaa. – Helsinki, 1997. – № 48. – 28.11.1997. – С. 11 (на финск. яз.).

Ortodoksiviesti (Православный вестник. Журнал Хельсинкского Православного прихода) / автор статьи не указан. – Helsinki, 1997. – № 21. – 10.12.1997. – С. 20 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Zoja ja Nikolai iloitsevat Jumalan Sanasta: [Зоя и Николай радуются Слову Божьему] // Avainsanoma. – Kerava, 2001. – № 9. – С. 5 (на финск. яз.).

Toukkari, Satu. Keski-Venäjä kosketti: [Центральная Россия нас растрогала] // Piplia. – Helsinki, 2001. – № 3. – С. 11–12 (на финск. яз.).

Asikainen, Martti. Raamattujuhla Udmurtiassa: [Библейский праздник в Удмуртии] // Piplia. – Helsinki, 2002. – № 3. – С. 6–7 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Nyt on aika tehdä työtä!: [Сейчас время трудиться] // Avainsanoma. – Kerava, 2002. – С. 3 (на финск. яз.).

Laakso, Anita. Uusi testamentti udmurttien käsissä: [«Новый Завет» в руках удмуртов] // Avainsanoma. – Kerava, 2003. – № 8. – С. 5 (на финск. яз.).

Список составлен научным сотрудником
Института истории и культуры народов Приуралья
УдГУ Н.Ф. Ширококовой

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1, с.5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-61-83

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 1

Под редакцией *Н.И. Леонова*

Составители – *А.Е. Загребин, А.В. Ишимуратов, Р.В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л.Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н.Ю. Юрпалова, И.В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 17.03.2011. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 14.7. Уч.-изд. л. 12.14.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru